

св. ш. 57

Handwritten signature

9 $\frac{50}{533}$

ЕФИМ РОССЕЛЬС

801-15
1824

133587

9 $\frac{50}{533}$ БАНДА

БАТЬКИ ГОРБУНОВА

(ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПАМИР)

81/1034 ID

39-5509

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

30-66753

Фотографии, использованные в книге, были предоставлены в мое распоряжение гг. Горбуновым, Щербаковым, Шмидтом, Райхардтом, Соколовым, Дорофеевым, Перлиным и Финстервальдером, за что приношу им свою благодарность.

АВТОР

2010390000

Главлит № А—65738 Гиз Д—41 № 38708 Зак. № 674 14 п. л. Тираж 10 000.

Типография Госиздата «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИЗ ЕВРОПЫ В АЗИЮ

О ВАШЕМ СОГЛАСИИ СООБЩИТЕ

Однажды, придя домой, я нашел на письменном столе зеленый конверт. Вскрыл. Читаю:

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК. КОМИССИЯ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Многоуважаемый товарищ.

Комиссия экспедиционных исследований Академии наук СССР просит вас принять активное участие в работе группы альпинистов советско-германской Алайской экспедиции.

Работы этой группы имеют целью рекогносцирование мало известных высокогорных перевалов Заалайского хребта и Памирских горных цепей, а также восхождение на главные вершины Памирского поднятия.

Вместе с тем КЭИ рассчитывает на ваше содействие научным работам экспедиции путем выполнения отдельных научных заданий, возлагаемых на вас по соглашению с вами начальником экспедиции.

Определившийся состав сотрудников экспедиции позволяет наметить нижеследующие секторы работ:

(Идет длинный перечень секторов работ.)

Начальник экспедиции — Н. П. Горбунов (Москва, Кремль, СНК СССР).

Заместитель начальника экспедиции — геолог Д. И. Щербаков (Ленинград, Академия наук СССР).

Для научного руководства обработкой материалов экспедиции Академией наук избран Научный совет в составе:

Академик С. Ф. Ольденбург
» П. П. Сушкин
» В. В. Бартольд
» В. Л. Комаров
» А. Е. Ферсман

Директор Пулковской обсерватории А. А. Иванов
И. о. Директора Гл. геофиз. обсерватории В. И. Попов
Начальник экспедиции Н. П. Горбунов
Профессор Н. Л. Корженевский
Заместитель начальника экспедиции Д. И. Щербаков

В случае вашего согласия принять участие в работах экспедиции КЭИ просит вас уведомить ее об этом, имея в виду, что вам надлежит прибыть на отправной пункт в г. Ош, Киргизской АССР, между 1 и 5 августа. Более подробные сведения о намеченных маршрутах экспедиции и предполагаемых восхождениях будут вам сообщены после согласования этого вопроса с представителями германской группы, прибывающей в Ленинград 14 мая.

Председатель КЭИ академик А. Е. Ферсман
Ученый секретарь (подпись)

А спустя час ко мне позвонил Николай Петрович Горбунов, который, осведомившись о том, получил ли я приглашение, стал меня подробно расспрашивать о состоянии здоровья, о том, чувствую ли я себя достаточно крепким, чтобы выдержать это путешествие.

— Я вполне здоров и с радостью принимаю ваше предложение.

— Что с вами случилось на Эльбрусе? Почему вы не добрались до вершины? Мне говорили, что у вас началась горная болезнь, и вам, Ефим Михайлович, может быть, об этом следует подумать.

— Нет, вздор. Сердечный припадок, который случился у меня перед приютом «Одиннадцати», был просто-напросто случайной реакцией на неожиданный провал в трещину.

— Хорошо, если вы себя чувствуете совершенно здоровым, то я вас попрошу зайти ко мне для более детальных переговоров.

КАК И ЗАЧЕМ СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕШИЛО СНАРЯДИТЬ ЭКСПЕДИЦИЮ НА ПАМИР

Было это во время празднования двухсотлетия Академии наук. Собрались для такого большого торжества ученые всего мира. И в перерыве одного из юбилейных заседаний почти одновременно у известного германского метеоролога проф. Фикера и у нашего крупного общественного

работника, управляющего делами Совета народных комиссаров, Николая Петровича Горбунова возникла мысль о создании совместной советско-германской экспедиции, как залога сближения советской и германской науки.

Проф. Фикер предложил организовать экспедицию для изучения неисследованной области Памира. Эта мысль у проф. Фикера была не случайной. Еще перед войной, в 1913 году, он принимал участие в одной из экспедиций на Памир.

Последние три десятка лет Памир или «Крыша мира», как называют это высочайшее в мире плоскогорье, занимает умы русских и иностранных ученых.

Десятки крупных исследователей, путешественников и геологов за последние годы пытались изучить эту изумительную горную страну. И, конечно, не один проф. Фикер, раз побывавший на Памире, глядя на карту Средней Азии, не мог равнодушно смотреть на «белое пятно», носящее название «неисследованной области Танымасс».

Естественно, что предложение проф. Фикера быстро нашло живой отклик со стороны ряда русских и немецких ученых. После долгих переговоров с рядом лиц и учреждений, сочувственно отнесшихся к экспедиции, в 1928 году было намечено осуществление экспедиции.

Какие же цели и задачи поставила перед экспедицией Академия наук?

Прежде чем ответить на этот вопрос, читателю придется проделать немного скучную работу и заняться картой Средней Азии.

Вы видите на карте, что на юго-восточной части нашей республики заштриховано небольшое место. Это и есть Памир¹.

Эта область почти целиком входит в состав Таджикской

---

¹ Памир — «Паймир», что в переводе на русский язык означает «преддверие смерти».

республики. С северо-запада она прилегает к СССР, с северо-востока она граничит с Китаем, с юго-востока—с Индией, с юго-запада—с Афганистаном. Двумя колоссальными отрогами хребтов Тянь-Шаня и Заалайского, с одной стороны, и хребтом Гиндукуш, с другой стороны, как кольцом, замыкается это плоскогорье.

В этом маленьком, замкнутом цепью гор клочке земного шара вы находите изумительные оазисы, поражающие своей красотой, своими тропическими растениями, взлелеянными знойными лучами южного солнца. Наряду с этими тропическими растениями вы встречаете яблони, тутовые и ореховые деревья, урюк, дыни, арбузы. Таковы долины рек Пянджа, Бартанга, Ванча и Язгулема. Стоит вам лишь подняться на 500—600 метров вверх, как все исчезает, и вы окружены голыми скалами, камнем и песком.

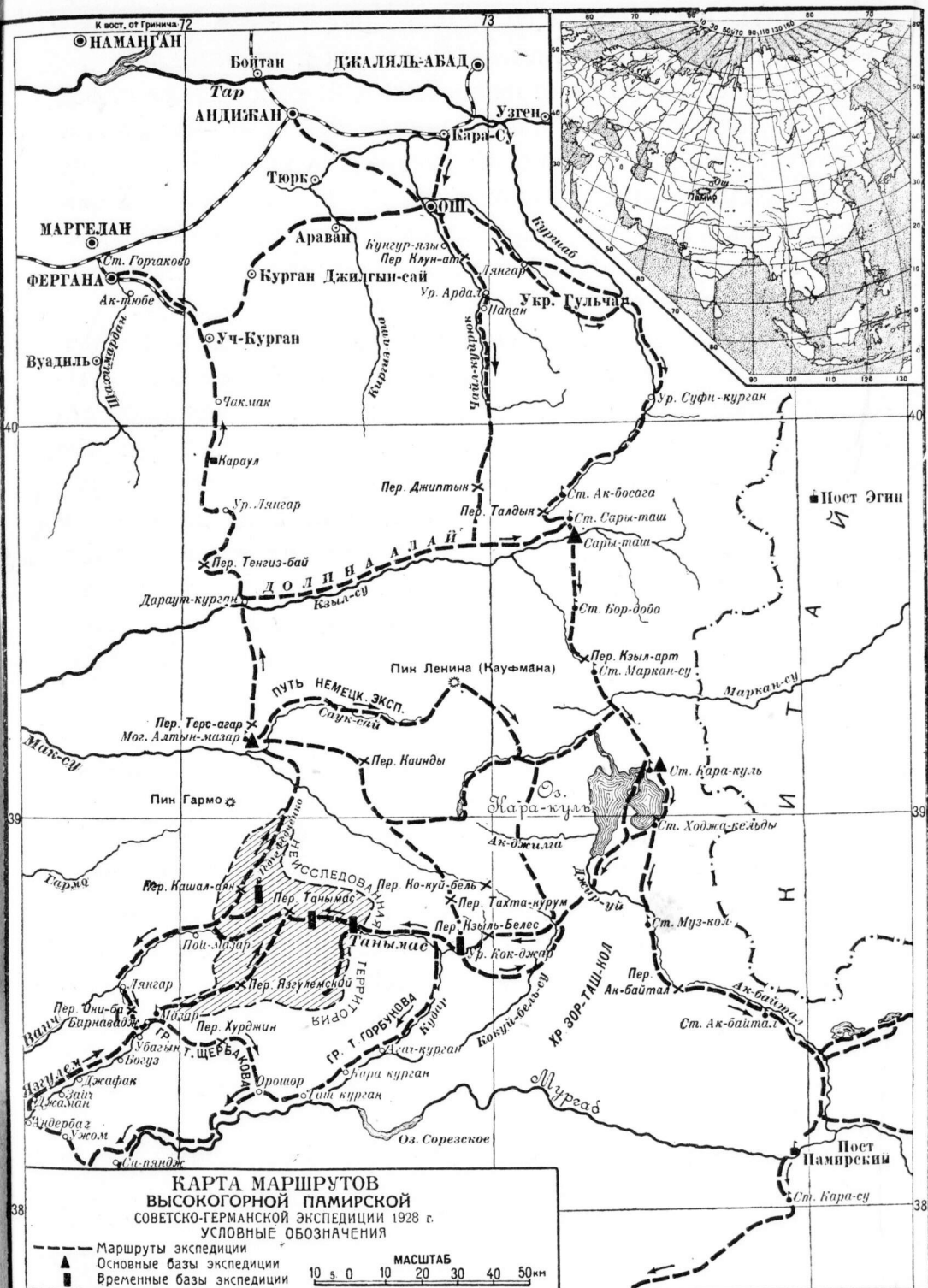
А еще выше эти камни постепенно покрываются надвигающимся гигантским ледником, тянущимся на десятки километров. Один из таких ледников носит название по имени одного из известных исследователей Памира—Федченко.

Нередко во время путешествия, поднимаясь вверх, вы незаметно для себя попадаете из знойного лета в суровую зиму.

Бывает и так, что из цветущей долины, усыпанной различными полевыми цветами и хлебными злаками, проехав 30—40 километров, можете очутиться в мертвой пустыне, покрытой лишь горячим песком. Таков, например, путь из Алайской долины в пустыню Маркансу или, как ее называют, «Долину смерти».

Вот каков Памир, вот как он выглядит. Это его самая маленькая, самая короткая характеристика.

Памир мало исследован, но совершенно неисследованной является на Памире область у гигантского, спускающегося с горных хребтов ледника Федченко и носящая название Танымасс. Вот сюда-то советское правительство решило

КАРТА МАРШРУТОВ
 ВЫСОКОГОРНОЙ ПАМИРСКОЙ
 СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1928 г.
 УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Маршруты экспедиции
- ▲ Основные базы экспедиции
- Временные базы экспедиции

МАСШТАБ
 10 5 0 10 20 30 40 50 км

снарядить научную экспедицию, пригласив к участию в ней группу русских и немецких ученых и альпинистов.

Наша экспедиция поставила себе целью исследовать всю область, лежащую от пика Ленина (до нашей экспедиции считавшегося самой высокой точкой Памира—7 137 метров высоты. Ныне самой высокой точкой Памира и СССР является пик Гармо, по определению экспедиции 7 495 метров) и озера Кара-Куль в юго-западном направлении до уже известных частей Памира—Рушана и Дарваза.

Основной задачей экспедиции являлось составление точной географической карты и обследование «белого пятна», которое и занимает значительную часть намеченной области и вокруг которого местные жители сложили множество легенд о том, что в недосыгаемых ущельях Таны-масса живет какое-то таинственное племя, которое бережно охраняет подступы к своим владениям. Легенды говорят, что много-много лет назад какое-то древнее племя, спасаясь бегством от своих поработителей, ушло через таинственные перевалы—Кашаль-Аяк и Танымасс и пропало без вести.

Если для географов исследование этой непройденной никем части «Крыши мира» и нанесение на карту новых данных представляло большой интерес, то не меньший интерес для различных специалистов и ученых зоологов, геодезистов, геологов, этномологов, ботаников и др. представляло всестороннее изучение этой же области.

Значительную часть экспедиции составляли две группы альпинистов—германская и советская, на которые был возложен ряд ответственных географических рекогносцировок в обстановке высокогорных восхождений и отдельные научные работы по сбору различных коллекций.

Что касается меня, то на мне, кроме указанных выше работ, лежали еще работы по медицинскому обслуживанию экспедиции.

НЕМЦЫ ПРИЕХАЛИ В МОСКВУ

— Это товарищ Россельс?

— Да, я слушаю. В чем дело?

— Товарищ, с вами говорят из секретариата управляющего делами Совнаркома, от Николая Петровича Горбунова. Дело в том... Вы слушаете?..

— Да, я слушаю, продолжайте.

— Дело в том, что завтра из Ленинграда приезжает немецкая часть экспедиции. Николай Петрович просил сообщить всем членам экспедиции, что завтра в три часа дня в помещении Дома ученых, на улице Кропоткина, состоится встреча всех членов экспедиции для обсуждения маршрута и плана. Вы будете?

— Да, я непременно приеду, может быть, только немного запоздаю.

— Товарищ, еще вопрос. Почему вы до сих пор не представили мерки с вашей подошвы? Вы рискуете остаться без горных ботинок. Поторопитесь.

— Хорошо, я представлю в ближайшие дни.

— Всего хорошего.

На следующий день, когда я поднялся по лестнице старинного особняка Дома ученых на второй этаж, до меня еще издали донеслись шумные голоса собравшихся членов экспедиции. Я быстро вошел в комнату и сразу был смущен устремленными на меня пытливыми взглядами иностранцев.

Ко мне подошел единственный знавший меня профессор-геолог Академии наук Дмитрий Иванович Щербаков, который, любезно поздоровавшись, представил меня немцам как доктора-альпиниста, сделавшего в прошлом году восхождение на Эльбрус.

Здесь я впервые познакомился с членами немецкой группы: Винном, Шнейдером, Борхерсом, Альвайном, Кольхауптом, Рикмерсом, Рейнингом, Нётом, Финстервальдером

и др. (последние три—ученые исследователи), а также с нашими товарищами: кино-режиссером Шнейдеровым и оператором Толчаном, нашими переводчиком и помощником по хозяйственной части—студентом Горной академии Юдиным и тов. Перлиным. Скоро мы уселись за стол.

Немецкая группа экспедиции. Слева направо стоят—Шнейдер, Бирзак, Альвейн, Винн; сидят: Борхерс, Финстервальдер, Рикмерс, Кольхаупт, Нёт; внизу Рейниг.

Часам к шести приехал Николай Петрович Горбунов, который, немедленно развернув привезенные с собой карты Памира, пригласил товарищей приступить к обсуждению плана работ экспедиции и соответствующего маршрута. Здесь я узнал, что Вилли Рикмер-Рикмерс является одним из известнейших путешественников и исследователей Сред-

ней Азии, прекрасно знакомый с картой Памира. Он, как глава немецкой экспедиции, вел от имени немцев переговоры с Николаем Петровичем. В результате переговоров были намечены два предварительных плана: один—движение по Памиру к «белому пятну», к высочайшей горе—пику Гармо, подступы к которому никогда не были рекогносцированы и исследованы, высота которого точно не известна, но не менее 7 000 метров над уровнем моря; другой план сводился к тому, что если бы в неисследованную область, а следовательно, и к пику Гармо проникнуть не удалось, рекогносцировать пик Кауфмана, ныне пик Ленина, который по предварительным данным прежних исследователей поднимается до 7 000 с лишним метров над уровнем моря и на который никто никогда не взбирался. Дальше был намечен следующий маршрут: Москва—Оренбург—Ташкент—Андижан—Ош и далее 359 километров верхом на лошадях по маршруту: укрепление Гульча через перевал Талдык, на высоте 3 700 метров, в долину Алая, затем через перевал Кызыл-Арт на Заалайском хребте, восточнее пика Кауфмана, откуда по Памирскому тракту к озеру Кара-Куль. Отсюда экспедиция должна свернуть в сторону через перевал Кызыл-Белес, направиться к основному лагерю экспедиции у Танымасского ледника. По предварительным расчетам наш путь должен занять не менее двадцати дней. Первая группа товарищей, во главе с профессором Рикмерсом, отправляется в ближайшие дни. Последняя группа, во главе с Николаем Петровичем Горбуновым, отправляется не позднее 15—20 июля с таким расчетом, чтобы 10—15 августа встретиться всем в первом высокогорном лагере у ледника Танымасс.

Вечер закончился демонстрацией кинофильмы, заснятой во время последнего путешествия на Памир, и товарищеским ужином.

Через два дня немецкая экспедиция в сопровождении товарища Перлина отбыла из Москвы.

А вскоре и наша экспедиция, в составе: Николая Петровича Горбунова, Николая Васильевича Крыленко, Отто Юльевича Шмидта, Елены Федоровны Розмирович, Якова Ивановича Ауберга, Е. М. Россельса, товарища Кузьмина отправлялась с Казанского вокзала в Ташкент.

Минут за десять-пятнадцать до отхода поезда около

Отъезд из Москвы советской группы альпинистов. Слева направо — Е. М. Россельс, А. И. Свидерский, И. И. Скворцов-Степанов, Н. П. Горбунов, Е. Ф. Розмирович, Н. В. Крыленко, О. Ю. Шмидт.

нашего вагона собралось много провожающих. Среди них—улыбающееся добродушное лицо Ивана Ивановича Степанова-Скворцова, а рядом с ним Алексей Иванович Свидерский.

Второй звонок.

— Пишите!—кричит Иван Иванович.

— А вы нам,—отвечает Николай Васильевич.

— А ваш адрес?

— К чорту на рога.

— Так и писать?

— Так и писать!

Всем весело. У нас улыбающиеся возбужденные лица. Еще минута,—щелкает затвор фотографического аппарата, и поезд медленно уплывает, оставляя позади светящиеся огни большой платформы Казанского вокзала. Долго еще мелькают в воздухе шляпы, трости, носовые платки, посылающие нам последнее приветствие.

СТЕПЬ КИРГИЗСКАЯ

Мы в дороге. Остались позади Рязанская и Пензенская губернии. После Сызрани поезд помчал нас по ту сторону красавицы Волги, и пересеченные поля и холмы центральной РСФСР сменились широким привольем пшеничных полей Заволжья вплоть до Оренбурга. Было часов одиннадцать ночи, когда мы проезжали Волгу. Я вышел на площадку вагона.

Недалеко от берега, сияя разноцветными фонариками, на темном фоне вырисовывался небольшой волжский пароход. По реке стлалась мелкая зыбь. Тишина прерывалась мерным стуком колес поезда. Так проехали Волгу. Но уже ближе к Оренбургу железная дорога пошла среди небольших отрогов гор, а после Оренбурга нас приняла в свои объятия Киргизская пустынная степь. Напрасно я, однако, искал на границе Урала знаменитого пограничного столба с надписью с одной стороны—«Европа», с другой—«Азия». Темная южная ночь спустилась над землей и не позволила различить не только столба, но вообще чего бы то ни было на расстоянии двух шагов.

Степь предстала перед нами во всем своем своеобразном величии. Изредка попадались стада овец и коз; вот уже

промелькнули первые круглые палатки киргизов—это юрты. Группа таких юрт образует киргизскую деревню—«кишлак». Но их немного. Около юрт бродят лошади, редко-редко коровы. Более жилой вид имеют селения, расположенные возле маленьких железнодорожных домиков—станций, где встречаются одноэтажные беленькие глиняные мазанки, обнесенные большей частью изгородью из тростников. Как правило, возле них течет небольшой арык (так называются каналы искусственного орошения).

После станции Бер Чагур в два часа дня мы увидели первого типичного представителя животного мира Киргизской степи—верблюда. Вскоре на горизонте показались еще три верблюда, а затем обрисовался и весь плавно ступающий по песчаной земле караван. В лучах заходящего солнца очертания этих своеобразных животных делаются особенно отчетливыми, и вы начинаете понимать, что попали в другой мир и что привычные картины остались далеко позади.

Характерной чертой Киргизской степи является ее однообразие. Куда ни взглянешь, везде одно и то же—ни холма, ни лощинки; изжелта-зеленая тянется она одинаково и справа, и слева. Невольно вспоминаешь с ужасом о тех временах, когда не было железной дороги, когда эти бесконечные пространства приходилось проезжать на лошадях. Читая описания такого путешествия у нашего предшественника-исследователя Памира Свен-Гедина, красочно описанного в главе «2000 верст на тарантасе», чувствуешь, какой гигантский толчок вперед представляет собой эта узкая полоска скромных бегущих вперед рельс, прорезавших степь и позволивших человеку преодолеть и покорить себе это безлюдное пространство.

Едем третьи сутки. Жарко, знойно, душно... Зелени почти нет: она вся пожелтела; осталось лишь одно, резко выделяющееся на песчаной почве, кустарниковое растение—саксаул.

Только вечером, подойдя к окну, я почувствовал приятный влажный ветерок. Мы подъезжали к переломному пункту пустыни—к Аральскому морю.

На утро степь уже нельзя было узнать. Справа шумело гигантское камышовое поле, вдаль виднелись небольшие болотца, поросшие тростником. Слева тянулась все та же степь. Киргизские жилища-юрты и глиняные низенькие маленькие избушки встречались теперь гораздо чаще. Около них пестрели яркими цветами одетые в незатейливые одежды киргизы с тюбетейками на затылках.

После двенадцати часов дня еще душнее и пылее. Жара утомляет и расслабляет всех, не привыкших к этому климату. Перед глазами пробегают громадные лысины желтого песка, местами от ветра превращающиеся в дюны. Зелеными пятнами темнеют на них небольшие кучки растительности.

При виде всего этого невольно задумываешься о том, как же здесь живут люди, в каких тяжелых условиях они ведут свою однообразную, как эта пустыня, трудовую жизнь, как воспитывается здесь молодежь, на чем отдыхает их взор после знойного дня,—и начинаешь ясно сознавать, где причина, в чем основная причина культурной отсталости этой окраины, культурной забитости населяющих пустыни народов. Весь романтизм пустыни, о котором так много и хорошо пишут некоторые писатели, в столкновении с реальной действительностью превращается в злую насмешку и издевательство. Здесь не до романтизма, не до восхищения этим безграничным пространством. Суровая борьба за существование в невероятно тяжелых условиях—таков пока еще удел трудовых масс Киргизии и Казакстана. Если же прибавить остатки проклятого наследия царизма, лежащие тяжелым грузом на населении, в виде почти поголовной безграмотности, невежества и нищеты,—начинаешь понимать, какая гигантская еще предстоит работа. Так мало еще сделано в области элемен-

тарной культуры и так много жестокой суровой правды хранит в себе презрительная кличка «азиат», которой в свое время наделила население этих степей культурная Европа. К этим горячим пескам, в эти кочевые юрты, к этим обездоленным природой и людьми народам должна идти наша передовая молодежь, помогая им строить и, вместе с ними строя новую жизнь, окончательно разбивать и разрушать цепи рабства и темноты.

Революция лишь начала эту работу, и недостаточность проделанной работы пришлось нам увидеть непосредственно на следующий же день, как только мы столкнулись вплотную с местной жизнью. Это было уже в Ташкенте, куда мы прибыли на пятые сутки после выезда из Москвы.

ТАК ВОТ ОН КАКОЙ, ТАШКЕНТ!

Большой вокзал, оборудованный на европейский лад, несмотря на ранний час полон суетящейся публикой. Нас встретили местные товарищи. От них мы узнали, что поезд на Андижан отходит в одиннадцать часов вечера. Сейчас семь часов утра. Перед нами вопрос, как использовать свободное время.

Отто Юльевич вносит предложение:

— Хорошо бы выкупаться в восточной бане!

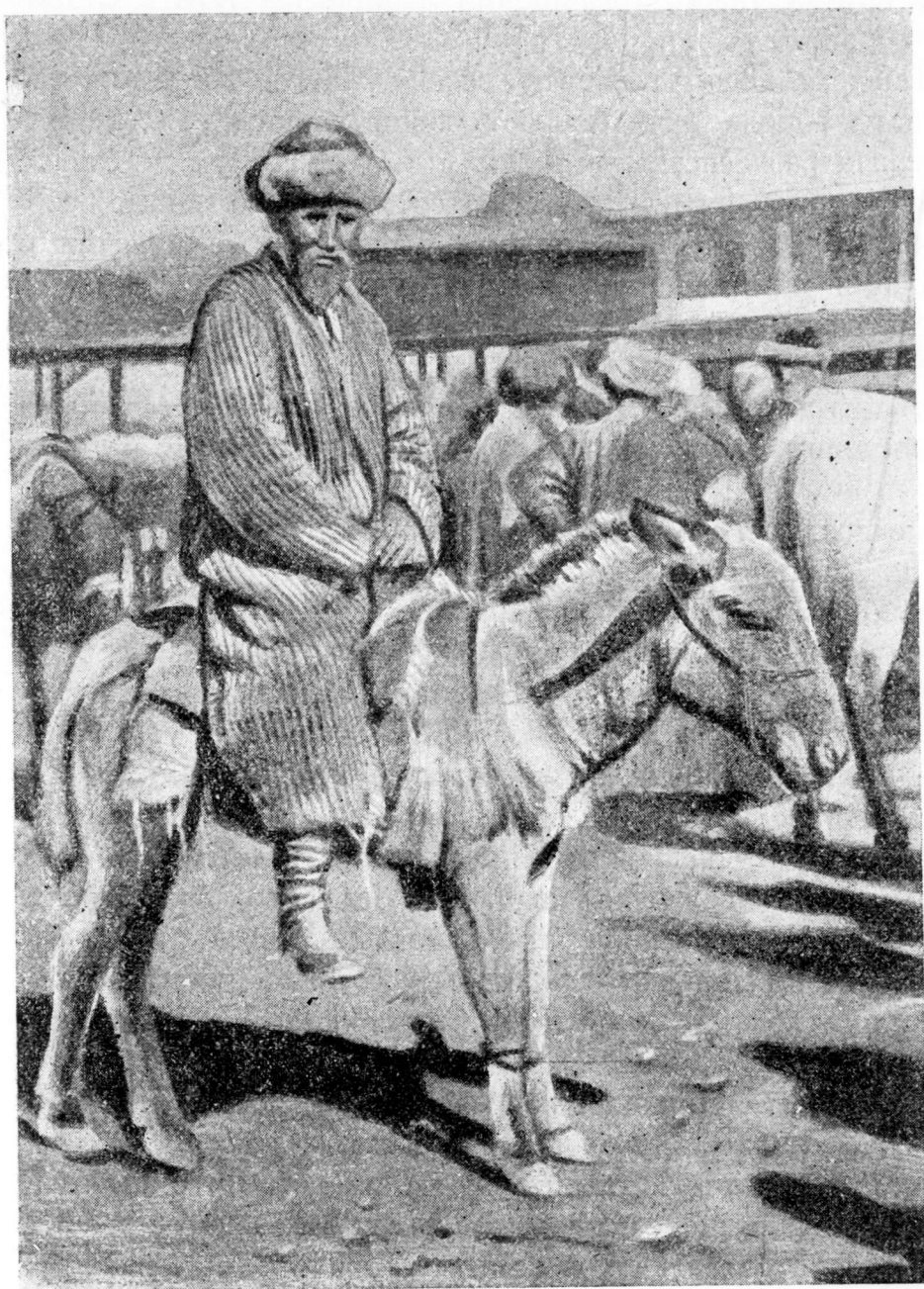
— Очень хорошо, после четырех дней в вагоне,—поддержала Елена Федоровна.

— Нет, товарищи, это не дело,—заметил я,—и без того жарко, а после бани и вовсе раскиснешь, не захочется двигаться, и города не увидим.

Местные товарищи предложили нам посетить Старый город.

— В самом деле, поедемте в Старый город,—сказал Николай Васильевич Крыленко.

Выбирать долго не приходилось, все согласились, и, наскоро закусив, мы отправились на любезно предоставлен-

Ташкент. В Старом городе.

ной нам местными товарищами машине по пути к Старому городу.

Ташкент весь утопает в зелени. Почти все тротуары Нового города представляют собой длинные аллеи прекрасных развесистых тополей. Мимо проносятся большие здания с вывесками учреждений, отдельные красивые особняки бывших местных купцов, ныне занятые музеями и прочими учреждениями. Работа в учреждениях начинается здесь очень рано. Уже в восемь часов утра жизнь города бьет полным ключом. Непривычна для глаза исключительная пестрота тканей, толпы местных жителей. Мужчины в восточных халатах и тюбетейках, женщины густо размалеваны. Они не щадят не только бровей и ушей, но даже ноздрей. На них надеты платья, сшитые по последнему фасону парижских мастерских. Цвет платья обязательно или яркокрасный с зеленым, или яркожелтый с синим, малиновым.

Вдруг картина резко изменилась. Вместо больших зданий, чистых асфальтовых городских тротуаров мы увидели маленькие домики, перемежающиеся с местными открытыми чайными—чай-ханами. Чай-хана—это своеобразные, открытые, по большей части, маленькие трактирчики. Под небольшим навесом, а подчас и без него, расставлены параллельно друг другу низенькие длинные столы, накрытые либо плохоньким изъеденным, старым, дырявым ковром, либо какой-нибудь пестрой восточной материей. Спокойно скрестив ноги, «по-восточному», сидят на этих столах-площадках группами и в одиночку узбеки и попивают из чашек (пиала), похожих на полоскательницу, свой «кокчай» (зеленый чай). Здесь уж вы не встретите пышной праздной шатающейся толпы. Здесь шумно, бедно и грязно.

Машина стала. Перед нами типичные ворота мечети, той самой, которая так хорошо известна читателям по целому ряду картин, фотографий, рисунков. Несколько ступеней вверх и, пройдя в ворота между двух круглых

мозаичных колонн, мы очутились в большом просторном дворе, окруженном с двух сторон невысокой каменной стеной, и с третьей—небольшим двухэтажным каменным домом. Что же внутри этого двора? Все то же. Та же чай-хана с кок-чаем, те же узбеки в национальных халатах, тот же базар с урюком, рисом, помидорами, баранами, та же грязь и нищета. Мы прошли в глубь двора по направлению к зданию и хотели было уже вернуться обратно, но наше внимание задержала характерная картина: около здания сидели на корточках три женщины, покрытые черными мешками (паранджой), и, повидимому заинтересовавшись нами, отвернув несколько переднюю часть своего мешка, украдкой поглядывали на нас. Мы, в свою очередь, рассматривали их. Вдруг незаметно, как бы крадучись, появился позади узбечек старик-узбек, который впился глазами в сидящих узбечек. Вид его был настолько устрашающим, что местные товарищи и сопровождавшие нас поспешно увели нас, предупредив, что мы можем создать нежелательный инцидент. Нам рассказали, что узбеки считают большим позором, если женщина на улице открывает лицо перед мужчинами. По их законам, женщины, совершившие это, приравниваются к проституткам.

Было уже одиннадцать часов дня, солнце сильно жгло. Мы поспешили к выходу. А еще через полчаса мы сидели в просторной комнате лучшей гостиницы Ташкента и делились своими впечатлениями.

ТАШКЕНТСКИЕ БЕСПРИЗОРНИКИ

В Ташкенте очень много беспризорных детей, бродящих по улицам и просящих милостыню, преимущественно, девочек в возрасте десяти-двенадцати лет. Обращает на себя внимание исключительная спайка и наглость этих ребят. Если вы дадите копейку одному, он обязательно пришлет другого, другой—третьего. Или если вы одному да-

дите две копейки, а другому—три, первый обязательно придет и начнет просить, чтобы вы ему доплатили одну копейку, причем будет просить до тех пор, пока вы не дадите. Мы сидели в саду за столиком, близко от решетки сада. Две девочки из-за решетки все время просили дать им немного денег. Когда кто-то из нас дал, они стали просить у других и просили до тех пор, пока каждый не дал. Помню курьез с Николаем Васильевичем. Николай Васильевич о чем-то спорил с Отто Юльевичем. И вот во время спора послышалось очередное, направленное к нему:

— Дяденька, командир, миленький, дай копеечку.

— К чертям!

— Дяденька, миленький...

— Говорю, к чертям, ко всем чертям! Ничего не дам!

— Дяденька, добрый, командир...

— Я вот тебя сейчас поймаю.

— Дяденька, не поймаешь, дай копеечку.

— Вот, чорт, на кусочек хлеба.

— Нет, хлеба не хочу, дай копеечку.

— А зачем тебе копеечка?

— Платье куплю.

— А есть ты разве не хочешь?

— Нет. Мне платье нужно. Мальчишки собирают на папиросы, а мы, девочки, на платье.

— Ну, на вот тебе, только отстань и скажи своим девочкам и мальчишкам, чтоб сюда больше не подходили.

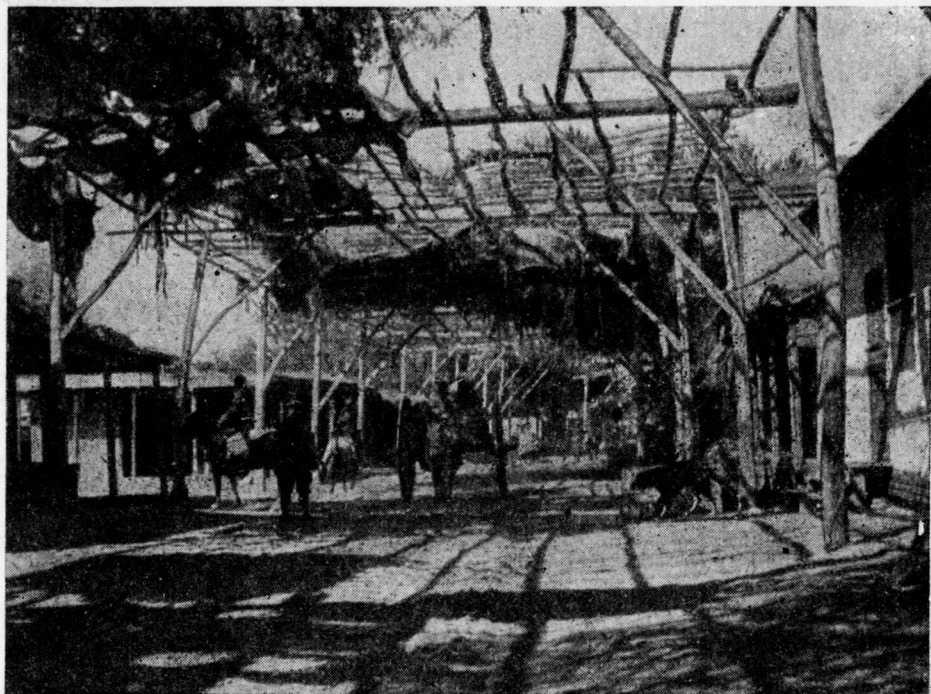
— Ладно, ладно.

Но через три-пять минут повторилась та же картина.

— Дяденька, дорогой, милый, дай копеечку.

Разморило. Хотелось спать. Пошли в гостиницу. Кто-то лег. Я пошел принять холодный душ. Горбунов целый день где-то пропадал. К нему с докладом приехал начальник авиационного отряда, который был послан несколько месяцев назад на Памир в Алайскую долину для организации там аэродрома. Он нам рассказал целый ворох не-

приятных вещей, которые нас ждали на Памире. Наконец и это надоело. Товарищ, ожидавший Николая Петровича, ушел. Если бы кто-нибудь попытался в это время заглянуть в нашу комнату, то увидел бы, что, несмотря на

Крытая улица селения Хаджабад, на пути от Андижана в Ош.

четыре часа дня, она представляла сонное царство с оазисом из бутылок фруктовых и нефруктовых вод. Горбунов, за неимением места в комнате, принимал посетителей в коридоре гостиницы.

КОК-ЧАЙ И ВСЕ ПРОЧЕЕ ВОСТОЧНОЕ

За несколько часов до отхода поезда на Андижан мы еще раз решили осмотреть город. Сели в машину и отправились по направлению к Старому городу. Вначале бесконечные длинные узкие улицы, ярко освещенные электри-

чеством, два-три кинотеатра, по некоторым улицам с шумом и треском сновали трамваи. Это был Новый город.

Прошло не более десяти минут,—вокруг нас стало темно. Где-то сзади мелькали электрические фонарики. Мы ехали среди маленьких глиняных хаток, перемежающихся изредка с освещенными тусклым керосиновым светом чай-ханами. Улицы были полны людом. Где-то впереди послышался странный шум. Чем дальше продвигались мы сквозь густую толпу, тем сильнее был шум, напоминающий какой-то нелепый звук труб, перемешанный с резкими ударами барабана. Через несколько минут нас поразило необычное зрелище. Перед нами была небольшая площадь, в левом углу которой было ярко освещенное здание. И вот на крыше этого здания три человека, неистово крича, трубя и барабая, зазывали в театр-кино толкающуюся публику. Шум, крик, гам, нелепая музыка—все говорило о жуткой дикости, сохранившейся бок о бок с европейским городом. Грязь, затхлость, дикие обычаи, рабство женщин—вот элементы Старого города Ташкента.

В одиннадцать часов вечера мы тронулись из Ташкента в специально отведенном нам вагоне.

На следующий день мы побывали в Старом городе в Андижане. Из виденного и слышанного в Андижане интересно отметить два посещения: одной из самых больших мечетей и чай-ханы.

Мечеть в Андижане—это колоссальный, прекрасный, тенистый парк, который вмещает до 10 000 человек. В стенах этого парка вырезаны довольно просторные углубления—кельи, в которых в прежнее время жили и учились будущие муллы. Жили они там в течение тридцати-сорока лет, изучали коран и затем становились муллами. В настоящее время только в некоторых из келий живут эти люди. В одну из келий мы заглянули. Она представляет собою маленькую низенькую комнатку, с круглым сводчатым потолком, с каменным полом. В ней небольшое ложе, сде-

ланное из каменных плит, и небольшой коврик на полу. Только в последнее время этот прекрасный парк удалось использовать для больших митингов и собраний.

Когда мы вышли из мечети, местные товарищи предложили нам зайти в одну из чай-хан. Мы большой группой расселись «за столом» в чай-хане. Я подчеркиваю «за столом», так как принято сидеть на столах. Можете себе представить наше смущение от тех хлопот, которые мы

В праздничный день в чай-хане.

доставили хозяевам чай-ханы, бросившимся искать для нас скамейки. При всем желании мы еще не могли сидеть по-восточному. Нам подали в пиалах зеленый кок-чай. А так как мы не прочь были закусить, то не отказались и от предложенного нам шашлыка. Наше смущение росло с каждой следующей минутой. Началось с того, что кто-то из нас спросил, нельзя ли получить сахара. Оказалось, что здесь пьют без сахара. Затем Елене Федоровне было

заказано какое-то китайское кушанье, но она съела только незначительную часть его, а остальное «как-то не елось». Несмотря на это, она расхваливала, как полагается, китайское блюдо и не то записала, не то хотела записать рецепт его изготовления.

ТЮРЬМА

Дорога на Ош была отвратительная. Машина носит только громкую кличку автобуса, а на самом деле это большой старый грузовик, с лавками и навесом от дождя.

Особенно была утомительна первая часть пути. Автобус то и дело проваливался и застревал в топкой грязи.

Мы протряслись на этом «пассажирском автобусе» до четырех часов дня, когда, наконец, приехали в Ош, где нас приветливо приняла семья товарища Ерохина. Ерохин—комендант города, а его жена—машинистка исполкома. Товарищ Ерохин, блондин с голубыми глазами, немного вздернутым вверх носом,—рубаша-парень. Его простое открытое лицо, улыбаясь, невольно вызывает к себе симпатию. Его «жинка»—маленькая женщина, бледная, несколько болезненная с виду.

Екатерина Михайловна, так звали эту маленькую женщину, после обеда рассказала мне о нравах и быте местных жителей.

Сама она—член партии и в настоящее время является активной работницей женотдела.

— Среди местного населения узбеков,—начала она свой рассказ,—в Старом городе есть коммунисты, которые слышат на женских собраниях о том, что надо раскрепостить женщину, надо освободить ее от векового гнета паранджи, надо дать ей возможность учиться и работать так же, как мужчина, надо дать ей свободу. И прежде всего, с нее надо снять паранджу, «ее надо открыть». И вот у нас были случаи, когда муж-узбек вдруг приводит на соб-

рание свою жену, при всех снимает с нее паранджу, а на следующий день не разрешает ей в Старом городе выйти без паранджи на улицу. В 1927 году был такой случай: одна из активных узбечек решила снять с себя паранджу и вступить в комсомол, тогда родной брат, объявив ее проституткой,—зарезал. Вообще такие случаи среди местного населения здесь нередки. Работа среди женщин-узбечек усложняется и самими женщинами. Было время,

Гор. Ош. Женские ряды на большом базаре в Старом городе.

когда группа женщин и мужчин решили снять паранджу, и тогда женщины стали требовать, чтобы местный женотдел давал им платья, краски, пудру и т. д. Да,—закончила свой рассказ Екатерина Михайловна,—работа здесь среди женщин трудная, очень трудная.

На следующий день я отправился с Николаем Васильевичем осматривать местную тюрьму. Мы подошли к большому каменному зданию, обнесенному вокруг вы-

сокой кирпичной стеной. Нас сопровождал местный прокурор.

Заключенные, видимо, знали о приезде в Ош прокурора республики и запаслись соответствующими просьбами и жалобами. Николай Васильевич при обходе камер по возможности всех выслушивал и тут же давал ответы, если они не требовали соответствующего следствия. В последнем случае он принимал жалобы в письменной форме.

— За что сидите?—коротко бросил Николай Васильевич.

— Проворовался в кооперативе.

— А вы?

— Симулировал,—ответчал парень,—когда на военную службу брали.

Мы прошли в следующую камеру. Эта камера была предназначена для женщин. В ней помещались три женщины.

— За что сидят?—коротко спросил тов. Крыленко сопровождавшего нас тюремного надзирателя.

— Двое сидят за убийство и ограбление одного старика. Одна из них—постарше—жена старика, другая была у них в услужении. А вот эта третья,—указал надзиратель на молодую, лет девятнадцати, здоровую, рослую, с преступным лицом девушку,—это одна из опасных бандиток. Она состояла в шайке известных у нас в районе четырех бандитов, которые в прошлом году были расстреляны.

— А какое обвинение предъявлено ей?—спросил Николай Васильевич.

— Она обвиняется в четырех убийствах, совершенных шайкой в течение одной ночи, в которых она активно принимала участие.

— Вы признались в этом?—спросил тов. Крыленко у заключенной.

— Да, я созналась,—ответила она.

Направились в следующую камеру.

— Эти узбеки,—говорил сопровождавший нас товарищ, сидят за то, что зарезали своих жен,—показал он на двух сравнительно молодых, лет тридцати-тридцати пяти, узбеков.

Когда мы подошли к узбекам, они встали с деревянных нар.

— За что вы зарезали своих жен?—спросил через переводчика Николай Васильевич.

Гор. Ош. Брдобрей на базаре.

— Они открыли на улице свое лицо,—ответил один из узбеков.

— Товарищ судья,—обратился к Николаю Васильевичу другой узбек,—нас надо выпустить из тюрьмы, у нас такой закон, за закон не судят.

— В Советской республике законы для всех одинаковы. Жена в Советской республике не есть собствен-

ность, с которой можно делать все, что угодно. Женщина в Советской республике—полноправная гражданка, которую охраняют законы; и вы будете сидеть в тюрьме, пока не кончится срок вашего заключения.

— Нет, товарищ судья, у нас есть закон, «святой закон», который разрешает нам убить женщину, жену, сестру, мать, которые стали проститутками. А раз они открыли свое лицо, и их видели другие мужчины, значит они неверные жены, они проститутки, их можно убить.

— Значит, если бы вас выпустили и вы бы снова женились,—сказал Николай Васильевич,—и если б ваши жены открыли бы лицо, то вы, несмотря на то, что отбывали наказание, вы снова бы их зарезали?

— Да, может быть, и не мы, может быть, брат мой или отец, все равно зарезали бы. Потому что закон так велит,—ответил один из узбеков.

Николай Васильевич махнул рукой, повернулся и, обратившись к провожатому, сказал:

— Нет, еще им надо посидеть, долго посидеть. Их надо убеждать, приобрести специальную литературу по этому вопросу.

Долго мы еще обходили Ошскую тюрьму. Много мы видели обитателей ее, начиная от мелких воришек и кончая крупными местными контрреволюционерами—басмачами, как их здесь называют. Но о них я расскажу потом.

Когда мы пришли в дом коменданта, где временно расположилась наша экспедиция, мы застали там профессора Дмитрия Ивановича Щербакова, товарища Юдина, нашего будущего переводчика и хозяйственника, товарищей Шнейдерова и Толчана, представителей Межрабпомфильм, которые выехали с озера Кара-Куль к нам на встречу в Ош.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПО ПАМИРУ

ПАРАНДЖА. МОГИЛЫ И ШАКАЛЫ

От Оша мы едем верхами. Наш караван на пути к озеру Кара-Куль. Далеко, далеко позади осталась последняя железнодорожная станция. Длинной лентой тянулась вдоль кишлака впереди нас пыльная дорога.

То там, то сям мелькали глиняные избышки узбекского кишлака, с плоскими крышами, без окон (окна здесь, как правило, выходят внутрь двора). Женщины—с черными покрывалами на лицах. Это узбечки в своих паранджах.

Паранджа надевается на девочку с двенадцати лет, с момента, когда ее начинают считать невестой. До дня венчания жених и невеста друг друга не видят. Им только объявляют имена их и фамилии. В последнее время, прежде чем на девочку надеть паранджу, жениху разрешается с ней познакомиться.

Обычно молодой узбек, лет шестнадцати-семнадцати, заявляет своим родителям о желании жениться. Эти последние выбирают ему невесту, с родителями которой определяется приданое, калым. Калымом может быть определенная сумма денег, известное количество скота или какое-нибудь имущество. Советский закон запрещает взимание калыма, но старый обычай, однако, крепко вкоренился в быт узбеков, и одно голое запрещение мало помогает.

Венчание, по обычаю, происходит в доме невесты. Собирается молодежь, старики. Женщины находятся в одной комнате, мужчины—в другой. Является мулла и спрашивает невесту о согласии на брак. Однако случаи несогласия бывают чрезвычайно редко. Отказ считается позором для невесты и всего ее рода. Родственники невесты в таких случаях отрекаются от нее, их перестает интересовать ее дальнейшая судьба. Немудрено, что при таких условиях редкая девушка осмеливается не дать согласия. С тем же вопросом мулла обращается и к жениху, и с ним повторяется та же церемония согласия на брак. Мулла ведет жениха к невесте, и, после прочтения установленной молитвы, брак считается заключенным.

Свадебное торжество обычно заключается в том, что мужчины и женщины получают угощение на разных половинах. После угощения жениха снова приводят к невесте, и новобрачные в первый раз могут взглянуть друг на друга.

Однако и после свадьбы женщина не имеет права ни совсем открыть свое лицо, ни просто посмотреть на мужчину.

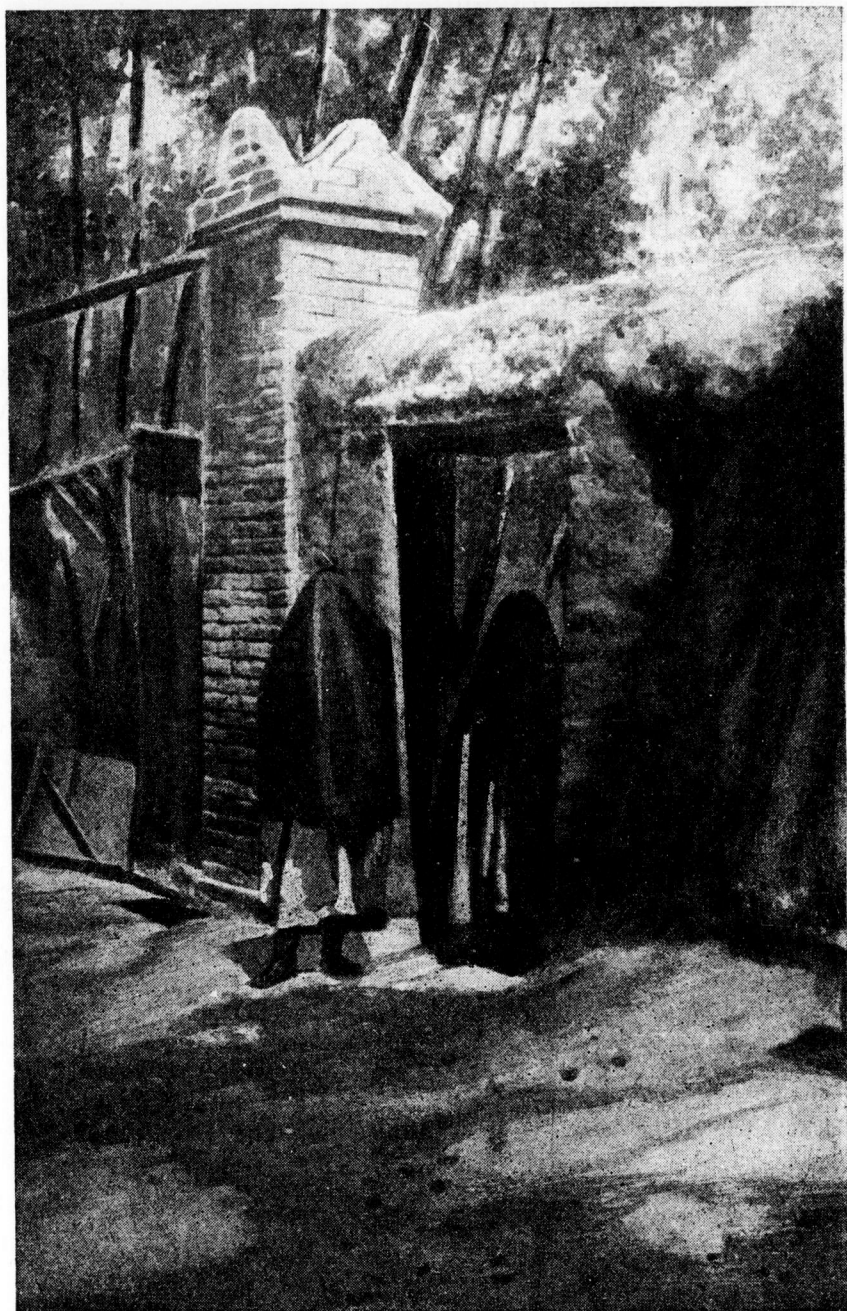
Проехав километров пятнадцать, мы увидели, наконец, вдали горы—первый перевал Клун-Ат и маленькую тропу, освещенную последними лучами солнца.

Внизу, у подножия перевала, несколько вправо, извинаясь голубой лентой река Ак-бура.

Мое внимание привлекла здесь свежая могила, изрытая идущими вглубь двумя ямами. С одной стороны могилы торчал длинный шест, на котором болтался конский хвост и пучок сухой травы.

Из рассказов караванщиков я узнал, что не пройдет и двух ночей после похорон, как в свежей могиле появятся вот эти ямы, на которые я обратил внимание. Это шакалы, разрывая могилы, поедают труп.

Узбеки считают, что если могила осталась неприкосно-

Узбечка в парандже.

венной, значит покойник был таким грешником, что тело его и зверь не хочет принимать.

Палка с болтающимся на ней конским хвостом и соломой—это надгробный памятник небогатого узбека. Хвост обычно отрезают у его любимой лошади.

МЫ ЗАБЛУДИЛИСЬ

За рассказами караванщика мы не заметили, как стало темнеть.

Взошла луна, и надо было подумать о ночлеге. Случайно я, О. Ю. Шмидт, товарищ Ауберг и два красноармейца, державшиеся в пути все время вместе, отстали, за что мы немедленно были наказаны.

Потеряв из виду едущих впереди, мы нечаянно свернули с большой дороги и остались одни в темном ущельи.

Очень скоро мы поняли, что заблудились.

Впереди светились какие-то огоньки, пришлось отправить одному из нас на разведку к огню—«не наши ли это устроили ночевку».

Увы, разведка дала отрицательный ответ. наших нет, а огонь светился в четырех киргизских юртах.

Становилось холодно. Мы были в легких летних рубахах. Теплой одежды с собой не было. Чувствовался голод. С грехом пополам, знаками и мимикой дали мы понять киргизам, что мы мирно настроены, заблудились и просим указать нам дорогу на Ош. Наконец, не столько наше объяснение, сколько вид серебряных полтинников подействовал, и один из киргизов согласился показать нам дорогу. Но, проехав с нами два километра, он потребовал обещанного вознаграждения и оставил нас одних.

Мы дважды пытались подняться по трудному скалистому подъему к перевалу, ведущему на Ош, в надежде, что нас будут искать на большой дороге около перевала, но не услышав ни одного сигнала и не заметив

никаких признаков пребывания здесь нашей экспедиции, принуждены были вновь вернуться к стоянке киргизов. Голодные и холодные, тесно прижавшись друг к другу, улеглись мы возле юрты. Так началось наше путешествие, так провели мы первую ночь в этих неизвестных нам пустынных местах.

На следующее утро чуть свет мы оседлали лошадей и при дневном свете очень скоро выбрались на дорогу. Часам к двенадцати дня нагнали караван. Мы много причинили хлопот нашим товарищам, разославшим гонцов в разные стороны в поисках за нами.

Первая стоянка экспедиции была на реке Ак-буре в урочище Бопак. Научная работа экспедиции началась с раннего утра. Товарищ Горбунов, с помощью одного красноармейца—как его называли потом—«ботаника», собирал сорта пшеницы и разные травы; Е. Ф. Розмирович умерщвляла в специальной банке с цианистым калием насекомых; Н. В. Крыленко и Соколов (представитель Московского зоопарка) охотились за птицами; Д. И. Щербаков (профессор-геолог), сидя на лошади, записывал что-то в книжечку; О. Ю. Шмидт вел переговоры с Аубергом относительно организации ловли грызунов. Лишь я, в ожидании соответствующего материала для препарирования, пока оставался в бездействии и записывал первую страничку своего дневника.

«НЕ ПЛЮНУ—ЛОШАДЬ СДОХНЕТ»

Мы продвинулись всего на двенадцать километров и расположились опять-таки на берегу реки Ак-буры, недалеко от озера Чар-Обыгирь. Это место киргизы называют Бостаркыл, что означает по-русски—Перепелиная долина.

Едва успели расставить палатки и несколько разобраться

с имуществом, как и для меня нашлась работа. Караванщики, узнав о том, что едет врач и везет «дары» (лекарства), решили, что надо лечиться. Один из наших красноармейцев случайно порезал палец и обратился тут же ко мне. Я сделал все, что полагается, успев открыть свой ящик с медикаментами. Этого было достаточно, чтобы ко мне подошли несколько киргизов с жалобами—кто на боль в животе, кто на боль в глазах, кто на головную боль и т. д.

Моя походная амбулатория начала функционировать. Дело не ограничилось людьми. Несколько позднее ко мне обратился товарищ Лусс (начальник красноармейского отряда) с просьбой дать скальпель для операции над лошадью, которая, по его словам, задыхалась.

— Кто же будет оперировать и что надо резать?—спросил я.

Выяснилось, что самый старый из киргизов-караванщиков будет вырезывать хрящи из носа у лошади. По его словам, это единственный способ спасения лошади, иначе она задохнется. Захватив с собой кое-какой перевязочный материал и стерильный скальпель, я отправился смотреть, как эта операция будет производиться.

Тусклый свет походного фонаря освещал лежавшую на земле белую лошадь. Она, видимо, задыхалась. Два киргиза и товарищ Лусс помогали держать животное. Киргизу мой скальпель не понравился, и он просил дать ему обыкновенный перочинный нож. Мы не согласились. Мало того, я заставил лекаря намазать место операции иодом и лишь тогда начать резать. С замечательной ловкостью, в течение трех-пяти минут, вырезал киргиз два кусочка хряща из носа лошади. Открыв затем широко ноздри лошади, он приготовился туда плюнуть, против чего я запротестовал. Киргиз рассердился и заявил, вкладывая принесенную мною вату в рану, что если он не плюнет, лошадь не выдержит и сдохнет. Нужно сказать, что спустя

несколько дней на тяжелом переходе через перевал Джип-тык лошадь пала, едва дойдя до верхушки перевала. Но я сомневаюсь, чтобы это случилось только оттого, что киргиз не плюнул ей в нос после операции.

Я заинтересовался, как здесь лечат людей? Не такими ли же первобытными способами?

Оказывается, в больницах и в амбулаториях, везде, где принимают врачи, лечится только небольшая культурная часть населения. В массе узбеки предпочитают своих лекарей, называемых «табибами». «Табибы» учатся, главным образом, у старых узбеков и лечат всевозможными народными средствами, передающимися по наследству,—главным образом, травами. Женщины к «табибам» ходят редко и фактически нигде не лечатся.

— А вы никогда не обращались к «табибам»?—спросил я у молодого караванщика.

— Нет, как же, лечился. Вот помню вскочил чиряк на спине, очень сильно болел. Я и пошел к табибу.

— Как же он вас лечил?

— Брал пять золотников мыла, пять золотников сала и десять золотников льняного семени. Все это смешивал и ставил в теплую золу, пока не нагреется. А затем, намазывая на тряпку, прикладывал к чиряку. Больно было, но болезнь прошла.

Такова народная медицина узбеков.

КИНОШНИКИ В ЗАСАДЕ

Утром в семь часов тронулись дальше по берегу реки Ак-буры, постепенно поднимаясь все выше и выше. В этот день предстояло много развлечений. Здесь впервые должны были начать свою работу наши «киношники», товарищи Шнейдеров и Толчан, о которых мне уже приходилось упоминать и которые поражали нас своей изобретательностью. К этому переезду от второй стоянки и дальше.

товарищи Толчан и Шнейдеров готовились очень тщательно. Разнообразие природы, неожиданные сюрпризы, которыми изобилвала узенькая горная тропка, вдохновляли наших киносьемщиков и заставляли их подстергать нас на каждом повороте, на каждом рискованном подъеме и спуске. Так мы ехали часов пять, пока не решили, наконец, сделать небольшой привал. Далее тропинка резко

Долина Ходжа-Кель-Ата.

сворачивала в ущелье вправо от реки Ак-буры. Картина сразу изменилась. Прежде всего надо было подняться по крутому склону горы метров 80—100 вверх, а затем ехать едва заметной тропинкой, ведущей около километра по склону этой горы до первого спуска и перехода через небольшую реку Бизана-Бул. Черные, осыпанные мелким щебнем, горы резко отличались своей окраской от обычных, так что даже для неопытного глаза (я хочу сказать—не гео-

лога) ясно было, что высота, состав и строение их совсем иные, нежели тех, которые мы до сих пор встречали.

Караван медленно двигался по узкой тропинке. Меня охватило желание обогнать в этом месте наш караван. Эта легкомысленная попытка едва не кончилась трагически для двух-трех вьючных лошадей.

Они, сбившись в кучу, чуть не сбросили друг друга в пропасть.

Зато вечером мы были награждены редким зрелищем: перед нами развернулась картина необыкновенной красоты,—мы подъезжали к долине Ходжа-Кель-Ата.

ХОДЖА-КЕЛЬ - АТА

Мы невольно остановили лошадей.

Перед нами раскинулась широкая долина, покрытая зеленым ковром травы, на котором пестрели всевозможными красками полевые цветы. С левой стороны долины, извиваясь, пересекая ее тонкой змейкой, тянулась река Ходжа-Кель-Ата. Утопая в зелени, живописно вырисовывались маленькие розовые хижинки местных горцев. А по бокам, как бы охраняя этот великолепный оазис, раскинулась шатрами группа разноцветных, с преобладанием розовых тонов, горных склонов. Краски так изумительно переливались, что многие из больших художников-пейзажистов позазидовали бы мягким, нежным и волшебным сочетаниям их.

Солнце низко, низко спустилось и, посылая последние лучи, завершало картину таинственными тенями. Все как бы замерло при этом чудесном зрелище. У кого-то из нас в первую минуту вырвалось несколько слов не то восторга, не то изумления, но они утонули в этой тиши без ответа.

В этой долине, на берегу реки Ходжа-Кель-Ата, мы расположились на ночлег. Вскоре подъехали остальные товарищи. Загорелись костры. Темнел голубой свод неба,

покрываясь мириадами блестящих звезд, и вскоре озарила наш лагерь своим мягким, нежным светом луна.

Разместившись за походным столиком, у палатки, я, товарищи Розмирович и Соколов работали над энтомологической и орнитологической коллекциями. Н. В. Крыленко постарался набить дорогой изрядное количество различных птиц и задал нам достаточно работы потрошить их и делать тушки. Вскоре к нам присоединился и О. Ю. Шмидт.

Было уже одиннадцать часов ночи—по нашим тамошним понятиям, очень поздно,—когда мы устроились в своих спальных мешках.

СОРВАЛИСЬ, РАЗБИЛИСЬ

Весь путь к перевалу шел узенькой горной тропой. Горы сплошь были покрыты невысоким, но густым лесом. Впереди грозно смотрел на нас снежный Алайский хребет, а внизу бурно неслась, гремя камнями, горная река Джиптык. Почти у подножья перевала мы остановились.

Вечер был холодный. Пронизывал резкий ветер. Всем хотелось быть вместе—хотелось согреться. И, недаром палатка товарища Розмирович, вмещавшая одного человека, должна была вместить теперь семь и восемь, а товарищ Соколов утверждал, что она может вместить и двенадцать человек. Все были заняты завтрашним переходом. Предстояло подняться на 4 200 метров.

С разрешения начальства, была выдана одна бутылка вина для внутреннего употребления и соответствующего согревания. А спустя час снова закипела работа. Дневники, тушки, планктон, гербарий, насекомые занимали всю нашу экспедицию. Даже Николай Васильевич, питая не совсем нежные чувства к препарированию, не выдержал. Глядя, с какой любовью это делал Николай Петрович, он взял в руки альпийскую галку, им же убитую сегодня, и стал ее препарировать, но дойдя до головы и заметив,

что дальше дело пойдет не так просто, бросил, сказав товарищу Соколову и мне: «Благодарю за удовольствие, но кончайте уж лучше вы». После чего пошел спать.

С семи часов утра следующего дня мы начали подъем на перевал. Было пасмурно, сыро и холодно, а перед самой высшей точкой перевала туман и снег так окутал

На перевал Джиптык.

все окружающее, что на расстоянии нескольких метров мы не различали друг друга.

Где-то сверху, с высоты 50—60 метров, были слышны голоса: «Сюда, сюда!» Это был голос начальника экспедиции Горбунова.

Мы очутились перед отвесной снежной горой, по которой тянулась только что протоптанная тропа. За первым красноармейцем двигался я. Наши лошади, тяжело дыша и широко раздувая ноздри, стали.

— Смелее!—слышится команда Николая Петровича.—

Товарищи, становитесь позади лошади и крепко держитесь за хвост, иначе—сорветесь.

Не знаю, как было с другими товарищами, но я последовал совету. Крепко ухватившись за хвост лошади, быстро взлетел по снегу на значительную высоту и остановился передохнуть. Одышка сопровождалась сильным сердцебиением. Сердце давало себя чувствовать от быстрого подъема вверх. Свежим снегом засыпало глаза, ноги проваливались по колена в сугробы.

Все дальше вперед, по отвесному склону, шла засыпаемая снегом тропа. По ней Н. П. Горбунов вел под уздцы свою лошадь. Вдруг лошадь сорвалась с откоса и, кое-как удержавшись от падения, вместе с Горбуновым ушла по брюхо в снег. Мягкий снег задержал их во время падения, некоторое время пробарахтались они в снегу, поднялись к тропе и, наконец, добрались до относительно безопасного места—верхушки перевала.

Теперь очередь дошла до меня. Несколько секунд я колебался, каким путем идти. Если идти по тропе, то в том месте, где сорвался Горбунов, неминуемо придется испытать ту же участь, и еще вопрос—удастся ли мне и моей лошади удержаться в снегу. Я избираю новый путь выше места обрыва, параллельно тропе. Выбор оказывается удачным. За мной этим же путем добираются остальные—Крыленко, Розмирович, Шмидт, Соколов, а затем и весь караван.

Спуск вел по узкой тропе между скал. Чтобы не мешать друг другу, мы получили приказ спускаться по одному. Две лошади, однако, сорвались, и через несколько секунд их скрыла от нас пропасть.

На одной из упавших лошадей находился мой личный тюк, и товарищи со смехом рассказывали мне потом, как они собирали на скалах рубашки, брюки, башмаки и разное другое «барахлишко» доктора. Сам я этой сцены не наблюдал.

Долго еще мы вспоминали подробности перехода через Джиптык. До боли жалко было бедных лошадей.

На ночлег мы остановились в киргизской кочевой стоянке у выхода в Алайскую долину.

БОЛЬНОЙ КИРГИЗ

Николай Васильевич убил первого большого сурка, а через несколько часов один из киргизов привез барсука.

Я посетил несколько юрт, где лежали больные, главным образом, желудочными заболеваниями. Немудрено, что, несмотря на прекрасный горный климат и привычку к местным условиям, туземцы страдают различными, нередко жестокими, болями желудка и кишечника. Следует только представить себе, как питаются жители Алайской долины: основной продукт питания—баранина, затем рис, хлеб, молочные продукты, изредка «кок-чай». Вот все продукты, из которых они готовят себе пищу изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Шурпа (суп из баранины с рисом), плов (кусочки жареной баранины с рисом) и лепешки (плохо испеченное тесто из смеси плохой муки с ячменем)—на обед и на ужин. Утром та же лепешка с кумысом или айраном (кипяченое с водой скисшее молоко) и редко—с зеленым чаем—кок-чаем. Это я взял питание наиболее зажиточной семьи киргиза. Лакомством считается каймак (густые сливки яка) и бурсаки (большие круглые тонкие куски теста, жирно промасленные).

Все эти блюда готовятся в юрте. В чугун, поставленный на костер, кладут куски мяса и рис, без соли, без сахара. Плов подается на большом деревянном блюде для всех домочадцев сразу. Едят киргизы, забирая ладонью и пальцами.

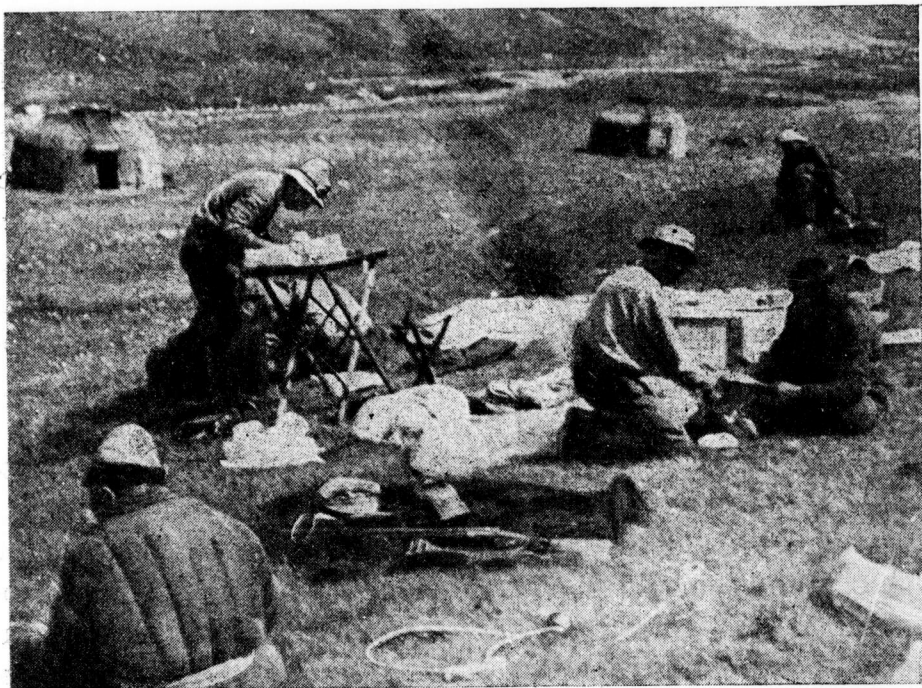
Так питается небольшая часть киргизского населения. Можно себе представить, что едят более бедные семьи! Зарезать барана юни имеют возможность один раз в неде-

лю, в праздничный день. Печальное впечатление производят изможденные, черные от солнца, в отрепьях детишки. Столь же печален вид взрослых: худых, плоскогрудых, с запавшими, воспаленными глазами.

В этот день, помню, особенно тяжелое впечатление осталось от одного из больных.

Бедная юрта, рваная «кошма» (простой, серый, дырявый

Лагерь экспедиции в долине реки Джиптык перед выходом в Алайскую долину.

войлок) на земле, на ней киргизское седло. Это постель больного. Рядом с ним деревянная чашка—«чечук»—с айраном, занятым у доброго соседа. Посреди юрты тлеют догорающие дрова, на которых стоит «казан» (железный котел). В другом углу двое ребят, трех-четырёх лет, возятся с драным ремнем уздечки, поминутно прикасаясь к ней ртом. Смрадно, душно, полутемно. Только через ды-

рявые стены юрты и полуприкрытый войлоком потолок едва брезжит свет солнечного дня. На кошме, покрытой отрепьем, лежит больной. На вид молодой киргиз, лет девятнадцати, с глубоко запавшими глазами на черном худом лице. Он тяжело дышит, стонет и корчится, повидимому, от сильных болей в животе. Больного лихорадит, и он производит впечатление человека, находящегося в агональном (предсмертном) состоянии. В изголовьи у него сидит старуха-мать и, удерживая рыдания, гладит его по голове. За свою, хоть и небольшую, практику я уже видел, как умирают люди, но все же во мне как-то все сжалось, я, сдерживая волнение, подошел к больному, взял его за руку. Пульс едва прощупывался, руки были холодные.

С большим трудом мне удалось узнать, что он болен уже больше недели, что у него сильный понос, но без крови, тошнота, рвота, а больше всего его мучает боль в животе. Вот все, что я мог установить путем опроса. Я стал осматривать больного; отметил резкое истощение, сильно втянутый живот и ряд других характерных симптомов какого-то острого желудочно-кишечного заболевания.

Мне предстояло решить, как хотя бы временно облегчить его страдания. Положение врача в таких условиях как никогда, становится тяжелым. Правда, все необходимое, даже на случай операции, скажем аппендицита, какой-нибудь экстренной ампутации, было тщательно уложено в стерильных барабанах.

Но помочь радикально было нечем. Прежде всего, конечно, надо было успокоить жестокие боли и поддержать сердце. Так я и поступил. Морфий и камфора сделали свое дело. Больной успокоился, и окружающие смотрели на меня, как на избавителя, но я твердо знал, что это только успокоение, но не излечение, и что завтра, а то и через несколько часов будет снова хуже. От сознания безвыходности положения становилось еще тяжелее. Хоть

бы самый скромный медицинский пунктик сюда. Увы,, это не так легко устроить, и еще долго, вероятно, больные киргизы будут представлены самим себе...

ПИК ЛЕНИНА

Переехав вброд реку Джиптык и свернув несколько вправо, мы добрались до реки Талдык. К вечеру расположились на отдых в Алайской долине в урочище Арча-Булак. Настроение у всех было прекрасное. Мы были в пути уже восьмой день. На усталость никто не жаловался; наоборот, все стремились вперед.

Обычно, профессор Щербаков, «наш будильник», как мы его прозвали втихомолку, давал сигнал к свертыванию палаток, а если это не помогало, в частности по отношению ко мне, подходил к палатке и, осторожно приподымая зеленое полотнище, вкрадчиво замечал:

— Доктор, вставайте, вы задержите караван.

Или:

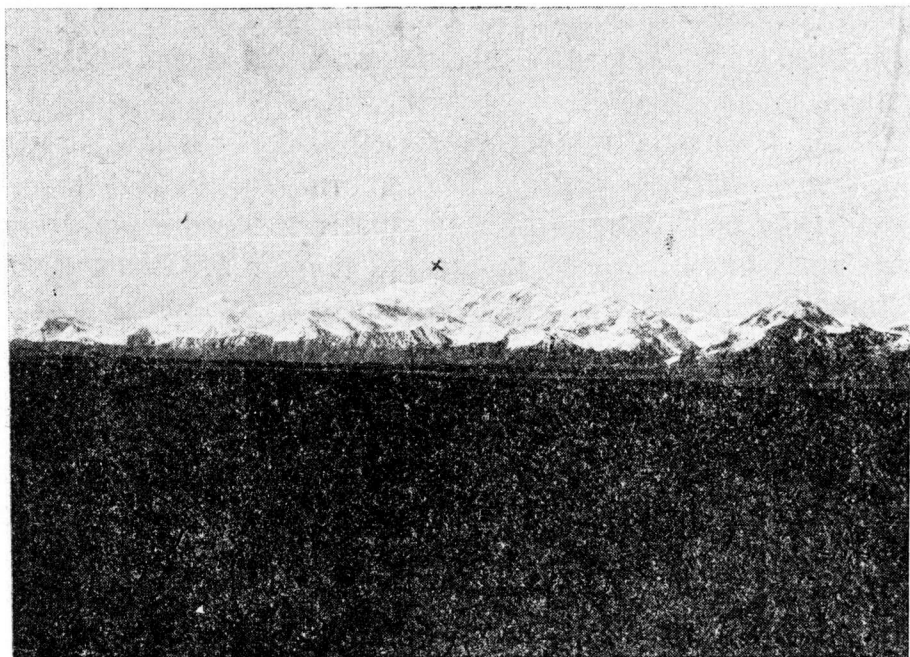
— Знаете, Елена Федоровна уже встает, а вы все нежитесь. Вставайте, вставайте! Ведь вы еще вашего барсука не закончили препарировать.

Становилось неловко, приходилось вылезать. А через полчаса-час лагерь жил полной жизнью. Так было и в то утро, когда мы двинулись по Алайской долине.

Изумительная величественная панорама предстала теперь перед нашими глазами. Широким зеленым ковром раскинулась перед нами долина. А вдоль от нее тянулась грозная, величественная, снежная стена—цепь гор Заалайского хребта, снежный гребень которого сиял ослепительным блеском. Не видя еще этого хребта, а лишь приближаясь к Алайской долине, мы чувствовали себя смелыми и сильными. Пойдем хоть к чорту на рога, пройдем и Алайский и Заалайский хребет, взберемся на пик Ленина, к слову будь сказано,—7 000 метров с хвостиком, пройдем

неисследованную область Памира, разыщем дикие племена и многое, многое другое. Лозунг—«Дерзай! Несмотря на все препятствия, иди к цели и побеждай!» был нашим лозунгом.

Заалайский хребет, грозно выстроив несметное полчище пик и ледников, приготовился нас встретить. И маленькими, маленькими показались мы себе в нашем боевом походном наряде перед этим гордым исполином—

Заалайский хребет. Пик Ленина (*).

Одним из величайших в мире хребтов. Должно быть и пик Ленина смотрел на нас с улыбкой, думая: «Ишь, приехала кучка европейцев, чтобы взобраться на меня. Это вам, братцы, не Европа, где вы на вершины чуть ли не трамвай провели. Посмотрим, поборемся!» Могущественный и спокойный, погрузился он в серые облака, приказав ветру задуть изо всех сил в непрошенных гостей.

В Алайской долине, как известно, бывают сильные вет-

ры. Летом они не представляют большой опасности для местных жителей, хотя, по словам киргизов, бывали случаи, когда ветер сносил юрту, а то и несколько юрт. Но зато зимой, когда Алайская долина покрывается глубоким снегом, снежные бураны приносят жителям множество бед.

ПОГРАНИЧНИКИ И КОНТРАБАНДИСТЫ

Отрадно было встретить в долине красноармейский отряд человек в двадцать, ехавших нам навстречу. Это был отряд пограничной стражи, стоящей в урочище Сарытыш.

После коротких приветствий мы уже большой кавалькадой двинулись к стоянке. Живут красноармейцы небольшим отрядом в двадцать пять-тридцать человек в урочище Сарытыш. Время от времени сменяются. Смена идет с Памирского поста и из Оша. Жилищами служат те же киргизские юрты, питанием—айран, лепешки и баран. Основной их задачей является борьба с контрабандистами, одновременно в большом количестве переходившими границу со стороны Китая и перевозившими китайские изделия—шелк и другие товары. В последнее время контрабандисты перегоняют скот, преимущественно овец и баранов. Многие контрабандные пути пограничникам уже известны, но сохранились и такие, о которых они ничего не знают.

— Ну, хорошо,—перебил я рассказчика.—Вот, вы поймали, допустим, контрабандистов со стадом баранов. Что вы с ними делаете и как вы устанавливаете, что это контрабандисты, а не местные жители?

— Видите ли, товарищ,—продолжал он,—у нас существует несколько способов установить, с кем мы имеем дело—с местным киргизом, гонящим свой скот, или с тем же местным киргизом—контрабандистом. Во-первых, в здешних местах, если вы успели заметить, почти нет киргизов, имеющих более тридцати-сорока овец или бара-

нов. Но и таких киргизов считают баями—богатыми. Контрабандисты же перегоняют не менее ста-двухсот голов баранов сразу, иначе расходы и трудности пути не оправдывали бы их контрабанду. А так как там скот стоит в три раза дешевле, чем здесь, то и немудрено, что они гонят тоже большие стада. Во-вторых, надо знать нрав киргизов. Киргиз никогда, живя в своем кишлаке, не забывается о скоте и не пасет его. Это делают женщины, а они или сидит у юрты и ведет разговоры или праздничные дни проводит в «байге» (скачки на лошадях) и принимает участие в козлодрании (игра с мертвым козлом). Я уже не говорю о целом ряде выработанных у нас наблюдений над киргизами-контрабандистами.

— На ваш второй вопрос, что же мы с ними делаем,— ответ простой: с небольшим отрядом красноармейцев отправляем в Ош, где с ними расправляются, как полагается по закону. Обычно сажают в тюрьму, на срок от шести месяцев до двух лет, точно не скажу, да нам и неинтересно за ними следить.

Позже мы столкнулись с такого рода фактом. Когда мы возвращались с Памира через Алтын-Мазар, приехал к нам с Танымасса начальник красноармейского отряда товарищ Лусс, который по дороге, с красноармейцем Хлопенко, задержал и привел к нам в лагерь контрабандистов, переводивших из Китая стадо баранов до двухсот штук. Несколько раз пытался один из контрабандистов дать взятку товарищу Луссу. Начал он со ста рублей и дошел до четырехсот, умоляя их отпустить, и был, видимо, очень удивлен непреклонностью товарища Лусса.

Другой основной задачей пограничника является борьба с басмачеством—разбойничьими шайками. Красноармеец начал было рассказывать об этой борьбе, но мы остановились у нашей новой стоянки. Послышалась протяжная команда начальника пограничного отряда: «Ма-арш!» Мы принуждены были оборвать беседу, а еще через несколько

минут пограничники скрылись в долине, оставляя позади себя едва заметные в вечерней темноте клубы пыли.

Наш переводчик и в то же время работник по хозяйственной части товарищ Юдин, приехавший раньше нас и позаботившийся об ужине, кричал:

— Товарищи, ложки и вилки готовьте. Идите в юрту, «шурпа» приготовлена. Скорей, скорей, а то ничего не останется. Там уже орудуют.

Надо было торопиться. А через час наш лагерь погрузился в сон.

ТАМАША¹

Местные жители, узнав о приезде в Алайскую долину большой экспедиции европейцев, приехали к нам с приветствиями и с предложением устроить в честь экспедиции «байгу» и «улак».

Несмотря на то, что мы очень торопились, все же нельзя было им в этом отказать. Через час наш лагерь был неузнаваем. Со всех сторон Алайской долины двигались десятки всадников, и скоро вокруг нас собрался целый кавалерийский эскадрон.

Показалось несколько всадников, гнавших перед собою большого теленка. Подъехав к лагерю, они быстро спешили, отвели теленка в сторону и с замечательной ловкостью обезглавили его большим ножом. Дав стечь крови, они объявили, что сейчас начнется игра.

Мы невольно двинулись к месту, где лежала туша теленка. Толпы всадников становились все гуще и гуще. Вдруг один из них схватил тушу с земли, крепко укрепив ее ногой у седла, и, вырвавшись из толпы, помчался во весь опор в сторону. За ним с криками и гиканьем бросились все остальные.

Бешено промчавшись около двух километров, всадники

---

¹ Праздник.

повернули назад, пытаясь вырвать у киргиза тушу. А тот, размахивая камчой, изо всех сил колотил лошадь и невредимо уходил от них, точно приросши к седлу вместе с тушей. В нескольких саженьях от нас несколькими всадникам удалось, однако, выдернуть у него тушу, и вся толпа снова ринулась к ней. Это было так неожиданно, что мы шарахнулись в стороны, вызвав, конечно, улыбки на лицах старых киргизов.

Окружив уже измятую, бесформенную тушу, крича и размахивая камчами, дикая озверевшая толпа всадников, давя и ударяя друг друга куда попало, снова попыталась вырвать тушу из круга.

Тот, кому удастся увезти тушу и бросить ее к ногам гостей, считается победителем и получает награду. Николай Петрович не замедлил наградить серебром подошедшего к нему красного и обливающегося потом киргиза, первого «победителя байги». Это был уже немолодой киргиз, лет сорока восьми, с сильными и смелыми чертами бронзового, загоревшего от солнца лица.

Получив награду, он бросил коротко: «Рахмат» (спасибо) и отошел, чувствуя себя героем дня.

Дикая игра была в самом разгаре. Израненные и побитые выбыли из игры и обмывали у реки свои лица... Двум мне пришлось наложить повязки на раны. Но в общем все обошлось благополучно. Мы приняли все меры, чтобы прекратить поскорей эту дикую забаву. В больших казанах, привезенных киргизами, готовилось угощение. Но это было еще не все. Вторая часть программы заключалась в том, что ребята в возрасте от восьми до тринадцати лет должны проскакать на лошадях около восьми километров и, наконец, то же, но на меньшее расстояние, они должны были проделать на яках.

Вспоминается, с каким напряжением следили старики—родители,—за ребятами, когда они приближались к старту. Помню как сейчас «победителя», самого маленького восьми-

летнего киргиза с большими черными глазами, на неоседланной лошади приехавшего первым к старту.

Едва дышащего малыша, как маленькую кошку, за шиворот стащил с лошади отец и подвел к нам.

Я думаю, что не только у меня, но и у других моих товарищей пробежали мурашки по спине, когда мы увидели мальчугана, стоящего перед нами, и вспомнили, как он мчался сломя голову.

Наконец последней частью байги были скачки на яках, которые несколько рассеяли тяжелое впечатление, вызванное дикой игрой «козлодранья». Эти большие, неуклюжие, со смешной мордой животные, на коротких толстых ногах, показали такую прыть, что вызвали в нас не только искренний смех, но прямо-таки восхищение.

Нельзя забыть одного курьезного момента, который мог, впрочем, окончиться печально. Перед самым стартом один из яков взял резко в сторону, прямо на нашего кинооператора Толчана. Мы не успели ахнуть, как як налетел на аппарат Толчана, к счастью задев его только боком и чуть не опрокинув самого Толчана.

Мы не успели еще вспомниться от катастрофы, как послышался голос Шнейдерова:

— Толчан, вертите, вертите, чорт вас дери! Живы ведь, вертите! Замечательный кадр. Вертите!

И Толчан вертел, собирая «замечательные кадры». «Вот люди,—подумал я.—Они и после смерти вертеть будут».

КАК ПОМОЧЬ?

Дан приказ двигаться на Бор-добу. Мне надо было перед отъездом съездить в лагерь пограничников к больному красноармейцу.

У подножья горы расположились тесным кольцом несколько юрт и поодаль от них—пост часового.

Вдоль круглой стены юрты, на земле, разместились по-

стели красноармейцев. Мой больной лежал близко к выходу из юрты. Он был очень слаб, так как за час до моего приезда у него был сильный озноб, а сейчас он пропотел и чувствовал общий упадок сил. Я узнал, что малярией он заболел впервые, лежит уже десять дней, принимает хину.

— Глушу хыну, як придэтся, допреж нэ пропаду совсим, и ничого нэмагаэ, а уж третий дэнь, як кашель пишов, и харкота душыть, аж ни удэржышь, та усю ночь не спишь.

Здоровый видимо, парень за время болезни сильно истощен, глаза провалились, кожа бледножелтого цвета и в полутемной кибитке буквально светится. Селезенка сильно увеличена, болезненна. Выслушав его, я обнаружил в левом легком воспаление. Оно было в полном разгаре. Мне стало совершенно ясно, что передо мной жестокая форма малярии, осложнившаяся воспалением легкого.

Опять все тот же мучительный вопрос: как помочь, как поднять на ноги? А поднять надо, можно и должно! Ведь лечение не сложное, нужен уход, нужно наблюдение, каждодневное, обязательное.

Сел и задумался. Отнюдь не с видом важного профессора, погруженного в дифференциальную диагностику и обдумывающего последние достижения науки, а, наоборот, еще и еще раз подавленный обстановкой, сознанием собственной беспомощности, невозможности помочь. Опять и опять один и тот же вопрос: как помочь, чтобы помощь явилась не случайной помощью на час?.. Но, увы, ничего, кроме указания, как ухаживать за больным, и лекарств, которые я оставил, придумать не мог.

С тяжелым чувством возвращался я в лагерь. Все были в сборе, часть каравана уже двинулась вперед.

АЛЕБАСТРОВЫЕ ГОРЫ

Наш путь шел к Алайскому хребту, через долину Алая. Был прекрасный день, и мы незаметно проехали четыр-

надцать-пятнадцать километров, охотясь за сурками, которые здесь попадались в большом количестве. Эти желтые животные, стоя на задних лапках в виде столбиков, так и дразнят охотников своим видом: а ну-ка, попади в меня. Снимешь ружье и нацелишься, а сурок мгновенно исчезает в норе, и далеко-далеко слышен своеобразный тревожный свист, предупреждающий товарищей об опасности. Напрасно я и товарищ Толчан истратили несколько патронов. Результат был один—ироническая улыбка Николая Васильевича.

К вечеру добрались до Бор-добы.

Бор-доба в переводе на русский язык «Алебастровые горы». Не доезжая еще до места стоянки, мы увидели известковые горы, засыпанные мелким щебнем и галькой.

Было уже довольно темно, когда мы подъехали к полуразрушенной землянке, так называемому «рабату». Когда-то по распоряжению ферганского губернатора, начиная от этого места, на пути к Памирскому посту было построено несколько землянок для следующих по Памирскому тракту путешественников. Еще Свэн-Гедин, известный путешественник по Памиру, проезжая через Бор-добу в 1893 году, описывал этот рабат, как «маленькую землянку с крышей, подпертой кольями». Прошло с тех пор тридцать семь лет, а полуразрушенные глиняные серые стены все еще стоят, время от времени укрывая путников.

На эту ночь стоянка Бор-доба приютила два встречных каравана: наш из Алайской долины и небольшой караван красноармейцев, идущих с Памирского поста.

Скоро были расставлены палатки, появились костры, лагерь готовился к ужину и ночлегу. Небольшая походная юрта приютила нас в ожидании ужина. Много было разговоров, споров по поводу впечатлений сегодняшнего дня. Улак и байга были темами, вызвавшими большую и острую дискуссию между Шмидтом и Крыленко. Насколько мне помнится, первый считал эти обычаи совершенно естест-

венными в условиях этой однообразной суровой обстановки и даже находил в них своеобразную прелесть, ибо они способствуют развитию ловкости и смелости. Товарищ Крыленко считал эти дикие забавы типичным пережитком кочевого быта. Надо сказать, что многие из нас, в том

Выветривание гранита в долине Маркансу.

числе и я, также не разделяли взгляда товарища Шмидта. Спор был прерван только с появлением ужина.

— Готовьте ложки и тарелки—шурпу несут!

Интерес, проявленный нами к шурпе, пересилил спор. Это станет понятно, если учесть, что было холодно, все

озябли и хотели есть. Спор продолжался уже в несколько иных тонах, и скоро все заговорили на другие темы.

— Товарищи, спать. Завтра с утра на Маркансу!—раздался, наконец, голос Николая Петровича, и еще через час в лагере воцарилась полная тишина. И только сверху, утопая в облаках, светила своим мягким зеленовато-желтым светом луна.

ЦЫГАН

Четвертого августа наши товарищи: Крыленко, Горбунов и Соколов отправились на озеро Уртак-Чукур, в переводе на русский язык—«Озера-братья», поохотиться на уток и куликов. Как они потом рассказывали, это были пять озер, расположенных тесно друг к другу, видимо, остатки прежних ледников. Им удалось убить двух красных уток. Ими мы пополнили нашу зоологическую коллекцию. А затем двинулись к Заалайскому хребту, к перевалу Кизыл-Арт. Опять дорога шла узкой горной тропой.

Выше я рассказал о чудесной долине Ходжа-Кель-Ата с ее разноцветными горами. Теперь же нас поражали не горы, а разноцветные реки. На нашем пути мы встречали голубую, розовую и зеленую реки. Эти цвета объясняются тем, что реки, стекая с известковых гор, несут с собой камни и части горных пород. Может быть цвет воды усиливался еще отражением окаймляющих их скал. Вода на вкус неприятная: отдает известкой.

На протяжении всего пройденного нами пути не было дня, который бы походил на предыдущие. К нам еще на пути к Бор-добе пристала бродячая черная собака (это особый вид памирских бездомных собак, сопровождающих караваны), названная нами Цыган. Сегодня она шла вместе с нами. Увидя на склоне горы сурка, она стала сзади, крадучись, к нему приближаться. Через минуту началась дикая погоня. Несчастный сурок, неосторожно отошедший далеко от норы, стремглав понесся к ней. Еще секунда—

и сурок скрылся бы в норе, но в этот момент, когда на поверхности виднелся только хвост, собака вцепилась в него зубами и вытащила сурка из норы.

Несколько минут продолжалась между ними жестокая борьба, но, увы, сильные зубы Цыгана крепко впились в изуродованное, с вывалившимися внутренностями, туловище сурка. Когда мы подъехали к месту борьбы, Цыган спокойно отошел от жертвы, вытирая лапой искусанную, испачканную кровью морду. К нашему общему сожалению, кино не успело заснять этого красочного памирского «кадра».

Вскоре нас нагнали наши охотники. По пути мы встретили в первый раз черепа и рога архаров. Красивые, большие, выгнутые рога и разбросанные челюсти архара как бы предвещали смену цветущей Алайской долины на мрачные пески пустыни Маркансу.

ЛЕГЕНДА О СВЯТОМ КИЗЫЛЕ

Незаметно подъехали мы к подножью перевала Кизыл-Арт. Нам предстояло подняться на высоту 4 200 метров. Судя по довольно хорошо проложенной дороге, перевал не представлял больших трудностей.

Так как мы, сидя на лошадях, не испытывали физического напряжения, меня заинтересовал вопрос, повлияет ли на нас самая высота, как таковая, или нет. Измерение пульса, учет дыхания и общего самочувствия у подножья, на перевале и после перевала показали, что каких-либо значительных изменений, как со стороны сердца, так и легких, в связи с подъемом на высоту 4 200 метров никто из нас не ощутил. Почему-то киргизы считают этот перевал тяжелым. Повидимому, это зависит главным образом от погоды. Киргизы-караванщики рассказывают, что в непогоду, когда дуют сильные, холодные ветры, были случаи гибели и лошадей и людей, которых срывало со скал,

было камнями и заносило песком. Очевидно, или нам повезло, или это была просто выдумка киргизов.

На гребне перевала мы обратили внимание на тщательно сложенную кучу камней, рогов архаров и воткнутый шест с хвостом лошади и тряпьем. Нам сказали, что перед нами могила святого Кизыл-Арта, в честь которого и назван этот перевал. Уже значительно позднее, в Москве, просматривая записки Свэн-Гедина, я узнал у него легенду, сложенную об этом перевале. В Алайской долине с полсотни лет назад жил «аулие» (святой). Он решил проповедывать истинную веру, пошел на юг и открыл этот перевал. Киргизы верят, что если бы этот святой не открыл перевала, то до сих пор на Памир нельзя было бы пройти.

Легенда говорит, что другие перевалы, ведущие на Памир, названы по имени шести братьев Кизыла, тоже святых.

ДОЛИНА СМЕРТИ—МАРКАНСУ

Далеко позади оставались причудливые пейзажи с разноцветными горами и реками; перед нами широко простилась серая, мрачная долина реки Маркансу, окаймленная тесным кольцом высоких снежных гор. Та самая долина, имя которой в переводе на русский язык означает—«Долина смерти», рассказы о которой приводят местное население в состояние страха. Та самая долина, которая погребла в своих песках не одного путника, которая усеяна костями животных, стоянки в которой считаются очень опасными в случае появления бурана. Впечатление было от нее так неожиданно ново, что мы не сразу ориентировались, где расположиться. Но найдя небольшой ручеек, раскинули лагерь около него.

Чуть свет мы были «любезно» разбужены Дмитрием Ивановичем, но несмотря на это двинулись в путь только в десять часов утра, потратив вместо нормальных двух часов на сборы и снаряжение каравана целых четыре часа.

Как никогда мы лениво собирались, как никогда долго грузили караван.

Мрачно, серо, уныло в долине Маркансу: ни травки, ни кустика, ни одного зверька, ни одна пичужка не пролетит. Ничего живого. Все мертво.

Так проехали около шести километров и увидели снова «рабат», полуразрушенные, серые, мрачные стены. А рядом—череп, рога архара и в нескольких шагах снова груды костей, повидимому, лошади. Внезапно поднялся сильный ветер. Мы стали усиленно погонять своих лошадей.

Наши киноработники засняли эту часть скорбного пути. Ветер усиливался. Надо было торопиться. Беда, если застанет буря. По сторонам от сильного ветра образовались холмы песков, местами переходя в длинные песчаные дюны. Песок слепил глаза, засыпал ноздри и рот. Скорей, скорей вперед—к жемчужине этого края, как выразился Николай Петрович, к оазису этой дикой мрачной долины смерти—к озеру Кара-Куль. Мы представляли в этот момент чрезвычайно своеобразный вид. Запыленные песками Маркансу, в потертой, загрязненной от пути одежде, двигались мы то один за другим, то образуя отдельные группы, и, наконец, сгруппировались, все вместе в одну группу всадников. Группа получилась забавная! Красноармейцы в полном военном снаряжении, киношники со своим неизменным киноаппаратом, вечный ботаник Николай Петрович, Елена Федоровна в кожаной потертой тулупе и белой панаме, я, Николай Васильевич, Отто Юльевич—кто в чем попало—представляли зрелище незаурядное. Начались шутки, остроты, сравнения. Было весело. Приближались к одному из важнейших этапов нашего пути. Выстроились как-то случайно, а может быть и по команде Николая Петровича в одну шеренгу, смешались лошади, серая, гнедая, опять гнедая, белая и т. д. Николай Петрович ехал в двух шагах впереди. Этот пос-

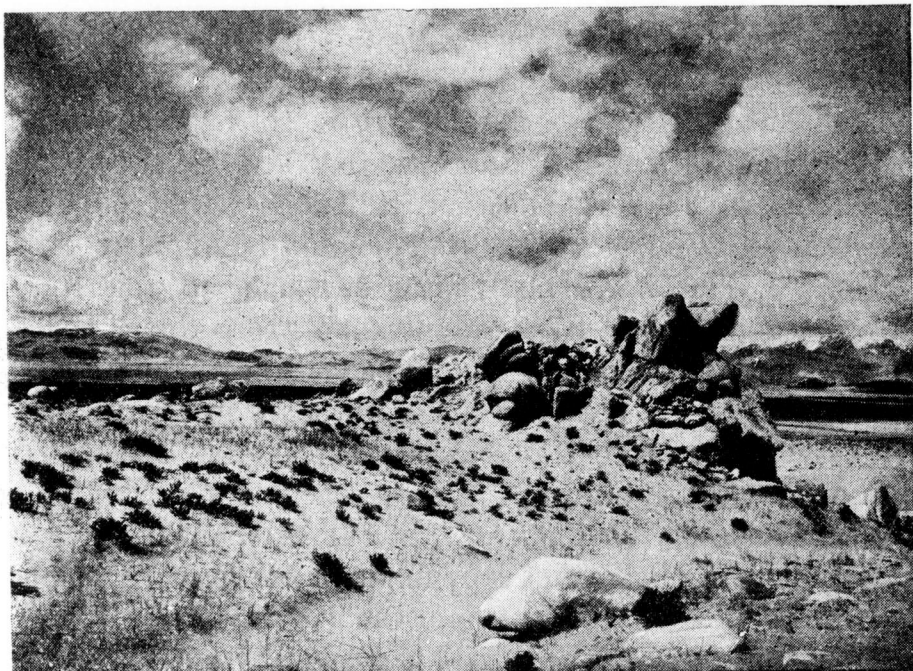
ледный штрих окончательно определил сравнение. Кто-то из остривших товарищей заметил:

— А ведь мы настоящая банда, банда бойцов, разбойников, оборванцев, «банда батьки Горбунова».

Невольно сорвавшееся определение было очень удачно.

— Банда батьки Горбунова!—подхватили со смехом все сразу.

Понравилось это и Николаю Петровичу. Он не протестовал;

Озеро Кара-Куль.

стовал; наоборот, сразу вошел в роль «батьки», принял на себя командование и дал распоряжение равнять ряды слева направо, не заскакивать вперед, держать лошадей голова в голову и, пустив всех нас легкой рысью, заставил Толчана в таком виде заснять нашу банду.

Отсюда пошло название «банда батьки Горбунова», а Николай Петрович с этого момента превратился навсегда в «батьку».

Наконец мы подошли к последнему перед Кара-Кулем небольшому перевалу Уй-Булак-Бель, откуда открылся прекрасный вид на северо-восточную часть озера Кара-Куль. Как-то сразу стало веселее.

Начался спуск с перевала, который вскоре привел нас в широкую степь, покрытую сухим кустарником—терескеном. Этот кустарник нам долгое время служил источником тепла.

Товарищи, ехавшие впереди нас, увидев вправо от большой дороги, ведущей к Памирскому посту, рабат, поскакали галопом к нему, за ними последовали и мы, а еще через полчаса мы уже сидели в большой просторной юрте в ожидании обеда. В восемь часов вечера все разбрелись по палаткам.

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

Меня разбудил резкий голос Николая Васильевича:

— Пора вставать, пора вставать, пора вставать, пора вставать, пора вставать, пора вставать!!—Он ходил возле палаток и поднимал всех.

Бывает так, что чувствуешь где-то поблизости шум и, несмотря на это, стараешься его не слышать, стараешься насильно его отогнать и снова задремать,—так пытался сделать и я. Но не тут-то было! Неугомонное однотоное «пора вставать, пора вставать» снова прозвучало у палатки и заставило окончательно проснуться, протереть глаза, потянуться и вылезти из мешка.

В этот день мы все занимались научной работой. Я лично препарировал и должен сознаться, что эта работа меня сильно утомила. В течение нескольких часов приходится сидеть на ящике в согнутом положении. Помимо утомления спинных мышц от однообразно-напряженного состояния, утомляло еще и солнце. Было очень тепло, даже жарко. Я незаметно для себя ожег тыльные части

обеих ступней, так как по неосторожности сидел в туфлях на босу ногу.

Решено было задержаться на Кара-Куле дней пять для всестороннего его обследования, а также использовать время для тренировки в подъемах на ближайшие горы. Я уже не говорю о том, что мы просто нуждались в отдыхе после пройденного пути.

Озеро Кара-Куль—«Черное озеро», как его называли местные жители: вода его отражает темные скалы и действительно кажется черной.

Озеро Кара-Куль считается одним из самых высоких больших озер в мире. Оно находится над уровнем моря на высоте 3 875 метров (по показаниям наших anerоидов) и по измерениям Свэн-Гедина имеет в длину до двадцати, а в ширину до пятнадцати километров (результаты наших измерений мне пока неизвестны). Вода в этом озере очень холодная, горько-соленая от присутствия сульфатов, атмосферное давление на озере колеблется от 468,6 до 470,6. Резкие колебания температуры: утром 6—7° тепла, днем до 40° на солнце, ночью 1—2°. Или в одно и то же время на солнце 30—35° тепла, а в тени 7—8°.

Но что особенно мучает непривычного к этим условиям человека—это резкие пронизывающие ветры, которые, как правило, поднимаются с двух часов дня и длятся до пяти-шести часов вечера.

Большая широкая долина, окружающая озеро, скудно поросшая травой и терескеном (сухой кустарник), изрыта местами маленькими болотистыми озерами или узкой лентой реки. Такова природа озера Кара-Куль.

Всем нам в той или иной мере не доставало, как многие из нас выражались, кислорода, чувствовалось некоторое затруднение в дыхании, особенно при беге, учащение сердцебиения. Некоторые из нас ощущали подчас острую головную боль, особенно в затылочной части. Стоило пройти с десятков шагов ускоренным шагом, как у меня

лично проявлялась одышка, и я чувствовал какую-то не свойственную мне слабость. Кроме того, я совершенно потерял аппетит. Появились, правда, незначительные болезненные ощущения в желудке. У многих товарищей было явное расстройство пищеварительного аппарата. У некоторых высота действовала на нервную систему то в сторону необычного ее возбуждения, то в сторону некоторой подавленности, угнетения. Это я наблюдал как на самом себе, так частично и на других товарищах.

Все эти болезненные явления в сумме создают заболевание, которое известно под именем «горной болезни». Местные жители называют эту болезнь «тутек». К счастью никто из нас типичной формой «тутека» не болел. Были лишь отдельные ее симптомы. К сожалению, этого нельзя сказать о первой части нашей экспедиции, из которой два товарища—Исаков, наш русский топограф, и Ленц, немецкий лингвист-этнограф, выбыли из строя тотчас же по приезде на Кара-Куль. Один из них должен был вернуться обратно в Алайскую долину, другой, чтобы продолжить свои исследования, вынужден был отправиться круглым путем через долины, минуя ледники.

Во всяком случае горная болезнь для ослабленного организма—это бич, сразу решающий вопрос о возможности дальнейшего продвижения на высоты, особенно в условиях ледниковых гор...

Одной из задач, которая была поставлена начальником экспедиции Горбуновым, было обследование озера Кара-Куль с точки зрения флоры и фауны, до сего времени мало известных.

С этой целью экспедицией специально была привезена небольшая складная брезентовая лодочка, едва вмещавшая трех человек. Нашей частью экспедиции непосредственное обследование озера было совершено дважды. Ни в одном из них я лично не принимал участия, а потому ограничусь только описанием результатов, которые мне

стали известны со слов товарищей и частью уже опубликованы.

Было установлено, что на самом озере живут отдельные виды маленьких рыбешек и какие-то микроорганизмы, которые добыты из озера и направлены в Академию наук. Кроме того, на озере обнаружены чайки, цапли, кулики, бакланы. В долине близ озера отмечены: орел, гриф, ворон, альпийская галка, трясогузка, заяц и крупные животные, кости которых разбросаны по Памиру, особенно в «Долине смерти» (Маркансу): большие дикие бараны (архары), дикие козлы, киики. Все они водились не непосредственно у озера, а в окружающих горах.

В результате гидрологических наблюдений над озером было установлено свыше шестнадцати древних горизонтов озера. Нашими метеорологами, которые имели специально организованную базу в районе озера, помимо очень интересных метеорологических наблюдений, были проделаны очень ценные наблюдения над солнечной радиацией, которая по предварительным итогам чуть ли не достигает мирового максимума. Интересные наблюдения были проделаны и радистами по вопросу радиосвязи на больших высотах. Думаю, что товарищи наши, которые организовали радиостанцию в районе озера Кара-Куль, по всей вероятности, в скором времени поделятся в печати своими опытами.

ДВЕСТИ-ТРИСТА МЫШЕЙ

В то время как одна группа товарищей занималась этими исследованиями, другая занималась обработкой доставляемого зоологического материала, а кроме того самостоятельными работами. Товарищ Розмирович—по энтомологии, я—в области медицинских наблюдений, для которых имелась специально взятая мною аппаратура.

Я вспоминаю напутствие товарищей-зоологов из Академии наук, которые говорили мне:

— Везите, товарищ, все, что можете с Памира, от маленькой птички до крупного зверя, от маленькой шкурки всем известного уже сурка до отдельных частей скелета того или иного зверя. Все интересно, все важно!

Помню, как курьез, один из товарищей-зоологов там же, в Академии наук, напутствовал меня:

— Если бы вы привезли хотя бы «только» двести или триста штук мышей с Памира, это был бы замечательный материал для зоолога, правда, узко специальный, но зато полноценный.

Все, кто занимался препарированием животных—Н. В. Крыленко, О. Ю. Шмидт, Н. П. Горбунов, красноармейцы, я—все мы, за исключением товарища Соколова (зоолога), не специалисты-зоологи и еще меньшие препараторы. У меня, правда, как у врача-хирурга, было известное преимущество, но я скоро убедился в том, что оно было очень незначительно, и о нем не стоило и говорить. Большую помощь в этом отношении нам оказали инструкции по препарировке, по изготовлению тушек (птиц) и шкур небольших животных, по консервированию препаратов и т. п., изданные Зоологическим музеем Академии наук.

ДЖАННЫ-БЕК-САГИНБАЕВ

Изрядно проработав над препарировкой животных, я к вечеру забрался в кибитку к киргизам и стал их расспрашивать о житье-бытье. Все рассказанное ими было очень похоже на то, что мы уже видели и слышали в пути. Интересен был лишь рассказ о «басмачах»—как здесь называют местных разбойников, скрывающихся в горах.

Было это еще до революции. В Узгенском районе жил богатый помещик, узбек Джанны-Бек-Сагинбаев. Имел он очень много земли. Все почти население района обслуживало этого бая и было у него в подчинении. Что хотел, то и делал. Было у него чуть ли не сотня жен

и много сыновей. Но вот грянула революция, насторожились баи, стали они организовываться. Дошел слух и до Узгенского района, что царя свергли, и вместо него управлять Россией стало Временное правительство, а через год и его свергли. Потянулись с Памирского поста офицеры и солдаты, часть из них перешла китайскую границу, часть куда-то скрылась. Лишь постепенно менялась власть в Узгенском районе. Хорошие были отношения у прежних местных властей со стариком Джанны-Бекем, жаль было ему с ними расставаться, одно время он даже скрывал их у себя. Потом они точно сгинули. Прошло три года после революции в России. Все менялось, только Джанны-Бек со своими бравыми сыновьями жил так же, как и до революции. Был он хорошим наездником, часто устраивал охоты и пиры и спокойно правил своим хозяйством. Тем временем до узбекских жителей все чаще и чаще стали доходить слухи, что в России происходит передел земли, помещики бегут за границу, а землю делят среди крестьян. Собрались как-то узбеки и решили просить у Джанны-Бека, чтоб он уступил им немного земли. Разгневался старик, прогнал крестьян, а сам собрал по округе помещиков, и организовали они большую военную дружину, хорошо снабженную выездными лошадьми и оружием.

Давно крестьяне-узбеки таили ненависть к богатому баю, а тут стали поступать сведения, что в других районах крестьяне уже овладели землей.

Собралась беднота еще раз и решила дать решительный бой своему баю. Подожгли они ночью усадьбу, заставили бая с сыновьями бежать, землю разделили и взяли в свое пользование.

Убежал Джанны-Бек со своими сыновьями и дружиной в горы и крепко затаил месть к бедноте за свое добро. Вот с этих пор и пошло басмачество. Стали бывшие господа разбойниками-басмачами. Стала боевая дружина во

главе с Джанны-Беком время от времени делать налеты на кишлаки.

— А как же производились эти налеты? Убивали они жителей или только грабили?—спросил я.

— А делали они так,—продолжал караванщик.—Ночью, когда жители кишлака спят, приезжают на очень хороших конях басмачи, забираются в одну или две юрты, преимущественно богатых узбеков или киргизов, и здесь устраивают свой штаб. Никогда ничего не отбирали они у богатых, а у бедных отбирали последнее.

Главным образом, уводили скот. У кого тридцать баранов, того не трогали, а у кого пять или десять, у того все отбирали. Кто не давал, убивали без пощады.

— А Джанны-Бек тоже принимал участие в грабежах и убийствах?

— Не только в убийствах,—он наших женщин насиловал.

— А как же вы боролись? Поймали главарей и Джанны-Бека, или они и до сих пор разбойничают в горах?—продолжал спрашивать я.

— И Джанны-Бека и его сыновей, особенно старшего, никак не могли поймать. Кажется, Джанны-Бек и умер в горах. О нем сейчас ничего не слышно. Старшего сына его поймали и в Оше в прошлом году расстреляли. А как это было, не знаю,—закончил свой рассказ караванщик.

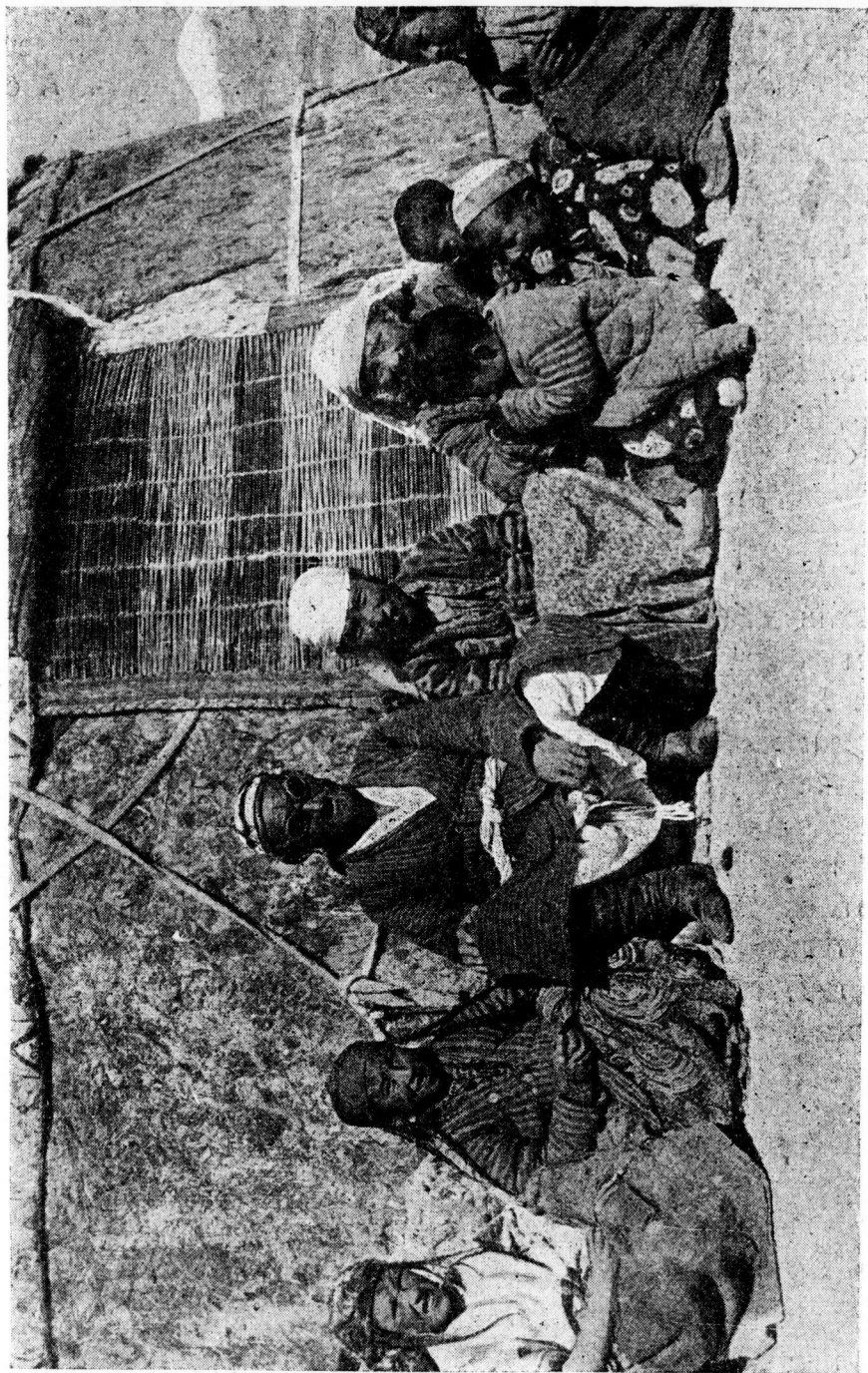
В юрте стало тихо, все сидели молча под впечатлением только что слышанного, только ветер врывался отдельными пронизывающими струйками сквозь ее дырявые стены. Сидевший до сего времени молча красноармеец-татарин, возвратившийся сегодня утром с нашим товарищем Беляевым (астроном Ленинградской Пулковской обсерватории) с Танымасса, встал со своего места и, обратясь ко мне, сказал:

— Это я вам, товарищ доктор, расскажу. Я вот уже три

года с этими бандитами воюю. Где, где мы только не были, гоняясь за ними по горам и ущельям проклятого Памира! Я вот сейчас отслуживаю последний месяц на действительной военной, а как три года назад пригнали нас в Ошу, прикомандировали в пограничный отряд, так с тех пор с ними воюю. Как у них это дело с басмачеством началось,—караванщик верно рассказал. Я тоже так слышал. Они, вроде, нарочно всё бедноту грабили и разоряли, а богатых не трогали, себе вербовали. И вот в двадцать четвертом году у них была дружина человек двести-двести пятьдесят; лошади были—одна к одной, прямо звери выезженные. Как «он» ее пришпорит, так летит как стрела! Уж на что наши лошади—кавалерийские—хорошие, обученные, выезженные, а равнять нельзя. Трудно было за ними гоняться. Только засадами и берешь их, то один десяток, то другой. А каково в засаде-то было? Неделями ждешь, пока их свора наедет. Так по частям и били. Как вот со стариком Джанной было—не знаю, а вот с сыном его, которого в Оше в прошлом году к стенке поставили,—это знаю.

Долго мы за бандой следили, главарем которой старший сын Джанны был, и выследили. Налетели они, голубчики, на киргизский поселок в Алайской долине человек десять. Из одной юрты всех повыгнали и на ночь себе штаб квартиру устроили; обобрали деревню дочиста; баранов, разное домашнее добро—нагрузили всё на награнных же ими лошадей и до утра, должно, решили остаться «попировать». Нас тоже человек двадцать было. Начальник наш дал нам приказ—всех бить, а сына Джанны живого доставить. Что бы ни было, а его живьем взять—и никаких.

Мы решили их взять на рассвете, чтобы повиднее было, как воевать с ними. Только рассвело, окружили мы их, голубчиков. Хорошо, юрта со «штабом» чуть поодаль стояла от других, а то бы не миновать—и жителей селения

Семья киргиза около юрты на стоянке Кара-Куль.

покрошили бы. Патронного запаса было много. Хотели они прорваться, а на коней-то под огнем не шибко влезешь. Не тут-то было! Стали мы их по одному крошить. А сын Джанны,—как чувствовал,—из юрты не вылазит, только через щелки стреляет в нас. Всех перебили, один он, должно, остался; из наших тоже ранили трех товарищей. Мы совсем чуть не вплотную на конях к юрте подъехали, а он как выскочит с двумя наганями, и давай по нас без перебою стрелять! А мы стрелять не можем: живого надо взять. Еще трех наших ранило. Все сукин сын патроны выстрелял, а потом лег на землю. Подъехали мы к нему, он спокойно дал себя связать, не сопротивлялся. Несколько раз мы пытались у него узнать, где находятся и скрываются его сообщники,—так он нам ничего и не сказал. А вот в прошлом году басмачи и местные кулаки решили его выволить и во время прогулки арестантов днем обезоружили тюремную охрану, решив удрать с ним. Местный гарнизон пограничников пять часов дрался с ними около стен тюрьмы; много наших в этой перестрелке погибло, но зато и их расщелкали как надо быть, а вместе с ними и сына Джанны-Бека. После этого случая куда тише стало с басмачами. Так, изредка поймают одного, другого, но уж это не такие. Думаю, мы эту банду всю переловили. А сам старик, говорят, помер где-то в горах,—закончил свой рассказ красноармеец.

Стало темно. Я вышел из юрты, направился к палаткам товарищей, где уже собирались ужинать. После ужина, забравшись в свою палатку, я записал этот рассказ.

САМОДЕЛЬНАЯ ДУДКА И «МАРШ БУДЕННОГО»

Мне сегодня предстояло закончить препарирование нескольких птиц и проделать ряд медицинских наблюдений над нашими товарищами. Но с утра план мой был несколько изменен тем, что мне пришлось оказывать ме-

дицинскую помощь нашим караванщикам. Тем не менее, закончив препарировку при помощи красноармейца Ражды, я приступил к медицинским наблюдениям, в результате которых я получил ряд интересных данных, особенно при измерении кровяного давления.

У всех испытуемых кровяное давление было значительно повышено против нормы, а у товарища Горбунова оно дало рекордную цифру, показав максимум: на правой руке 220 мм ртутного столба, а на левой—215. Это не влияло, однако, или влияло мало на общее его самочувствие.

Единственный вывод, который я имею право сделать сейчас, был тот, что, несмотря на целый ряд климатических неблагоприятных условий, организм человека в целом постепенно очень скоро приспосабливается и продолжает выполнять возложенные на него задачи. Так было с нами, несмотря на то, что у нас у всех наблюдались те или иные изменения самочувствия, те или иные явления «тутека» в связи с пребыванием в условиях стоянки на Кара-Куле. Нам нужна была, однако, более серьезная тренировка в подъеме на горы, и уж очень соблазнительно манила к себе снежная верхушка горы против нашей стоянки. Тем более, что высота ее, по предварительным указаниям товарищей, была свыше 5000 метров.

— Взять ее завтра,—предложил Николай Васильевич. Решено и будет сделано.

Начались приготовления: специальные веревки, кошки, горные ботинки, теплые вещи собирались и укладывались в горный рюкзак. В то время когда я этим занимался, ко мне подошел узбек Ибрагим Исламбеков и обратился ко мне:

— Милый доктор—джан иохтер (так он почему-то обращался всегда ко мне, и, как я узнал от него, эта фраза означала в переводе на русский язык: «Что говорит доктор, идет на пользу»), посмотрите, пожалуйста, мой палец. На пальце у меня нарыв.

И действительно у него оказался вполне созревший абсцесс на указательном пальце правой кисти. Я предложил немедленно вскрыть его.

— Как вы скажете, доктор—джан иохтер.

Все было сделано очень скоро, и он остался, видимо, очень доволен операцией. Зато я к нему обратился с просьбой, чтобы один киргиз, певший обычно, спел мне под мандолину так, чтобы я мог записать песню. Он очень охотно согласился. Через полчаса я сидел около палатки с мандолиной и подбирал однообразные звуки заунывного напева киргизской песни. Около меня собрались киргизы-караванщики. У одного из них нашлась самодельная дудка (типа пастушьего рожка), на которой он прекрасно исполнял эти же заунывные мелодии, и мы организовали «настоящее» трио: мандолина, дудка и голос.

Киргизы были в восторге от звуков мандолины, четко передающей их напевы. У них на Памире есть подобного же рода музыкальные инструменты—даторы, гораздо более примитивные, чем мандолина и даже бала-лайка.

Несколько раз пробовал киргиз исполнить на своей дудке «Марш Буденного», но с большой досадой заметил, что это очень трудно.

Долго я еще подбирал отдельные песенки киргизов при напряженном внимании последних. Они приходили в неописуемый восторг каждый раз, когда мне удавалось правильно сыграть ту или иную песню, и лишь настойчивый призыв хозяйственников к обеду заставил нас разойтись.

НА 5300 МЕТРОВ

Утром 8 августа Николай Васильевич, Отто Юльевич, я и красноармеец Хлопенко, оседлав лошадей, двинулись по широкой степи к ущелью, ведущему к намеченной нами горе. Нам предстояло проехать километров две-

надцать верхами, а дальше, оставив лошадей на попечение т. Хлопенко, итти пешком.

Примерно, от высоты 4300 метров мы, спешившись, пошли по некрутой горе, засыпанной мелким щебнем. Скоро сказалось длительное отсутствие тренировки в подъеме на горы. Первые два или три часа мы шли мерным, ровным шагом, зигзагами, через каждые двести шагов делая остановку на две минуты. Уже на высоте 4800 метров у нас появилась небольшая отдышка, и значительно участилось сердцебиение. Я стал отставать, делая более частые остановки. Повидимому, мы, желая несколько сэкономить время, взяли неправильное направление, как говорят «в лоб». Вдруг Николай Васильевич, взбираясь на скалу и неловко уцепившись за острый камень, порезал себе правую кисть. Перевязочный материал находился у меня в сумке, и он крикнул мне, чтобы я сделал ему перевязку. Я находился в трехстах или четырехстах шагах ниже его. Естественно, что я заторопился и, с большим трудом, почти не делая остановок, тяжело дыша, добрался до него. Пульс у меня был 110. После этого Николай Васильевич решил, что я, повидимому, не доберусь до вершины, а так как темп, с которым он поднимается на горы, для меня довольно труден, то еще через час я значительно отстал от своих товарищей.

Дышать становилось все труднее и труднее. Повидимому, было уже свыше 5000 метров. Анероида у меня не было. Сердце сильно стучало, пульс был 120—124, началось, что называется, «мутить»—появилось небольшое головокружение и тошнота. А тут еще злило, что товарищи ушли вперед, считая, повидимому, что я не дойду. Я решил сделать передышку минут на пятнадцать, забрался поудобнее на плоский большой камень и стал глазами искать моих спутников. Скоро я обнаружил их выше, метрах в 60—80, сидящими на скале, покрытой первым снегом. Мне стало легче. «Ну, погодите же, чорт возьми, покажу

я вам! Я тоже доберусь до вершины!» Дальнейший путь проходил среди скал, вначале едва-едва покрытых снегом и льдом. Последнее усилие, и я очутился на плоском снежном плато и, проваливаясь в снежные сугробы, взобрался на вершину. Мое появление было повидимому для Отто Юльевича и Николая Васильевича неожиданным. Поздравив друг друга с первым испытанием, мы через полчаса стали спускаться вниз. Итак, в итоге мы поднимались семь с половиной часов вверх на высоту 5300 метров. Меня интересовал вопрос, неужели только я один испытывал одышку и усталость последние 500 метров. Оказалось, что и Николай Васильевич последние 300 метров шел с большим трудом, часто останавливаясь. Он также наблюдал сильную одышку и сердцебиение. Лучше всех себя чувствовал Отто Юльевич, но и он наблюдал эти явления у себя и был порядочно утомлен.

На спуск, местами очень крутой, нам понадобилось всего лишь три часа. Когда мы добрались до наших лошадей, стало темнеть, и надо было торопиться. Мы рисковали провести очень холодную ночь в степи. Мы были утомлены, и хотелось есть. Верхами мы принуждены были очень медленно двигаться, так как было уже темно, а нам приходилось переезжать по несколько раз горные ручьи, иногда превращающиеся в небольшие речки, и спускаться по мелкому каменному щебню. Наконец, мы выехали из ущелья и очутились в степи. Но куда ехать? Стало совсем темно. Мы едва различали в темноте друг друга. Еще при выезде из ущелья мы увидели пущенную из лагеря нашими товарищами ракету. Но это было так мгновенно, что можно было судить лишь приблизительно о направлении. Виднелись едва-едва лишь снежные верхушки гор, повидимому находящиеся по ту сторону озера Кара-Куль. Я должен сказать, что зрительная память у меня хорошая, и по очертаниям двух смежных гор я был твердо уверен, что направление надо было брать именно на них. Мы

поехали согласно моему предложению. Нас окутала темная, темная ночь. Несмотря на то, что моя лошадка «Мохнатка», как я ее прозвал за мохнатую черную гриву, спускавшуюся хохлом на лоб, была обычным низкорослым киргизским иноходцем, она не отставала от кавалерийских лошадей моих товарищей, но временами пугалась и шаркалась в сторону, так что я не раз рисковал свалиться с нее. Мы ехали рядом. Товарищу Хлопенко вздумалось закурить, он неожиданно чиркнул в темноте спичкой, моя Мохнатка испугалась и, задев передними копытами за колючий кустарник, чуть не упала на передние ноги сама и чуть не свалила меня. Я обозлился, а Хлопенко, как ни в чем не бывало, сказал:

— Така невзрачна коняка, а боится спички!! Закуривайте, товарищ доктор.

Это было сказано так спокойно и до того неожиданно, что я, рассмеявшись, пожалел, что обозлился на него.

Вдруг снова ракета. Это наши, беспокоясь за нас, стараются указать нам путь. Значит, направление взято верно—едем на лагерь.

ОДИН В СТЕПИ

Мы смело погнали лошадей и в темноте я взял направление прямо на едва видимый огонек фонаря, повидимому, выставленный нашими товарищами в лагере. Спустя четыре часа езды рысью я отбился от товарищей. Вдруг препятствие—река. Мохнатка стала, не идет, и ничего я с ней не могу поделать. Пока я с ней возился, мелькающего лагерного огня не стало. Я пытался обойти с ней реку, но река вилась каким-то полукругом. Кружась возле реки, я потерял окончательно ориентацию на лагерь. Не имея возможности ее переехать, я решаю идти вброд, не зная насколько она глубока. Лошадь попрежнему упорно со-

противляется. С большим трудом, погружаясь по грудь в воду, мне удастся, буквально таща за уздцы Мохнатку, перейти вброд широкую, топкую, болотистую речку. Я не успел пройти шагов пятнадцать-двадцать вперед, как снова река, и опять та же процедура перехода вброд. Перешел я эту речку, метров в восемь шириной, проехал еще с десятков шагов,—снова река, а огня нет и нет. Я промок насквозь, хоть выжимай, поднялся ветер, впереди ничего не видно. Хоть бы закурить, так и этого нельзя: спички и папиросы мокрые. Сам же я указал спутникам правильное направление и сам же отбилсь, понадеявшись на себя. Несомненно попал в болото, ноги буквально вязнут в топкой мокрой почве. Что же делать? Я решил, что в крайнем случае сяду верхом на лошадь и до рассвета посижу. Но каково сидеть мокрому, прозябшему, голодному! Найти меня в темноте тоже мудрено. Самые отвратительные мысли лезли в голову. Но надо было решать, что делать. Был у меня горный свисток. Начал из всех сил свистеть. Никакого результата. Никто не отзывается. Ветер, повидимому, заглушал его. Осталось последнее: вынул из кобуры револьвер и дал два выстрела. Ответа нет. Осталось четыре пули. Подряд выстрелил четыре раза. И через несколько минут снова увидел, несколько влево от того направления, которое я взял, едва мелькающий огонь. Меня услышали. Быстро взяв лошадь под уздцы, потащил ее за собой на огонь по топкому, вязкому месту, опять вброд через реку и еще раз вброд. Мне повезло—нигде не завяз. Вижу небольшой холм, бегу на него и только поднимаюсь—передо мною свет, идущий из лагеря.

Меня встретил, держа спасительный фонарь, товарищ Андреев. Было одиннадцать часов ночи. Товарищи уже выпили чай, закусили, а я, злой и измученный, выжимал воду из одежды.

СЮРПРИЗЫ НА КАРА-КУЛЕ

Утром, выбравшись из палатки, я был изумлен представившей мне картиной: слева от стоянки—зима, справа—лето. Вчера мы проезжали эту широкую долину, и она была покрыта терескеном, а сегодня сплошь засыпана снегом. Так и надел бы лыжи! За тучами не видно гор. Далеко-далеко расстилается необъятное белое поле и сплошной бело-серой массой сливается с небом. В долине был снежный буран. Оттуда веяло холодом, и все говорило о приближающейся зиме. Зато с другой стороны ярко горело восходящее солнце, стлалась степь, изрытая речками, а дальше синее, синее озеро—Кара-куль, бурное, с пенящимися волнами, с шумом и плеском бьющими в берега. Словно море в бурю, а не мирное озеро.

Несмотря на то, что мы вчера порядком устали,—особенно я после своего вынужденного купанья в болоте,—мы чувствовали себя вполне здоровыми и бодрыми.

Днем батяка отдал приказ готовиться на завтра с утра к выступлению на Танымасс, а сам, снарядивши маленькую группу, отправился на озеро Кара-Куль, чтобы заночевать там и догнать нас только на следующий день.

Киноработники Шнейдеров и Толчан готовились с вечера выйти в засаду на архаров, чтобы заснять их рано утром, когда они выходят к реке. Товарищ Юдин, один из ответственных по хозяйственной части товарищей, с частью каравана двинулся вперед на день раньше. Наша альпинистская группа, таким образом, отделилась от всего каравана.

Опять лихорадочно забилось сердце экспедиции. Все собиралось, все укладывалось. Все были заняты подготовкой в путь. Буквально не было минутки свободной, только один член нашей экспедиции—Елена Федоровна не отступила от своего режима. Несмотря на то, что был

очень холодный день, и вода в озере была почти ледяная, она нашла все-таки время искупаться.

Вечером я пошел в палатку к «вымирающему племени», как метко назвал наших двух метеорологов—Знаменского и Поздеева—товарищ Горбунов. Хорошие, милые ребята, они помогли мне в этот день в работе с кататермометром Хилла—прибором, имеющим целью определение влияния атмосферы, преимущественно температуры, влажности или перегретости окружающего воздуха, на организм человека. Этот прибор, заменяющий подчас три прибора—термометр, анемометр и психрометр,—появился сравнительно недавно у немцев и на высотах еще никем не применялся.

Когда я вернулся в лагерь, было уже темно, и только из отдельных палаток брезжил свет.

АЗАРТНАЯ ОХОТА

10 августа наша группа—я, Розмирович, Шмидт, Крыленко и двое красноармейцев—тронулась в путь на запад от Кара-Куля к Танымассу. Сначала дорога шла по берегу озера, по топкой, временами болотистой степи, и если кому и доставляла удовольствие, то только Николаю Васильевичу, не расстававшемуся с двустволкой почти всю дорогу. Первые десять километров мы ехали параллельно памирскому тракту, затем резко свернули вправо вдоль Кара-Куля и скоро добрались до небольшого озерка, названия которого я не помню.

— Стойте!—послышался сзади голос Николая Васильевича. Мы остановились.

— Гуси, гуси на озере,—кричал он.—Нет, нет, не гуси, дикие утки.—А еще через несколько минут, оставив на наше попечение лошадей, он вместе с красноармейцем Хлопенью осторожно шел по берегу.

Бах, бах—загремели выстрелы.

— Пиль, Гарри, пиль, пиль,—услышали мы затем его

голос. А еще через несколько минут Гарри плыл по озеру к первому трофею.

Когда мы подъехали к берегу, Николай Васильевич уже шел нам навстречу, неся в руках убитую утку.

Но это было не все. Это было только начало.

К озеру в это время подъехала еще кучка товарищей, загорелось самолюбие охотников, начался азарт.

Вот Николай Васильевич опять впереди всех. Вот уже он на противоположном берегу и нацелился. Бах! Опять убил.

— Гарри, пиль,—и Гарри несет вторую утку.

Бах, бах, бах...—несется со всех сторон озера. Это группа красноармейцев и товарищ Ауберг пытаются конкурировать с Крыленко. Но у них винтовки, а не двустволки. Все мимо. Утки спокойно, дразня охотников, плывут по озеру.

— Эй, вы, головы, кто же так стреляет? Ведь это ныры! Не бейте,—все равно нырнут. Все равно мазнете,—кричит Николай Васильевич, еще больше подзадоривая красноармейцев.

— Бах, бах, бах,—раздается в ответ по озеру.

Никакого результата.

Товарищ Ауберг, долго берет прицел. Выстрелил, попал. Вот она, конкуренция!

Бах,—выстрелил Николай Васильевич. Попал.

Вдруг, откуда ни возьмись, к озеру во весь опор мчатся Шнейдеров и Толчан. Ружья на изготовку.

Снова началась бешеная, но безрезультатная пальба по уткам. Тогда Толчан сообразил, что ему лучше заняться съемкой охоты, чем зря переводить патроны. И соответствующие кадры были засняты.

Только Гарри в этот день никак не желал выступить еще в роли киноактера и снова лезть в воду.

— Гарри, милая собачка, песик, хороший пес, чорт,

дьявол, лезь в воду за уткой!—убеждал его Шнейдеров, бросая утку в воду.

Но Гарри собака серьезная, не любит халтурить и в воду так-таки не полез. «Хотите снимать, когда я за уткой плыву, приезжайте во время»,—говорили его умные глаза.

Замечательный кадр был ими заснят зато в момент, когда мы, голодные, с жадностью набросились на консервы, в частности, в тот момент, когда Елена Федоровна, долго выбиравшая вкусный кусочек осетрины, взяла порцию не рассчитав, что она вся сразу не уместится во рту. Часть осетрины аппетитно выглядывала изо рта, когда затрещал предательский аппарат. Удовлетворенный своей работой, Толчан присоединился к закусывающим.

Когда стало темно, мы расположились на ночевку около скал, на восточном берегу Кара-Куля. Мы были несколько обеспокоены тем, что нас не догнали наши каракульские рыболовы—батька, Соколов и другие.

Только утром следующего дня к нам присоединилась запоздавшая группа. Это случилось как раз, когда Толчан готовил по своему способу жертвы вчерашней охоты. И, конечно, Николай Петрович, узнав об охоте, заметил:

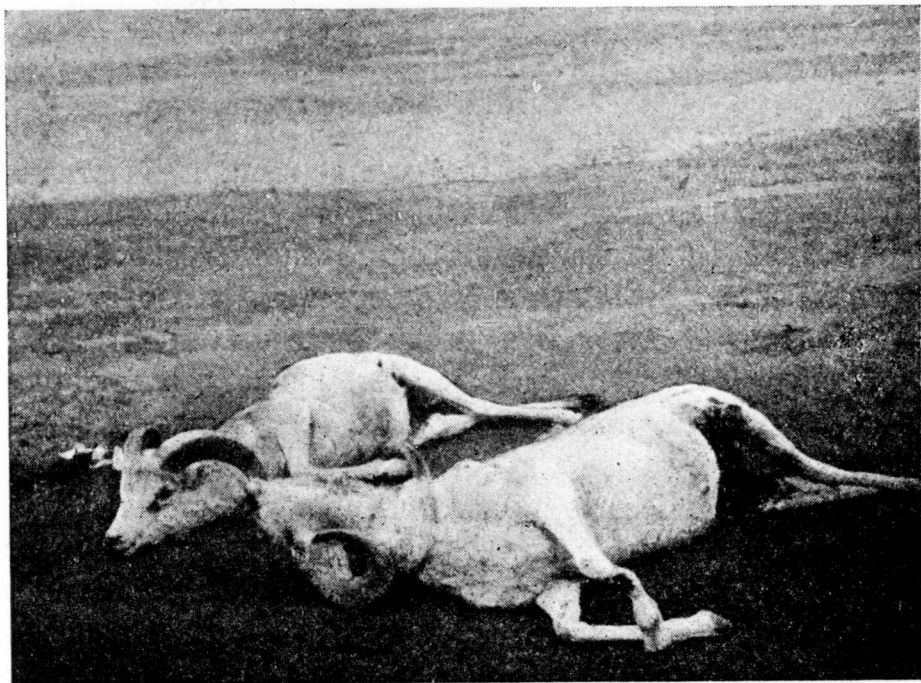
— Как же это вы, Ефим Михайлович, разрешили жарить такой ценный материал, как дикие утки, и не изготовили ни одной тушки для Академии наук? Так совершенно невозможно относиться к своим обязанностям. Будете потом жаловаться, что у вас материала мало в зоологической коллекции. Вы бы хоть желудки приготовили.

Я чувствовал себя очень неловко. Батька был, конечно, прав. Однако, аппетита к жареной утке «à la Толчан» я не потерял.

АРХАРЫ

Дороги перед нами не было. Расстилалась широкая песчаная пустыня, окаймленная серыми, мрачными скалами. Попадались места, очень напоминающие мертвую пусты-

ню Маркансу. Вдруг Цыган с пронзительным лаем кинулся вперед. Мы насторожились, взяли бинокли. Далеко, далеко, в километре от нас по степи во весь дух неслось большое стадо архаров, спустившихся с гор в долину. Заметив приближающихся всадников, они быстро уходили обратно в горы, несясь по степи красивой разверну-

Архары

той цепью. Издали они производили впечатление стада диких лошадей.

Николай Васильевич вскачь пустился им наперерез, но скоро отчаялся в возможности нагнать их. Цыган же еще долго мчался, сломя голову, по степи, преследуя архаров, пока они окончательно не скрылись в горах.

Долго мы еще ехали переменным аллюром. Добравшись до выхода в долину реки Зор-Таш-Кол, расположились лагерем на правом берегу ее.

Ночь была морозная. Наше топливо—терескен, которым мы до сих пор пользовались для костров,—исчезло. Мы принуждены были потратить много времени для того, чтобы собрать для чайника сухой помет животных.

Как часовые, грозно высились кругом скалы. Небо было темное. Тишина была поразительная. Так прошла эта мрачная ночь, первая предвестница будущих ночей.

МИРАЖ

Первая половина дня была однообразна и безотрадна. Все та же голая песчаная степь вдоль реки Зор-Таш-Кол. Эта долина окружена цепью остроконечных горных пиков, по своему строению и недоступности резко отличающихся от всех до сего времени виденных нами гор. И вдруг перед нами произошла метаморфоза в природе—появилась трава, полевые цветы. Мне вспоминается, что именно в этой долине я обратил внимание на странный обман зрения: впервые я узнал, что значит мираж.

Сидя на седле и всматриваясь вдаль, я увидел совершенно отчетливо, что впереди среди полевых цветов пасется стадо баранов и овец. Я погнал лошадь, но каково же было мое изумление, когда все вдруг исчезло. Это повторялось раза три, и только в последний раз я понял, что эти явления вызваны исключительно дрожанием воздушного эфира. Это был мираж.

Было два часа дня, когда мы проехали Зор-Таш-Кольскую долину, поднялись на небольшой перевал и затем спустились к реке. Здесь решено было устроить привал и подождать отставших товарищей.

Обычно в пути на привалах закуска у нас была «немудрящая»: чистая холодная вода из ручья и рыбные консервы или баклажаны. Так было и на этот раз.

ДЕНЕЖНЫЙ ЯЩИК ПРОФЕССОРА РИКМЕРСА

— Смотрите, кто-то едет нам навстречу,—сказал вдруг Толчан, присматриваясь к склону горы..

— Вздор! Где?—(а сам—за винтовку) сказал Николай Васильевич.

— Говорю, двое всадников и, по моему, не киргизы, а скорее русские,—утверждал Толчан.

— И ружья на плечах, едут прямо на нас. Аккурат басмачи,—вставил Соколов.

Страхи оказались, однако, напрасны. К нам подъехали два красноармейца, высланные навстречу нашими товарищами из Танымасса.

— Ну, что у вас там делается? Как вы там живете? Где немцы? Что делают?—засыпали мы подъехавших красноармейцев вопросами.

— Да ничего. Ждали мы вас к десятому августа, а вас все нет. Вот и послали нас к вам навстречу.

— До Кокджара сегодня доедем? А дорога дальше трудная?—продолжаем мы спрашивать.

— До Кокджара недалеко, а дорога хорошая. К вечеру будем,—отвечали красноармейцы.—А вот, от Кокджара к Танымассу перевал тяжелый. Да после него раз шесть реку Танымасс надо переходить вброд. Это дело серьезное. У Рикмерса четыре чемодана и сейчас наверное где-нибудь плывут.

— Как так?

— Очень просто. Когда мы на Танымасс ехали, в одном месте очень глубоко было, двух лошадей чуть-чуть не унесло, едва спасли. Чемоданы-то снесло, ну и поплыли по реке, догнать нет силы. Река быстрая, течением их и унесло.

— А в чемоданах что было?

— А мы не знаем. Говорят, патроны, что ли, ихние, да фотографические принадлежности, пластинки разные.

— Должно быть сильно взволновался профессор Рикмерс?—спросил я.

— Это еще ничего. Хуже было, когда другой рукав переходили. Опять понесло. Так тут у него чуть чемодан с деньгами не унесло, ежели бы не Володя Юдин (брат нашего хозяйственника).—Он—молодой, смелый, кинулся на своей лошади догонять и прямо в воду. Его течением понесло, а он поймал чемодан и доставил его Рикмерсу. Молодец, право!

Тем временем подъехала наша остальная группа с Николаем Петровичем, который со свойственной ему аккуратностью и точностью был занят в пути топографической съемкой и поэтому принужден был равномерно переезжать от стоянки до стоянки, несколько отставая от нас.

Часть товарищей вместе с Николаем Васильевичем уехала вперед. И вдруг мы увидели, что они несутся к нам галопом из узкого ущелья.

— В чем дело? Зачем вы туда ездили?—спросила Елена Федоровна.

— Ничего. Тут оказались люди. Мы думали, что напали на стоянку контрабандистов. Оказалось, что это стоянка наших же немцев, членов экспедиции, которые, вернувшись с Танымасса, отправляются на Алтын-Мазар.

Через полчаса мы достигли уже стоянки Кокджар.

ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИЙ ЗНАК

Нас очень приветливо встретили обитатели стоянки, и среди них Володя Юдин—тот самый, который спас денежный ящик профессора Рикмерса.

Прежде всего они нас во-всю накормили. Пирожки, которые они приготовили нам на сливочном масле, плов с изюмом, чай с сахаром в накладку, мед, печенье,—всего было вдоволь.

— Доктор, а знаете, у меня живот прошел, не болит,— обратился ко мне Соколов, заходя в палатку, где мы аппетитно уплетали поданные кушанья. А еще несколько часов тому назад мне пришлось давать ему капли.

— Вот странно,—заметил я, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.—Еще так недавно у вас были сильные боли и тошнота, вы отвратительно себя чувствовали, а сейчас вдруг все прошло?

Но он так умоляюще посмотрел на меня, что я не мог больше упорствовать.

— Ну, вот что, Георгий Николаевич, я все понял. Давайте договоримся. Есть вы будете очень осторожно и не много.

— Будьте спокойны! Хороший вы человек, Ефим Михайлович, хоть и доктор, а хороший,—сказал Георгий Николаевич, уплетая первый пирожок и берясь за второй.

— Здравствуйте, с приездом.—С этими словами вошли два незнакомых нам товарища, члены первой группы экспедиции товарищи Нёт и Циммерман.

Приятно было посмотреть в горах на этих джентльменов. Нёт среднего роста, в сером френче, такого же цвета галифе, чисто выбритый, с черной изящной трубочкой во рту. Циммерман—довольно упитанный, плотный, с прекрасным цветом лица, в коричневом костюме, также хорошо выбритый, с сигареткой во рту. Еще бы парочку таких джентльменов, и я бы не удивился, если бы мне сказали, что от Кокджара всего несколько километров до культурного города со всеми вытекающими отсюда последствиями. Невольно поглядел я на наших спутников. Пыльные, черные, небритые, страшные, в своих походных, уже изрядно порванных костюмах, они составляли им полную противоположность.

Наши новые товарищи рассказали о работе, которая проводится немецкой группой экспедиции, о своем путешествии к Танымассу, говорили о трудностях в последнем

переходе к Танымассу, о том, что нам предстоит пройти перевал, на котором немецкая часть экспедиции потеряла двух лошадей, сорвавшихся в пропасть, об опасностях переправы через реки.

С утра был дан приказ перевьючить вьюки и все, что есть лишнего, оставить на Кокджаре. Вчерашние рассказы о трудностях дальнейшего пути к Танымассу возымели свое действие. Начальник экспедиции считал совершенно необходимым, елико возможно, облегчить караван.

Вывод для всех был один—пересмотреть личные вьюки, оставить самое необходимое, взяв, главным образом, теплые вещи. Мне пришлось перепаковать весь свой медицинский инвентарь и распределить захваченные медикаменты на четыре высокогорных лагеря (на ледниках). Задача, конечно, была легкая по существу, но кропотливая, так как все надо было записывать, и это заняло у меня почти весь день.

Пока все занимались раскладкой, перекладкой и укладкой необходимого нам «барахла», Николай Васильевич отправился с одним из красноармейцев и, конечно, с винтовкой на ближайшую гору, а когда вечером возвратился, то рассказал о том, где он был, какую увидел на леднике Танымасс панораму, а самое главное—как он, добравшись до 5 000 метров высоты, нашел столь тщетно разыскиваемый нашими геодезистами тригонометрический знак. Мы все во что бы то ни стало решили просить Николая Петровича задержаться еще на один день, чтобы совершить завтра восхождение на вершину. Отто Юльевич, Елена Федоровна и я были заинтересованы в лишней тренировке на 5 000 метров, киноработники—в заснятии панорамы горного хребта, Николай Петрович—в точном установлении места тригонометрического знака. Таким образом, решено было остаться еще на один день.

Шнейдеров решил заснять с геологическими целями взрыв скалы на Кокджаре.

ВЗРЫВ СКАЛЫ

Толчан—это не просто Толчан, а вагон талантов. Толчан кинооператор, он же неподражаемый повар, взял на себя и функции организатора взрыва.

Начинивши жестянку из-под пленки порохом, он передал ее в руки Соколову и Володе Юдину.

Впервые в этом «эпизоде»,—так назовем эту часть сценария,—должны были выступить в роли киноактеров проф. Дмитрий Иванович Щербаков со своим ассистентом, студентом Горной академии Юдиным. Их задача была показать процесс обследования горы с точки зрения ее геологической ценности. Медленно, часто останавливаясь и разглядывая камни, начали они взбираться с молотками в руках по отвесной серой скале.

— Толчан, вертите!—командует Шнейдеров. Толчан вертит.

Первая часть заснята. Началась вторая часть. Медленно, почти крадучись к отвесному углублению в скале, идет Володя Юдин. Его задача сбросить капсулю с динамитом так, чтобы успеть во-время отбежать от скалы. Через две минуты, по вычислениям Толчана, капсуля с порохом должна взорваться и попасть на фотосъемку.

Горбунов, Шмидт, Соколов, Шнейдеров и я стоим на противоположной стороне и с большим волнением следим, когда Володя доберется до скалы и сбросит снаряд.

Вот он уже совсем близко от цели. Еще несколько шагов, и он на краю скалы. Взобрался, стал, чтобы передохнуть.

Волнение у меня лично дошло до апогея. Рискованно все-таки.

— Толчан, приготовьтесь.

— Есть.

— Готовы?

— Есть.

Шнейдеров дает знак рукой.

Еще несколько секунд, Володя бросает капсюлю и со всех ног убегает по верхней площадке скалы.

Прошла минута, две, три, четыре—взрыва нет.

Недоумение—в чем же дело? Испытующе смотрят друг на друга Шнейдеров и Толчан.

— Должно быть сырой порох или я чего-нибудь туда не положил,—наконец выговорил Толчан.

— Замечательно, очень хорошо!—иронически прозвучал голос Шнейдерова.

— Вы, не язвите, Шнейдеров. От этого легче не будет. Вы лучше подумайте, что дальше делать.

— Я вам могу предложить—у меня есть бомба. Только ее надо умело бросить. Володе это, конечно, поручить нельзя. Это должен сделать опытный человек,—сказал Николай Петрович.—Вот разве товарищ Соколов возьмет на себя эту задачу. Он ведь, кажется, военный человек в прошлом?

— Да, раньше был,—ответил Соколов,—но бомб бросать не приходилось. Впрочем, давайте, попробую.

Через несколько минут товарищ Ауберг принес бомбу.

И снова повторилась почти та же картина, хотя несколько в другом жанре—скорее комическом, чем трагическом. Особенно комичен был момент, когда товарищ Соколов бросал бомбу. Она также не взорвалась, а он, спасаясь, бежал, падал, поднимаясь, снова бежал, в то время как бомба, повидимому, давно забыла о том, что ей необходимо по сценарию взорваться.

— Дайте, пожалуйста, еще бомбу,—не унимается Шнейдеров, обращаясь к товарищу Горбунову.—Я сам пойду. Я должен это сделать. Я не могу.

Шнейдеров получает вторую бомбу и лезет по скале сам. Наконец он взобрался до площадки, вот он у края скалы. Условный знак Толчану, и Шнейдеров бросает бомбу. Взрыв наступает почти немедленно. Дым, шум, с гро-

хотом падают камни, отрываясь от скалы,—прекрасный эффект. Толчан вертит. Но мы в страшном волнении. Твердо убеждены—Шнейдеров не успел отбежать от скалы. С ним произошло несомненно что-то дурное. Его не видно.

Кое-кто из товарищей бросился к скале, пытаясь подойти сбоку.

Вдруг, среди дыма и пыли, недалеко от места взрыва, отчетливо вырисовываются две фигуры: это Шнейдеров, закрывающий лицо руками, и Соколов, не успевший слезть со скалы, Соколов делает что-то странное: он поколачивает по спине и по рукаву Шнейдера.

Жуткие минуты прошли. Шнейдеров стоит, но, видимо, что-то случилось с ним.

Спустя несколько минут Шнейдеров был уже среди нас, и на нем тушили еще тлевшую в отдельных местах тужурку.

— Ничего, ничего,—успокаивал он нас.—Обгорел, должно быть, немного.

Лоб у него был черный, волосы на голове, бровях и бороде обгорели. Правая рука была черная. Глаза были целы. Увидя его, я сразу успокоился. Мой диагноз—ожоги лица и руки в легкой форме первой степени. Вазелиновые повязки, которые я немедленно ему положил, исчерпали весь инцидент. Героизм Шнейдера мог все же окончиться печально.

ТРЕНИРОВКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мы осуществили наше решение и двинулись всей группой, кроме Николая Васильевича, на расположенную за нашим лагерем гору.

Первое время мы шли по траве, скоро сменившейся мелкими камнями. Почти все шли ровно.

Поднявшись метров на 300 вверх, мы дошли, при срав-

нительно легком подъеме, до первых скал. И вот перед нами первая отвесная скала. Цепляясь за камни, медленно, но упорно двигаемся вперед. Елена Федоровна не признает никакой помощи, так же, как каждый из нас, поднимается вверх. Мало того, старается обогнать других, и это ей время от времени удается.

Вот мы уже на высоте 4 400 метров. Елена Федоровна прошла уже предельную высоту своего прошлогоднего рекорда на Кавказе—4 200 метров. Она прекрасно себя чувствует и спокойно проделывает один подъем за другим. Скоро мы подошли еще к одному выступу горы, за которым, заворачивая влево полукругом, открывалась широкая лощина. Казалось, что дальше за ней остается еще один небольшой пик скалы—и конец. Двигаемся вперед с еще большей энергией, еще более энергично сыплется из-под наших ног мелкий щебень. Ноги, утопая в песке, как-то плохо слушаются, но вот скоро-скоро мы у цели. Неужели это 5 000 метров? Нет ли здесь какой-нибудь ошибки? Перед нами открылась изумительной красоты панорама на долину реки Танымасс с целым полчищем окружающих ее гор, снежных пиков, причудливо разбросанных на десятки километров.

Решили сделать небольшой привал. Нас было трое—товарищ Розмирович, Шнейдеров и я.

Здесь только Елена Федоровна почувствовала резкие боли в ступнях. Проклятые новые ботинки! И через несколько минут, сняв ботинки, с досадой убедилась, что изрядно натерла себе ноги, особенно пятки, есть пузыри и ссадины.

— Ну, чтож, хорошо. Наказана, по крайней мере, за свое легкомыслие. Надо надевать в другой раз под эти ботинки носки потолще, поплотнее, а не ходить в горы в тонких чулочках.

— Что ж, должно быть, дальше не придется двигаться?—спросил я.

— Как не придется? Непременно пойду. Чепуха! Мы стали ее уговаривать. Но все было напрасно.

— Ни за что не отстану. Прекрасно себя чувствую. Идемте же,—торопила Елена Федоровна,—только ведь еще одна скала до вершины осталась.

Но каково было наше удивление, когда мы, взобравшись на эту последнюю, как нам казалось, скалу, увидели еще и еще ряд открывавшихся скал.

Вперед с еще большей настойчивостью, преодолевая различные препятствия, шли мы, помогая друг другу. Вот уже первый снег, за ним еще скала, покрытая почти сплошь снегом.

Стало холодно.

Еще десять-пятнадцать минут, и мы на большом снежном поле.

Кто это сидит на камне?—Уставший и измученный кинооператор Толчан.

Когда мы подошли, нас мучила жажда, и мы, усевшись около большого камня, защищавшего нас от резкого холодного ветра, зачерпнув воды из ледяной ямки, закусывая немецким шоколадом, отдыхали.

Толчан твердо заявил:

— Довольно, дальше не пойду! Панорама заснята, дело сделано, рекордов мне не надо. Остальные метры брать не собираюсь и вам не рекомендую. Я вполне удовлетворен.

Шнейдеров, повидимому, молчаливо согласился с Толчаном.

Натертость ступней у Елены Федоровны, должно быть, уже давала себя знать, но она готова была все же идти вперед.

— А где же наши товарищи, Шмидт и Горбунов?

— Они прошли по снежному полю по направлению к тригонометрическому пункту,—ответил Толчан.

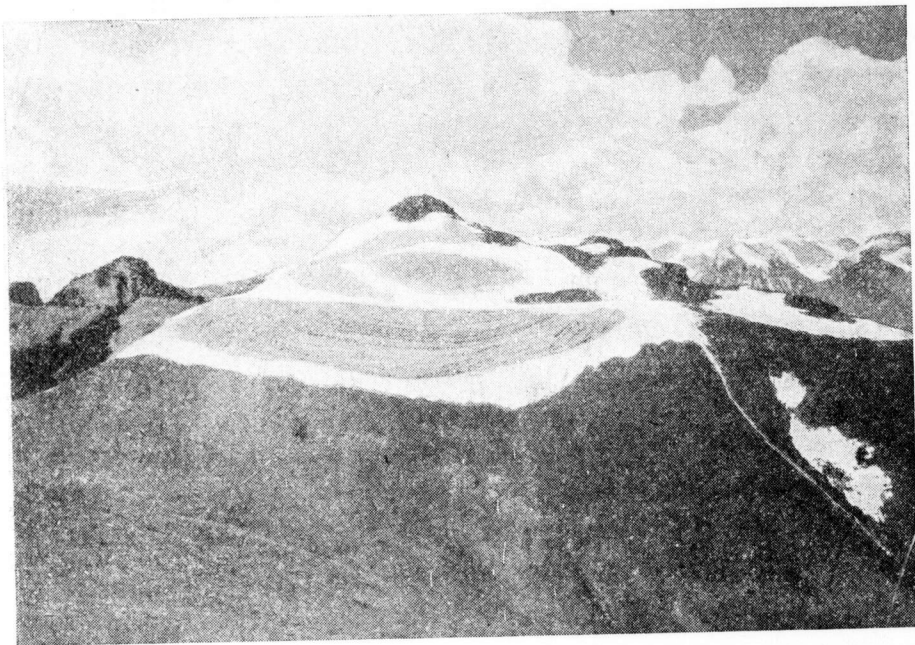
Впереди действительно лежало широкое, плоское, снежное поле с очень небольшим подъемом вверх, метров 50—

100, но было уже три с половиной часа дня, и мы решили дальше не двигаться, а спускаться вниз.

Шнейдеров и Толчан пошли минут на десять раньше. Спуск был гораздо сложнее, чем мы предполагали.

Мы стали спускаться, выбрав несколько иную дорогу, стараясь идти менее крутым спуском, держась поближе к скалам, время от времени цепляясь за камни.

Спуск становился все круче. Поднялся сильный ветер.

Урочище Кокджар. На вершине виден тригонометрический пункт, высота—5 010 метров.

Настолько сильный, что появился риск сорваться со скалы. Ветер дул со стороны ледников с невероятной силой. Изменили направление и пошли с правой стороны скалы. Спуск здесь значительно круче, но зато мы предохранены от резких порывов ветра. К вечеру мы спустились в лагерь. Пострадали от этого подъема только ноги Елены Федоровны. Никаких болезненных явлений ни у кого из нас не было.

Этот тренировочный подъем на гору показал лишний раз результаты постепенной приспособляемости организма на высотах.

Скорей, скорей вперед—так и тянуло всех.

СОКОЛОВ ТОНЕТ

Сначала наш путь шел узкой извилистой тропой, по скату горы. То спускаясь, то опять поднимаясь, мы, наконец, достигли того самого перевала, о котором нам рассказали столько страшного красноармейцы и немцы.

Перевал был, действительно, очень крутой и песчаный, становилось страшно за караванных лошадей: как бы не сбились и не сорвались в пропасть. Но по трудностям его, конечно, нельзя было сравнить с перевалом Джиштык.

И мы и наш караван благополучно спустились к реке. Нам предстояла первая переправа через горный поток Танымасса. На наше счастье вода еще только начала прибывать. Все же на первый взгляд река с ее сильным напористым течением казалась ючень бурной. Вперед поехали два красноармейца и один из опытных караванщиков. Вот уже первая лошадь погрузилась по брюхо в воду, а еще через минуту две другие. Их подхватило и понесло метров двадцать вниз по течению. Однако они благополучно выбрались на берег.

Очередь за нами. Мы идем тем же путем. Лошадь Николая Васильевича понесло, за ней мою и Елены Федоровны. Трудно описать состояние человека, сидящего верхом на лошади в тот момент, когда ее уносит течение. Пусть ее даже несет недолго, всего метров двадцать, но легкое головокружение и опасение, что вот-вот сорвешься с седла, оставляет довольно жуткое воспоминание.

Наконец караван выбрался на берег, и мы поехали среди мелких кустарников.

Часть товарищей решила искупаться, другая часть поехала дальше. Я лично был совершенно удовлетворен купанием во время переправы, тем более, что впереди, по рассказам товарищей, предстояло искупаться не менее пяти раз. Вторая переправа была значительно легче, третья тоже. На четвертой киношники решили сделать засаду. В особенно глубоком месте Шнейдеров—с одной стороны, Толчан—с другой примостились у самого берега, наводя аппарат прямо на караванных лошадей. Эффект, получился, конечно, немедленно. Одна из лошадей, особенно пугливая, взбираясь на берег, испугалась, и, к удовольствию киношников, бросилась снова в воду, чуть не сломав себе передние ноги.

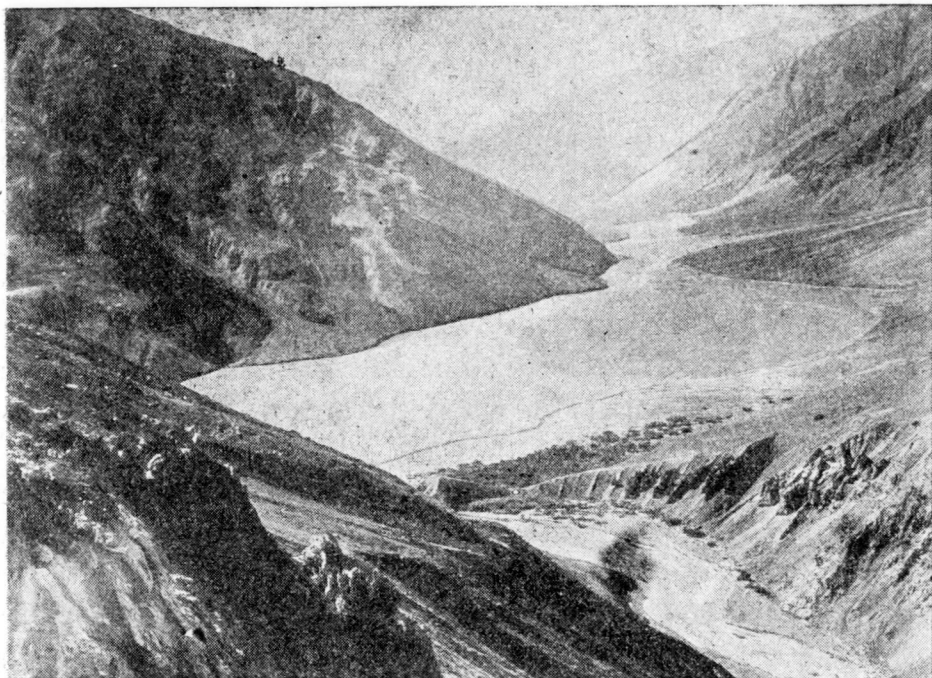
Как бы там ни было кадр получился хороший. Я и тов. Юдин при этом выразительно ругались. К несчастью этой стороны дела, конечно, «заснять не удалось». А полезно было бы в назидание чрезмерно ретивым киношникам.

Едем дальше по краю реки, совсем у прибрежных скал, затем выезжаем на каменистую песчаную поляну. Пыль буквально засыпает уши, глаза, рот, нос. На пути снова скала, небольшой подъем по скалистому берегу, и мы перед новой переправой через другой рукав реки. Вода значительно поднялась, было уже два часа дня. Река бурная, местами очень глубокая, выворачивает течением большие камни—валуны. Пытаемся найти неглубокие места, наконец нам это удается, и вот уже Горбунов, Розмирович, Крыленко, Шмидт, красноармеец и я на другом берегу. Решаем ждать остальных.

Елене Федоровне при ее неудержимой любви к воде эти переправы доставляли огромное удовольствие. Всюду она старалась пустить лошадь как можно быстрее, чтобы еще выше летели водяные брызги.

Первым из отставших товарищей показался на противоположном берегу товарищ Соколов. Увидав нас, он сразу же, не колеблясь, решил переправляться. Ни наши крики,

ни наши указания не могли остановить его. К тому же он увидел наши аппетитно жующие рты. Спустившись в реку и похлестывая лошадь, он через несколько минут попал в очень глубокое место. Лошадь почти с головою погрузилась в воду, а за ней и товарищ Соколов. Мы бросились к берегу. Вот показалась голова лошади, затем снова исчезла, вот Соколов бьется из последних сил, борясь со

Вид реки Танымасс у слияния реки Кокджар.

стихией. Еще несколько томительных минут, и оба на берегу, дрожащие, мокрые, избитые и исцарапанные камнями.

Нам осталось несколько километров до первого горного лагеря. На повороте нас приветливо встретил рыжий бородатый дядя. Это был, как оказалось, наш русский—топограф Дорофеев, а еще через пятнадцать минут к нам навстречу вышел профессор Рикмерс, глава немецкой части экспедиции.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Б Е Л О Е П Я Т Н О

«НЕ УЗНАЕШЬ МЕНЯ»

Вот мы и на Танымассе, в той самой области, которая в переводе на русский язык носит название «Не узнаешь меня». Здесь за первым Танымасским ледником расположился наш первый высокогорный лагерь. Отсюда нам предстоит главный поход по неисследованному «белому пятну», туда, где еще не ступала нога человека.

В лагере было отвратительно: пыль, духота, чрезмерная сухость воздуха—все это сразу давало себя чувствовать.

Появилась непреодолимая жажда. Профессор Рикмерс с необыкновенной торжественностью преподнес Елене Федоровне большую чашку с холодной водой, сказав, что эту чашку он дарит ей, единственной женщине такой ответственной экспедиции, в знак особого уважения. Воду Елена Федоровна немедленно выпила, но когда она попыталась налить вторую порцию воды, оказалось, что чашка с трещиной и сильно течет. Это было неожиданно и очень забавно.

Обстановка лагеря нам всем сразу пришлась не по душе.

Пыль, пыль и снова пыль; стоило подняться небольшому ветру, как от пыли не было спасения. Единственным убежищем были наши палатки.

Несмотря на усталость, которую все мы чувствовали после пройденного пути, нас тянуло вперед, на ледники. И в этот же день вечером, за чайным столом в виде груды камней, покрытых салфеткой, уплетая замечательные пи-

рожки с мясом (это был основной лагерь экспедиции и потому здесь были максимальные удобства), которых мы не ели со дня выступления из Оша, мы устроили генеральный «военный» совет, для разработки плана дальнейших действий. Примерно план этот выражался в следующем.

Русская часть экспедиции делится на две группы.

Советская экспедиция на пути к первому высокогорному лагерю.
Рукав реки Танымасс.

Одна, во главе с Н. П. Горбуновым, направляется на юго-запад по Бартангу, исследует эту реку, переваливает в долину реки Язгулем к верховьям реки Язгулем, с западной стороны Танымасских ледников.

Другая группа—Крыленко, Розмирович, Шмидт, Дорофеев и я—отправляется для исследования ледника Федченко и установления перевалов через главный хребет в

долину реки Язгулема. У верховья реки эта группа встречается с группой Горбунова, подойдя, таким образом, с восточной стороны ледника Федченко.

План был очень смелым и показался на первых порах настолько фантастичным, что на лицах некоторых товарищей появилась улыбка. Чтобы он был понятен читателю, я должен вернуться назад и напомнить основную цель экспедиции. Цель эта заключалась в обследовании и составлении точной карты западной части Памирского плоскогорья, и именно тех его районов, где высоким, никем не обследованным хребтом, так называемый Большой Памир отделяется от Дарваза, с густо населенными долинами Таджикской республики по течению реки Пяндж и ее притоков: Ванча, Язгулема, Бартанга и др. Все три реки: Ванч, Язгулем и Бартанг своими верховьями уходят в ледники и снежные поля этого хребта, средняя высота которого достигает шести тысяч метров. Вся эта область от Кара-Куля на запад до хребта представляла собой до прихода нашей экспедиции совершенно необследованную неизвестную область.

Мы находились сейчас в верховьях реки Танымасс. Прямо перед нами, километрах в четырех от лагеря, высывал свой язык второй Танымасский ледник. Для предварительной рекогносцировочной работы сюда месяца на полтора-два раньше нас были направлены немецкие и русские топографы-геодезисты.

Этой-то разведочной работой и было установлено, что верховье реки Танымасс ведет к леднику Федченко, но в то же время все попытки установить возможные перевалы через Танымасский хребет в долины вышеназванных рек Ванча и Язгулема не дали положительных результатов. Теперь понятно, почему наш план вызвал на лицах некоторых участников экспедиции скептическую улыбку.

Решено. Никаких отклонений от плана. Задача должна

быть выполнена. В то время, как мы, сидя на камнях, намечали пути ее выполнения, раздался пронзительный крик таджика: «Э-э-э!» Размахивая руками, выкрикивал он непонятные слова и указывал на скалу. Мы посмотрели на вершину скалы, возвышавшуюся над нами, и увидели на краю ее лошадь. Еще минута, и на нас с шумом и грохотом сверху посыпались камни, булыжник и песок, а спустя еще несколько минут наш чайный стол представлял из себя жалкое зрелище: жестяные чашки были смяты, пирожки, замечательные пирожки с мясом, были засыпаны противным серым песком, белели лишь концы только что чистой скатерти. Однако все обошлось благополучно, никого не ушибло, не поранило, мы были во-время предупреждены таджиком, и во-время разбежались.

Днем каждый из нас занимался той частью научной работы, которая была на него возложена. В частности я, занимаясь медицинскими наблюдениями над своими товарищами, осмотрел и выслушал профессора Рикмерса. Я был изумлен бодростью и крепостью этого, в свое время много путешествовавшего, пятидесятишестилетнего человека. Но обнаружил у него все же сильно развитый атеросклероз и несколько расширенное сердце, время от времени дающее о себе знать в виде одышки. Я сам воочию убедился, когда накануне Горбунов, Крыленко, Рикмерс, Шмидт и я поднимались на гору метров на 400—500 выше лагеря, как спокойно и ровно этот человек, не отставая от нас, достиг указанной высоты. Вот где сказалась подлинная закалка, настоящая тренировка организма.

Николай Васильевич раньше других ушел с красноармейцем и носильщиком во второй лагерь.

К вечеру стали и мы готовиться к переходу. Отсортировали личный багаж и отбирали теплые вещи. Долго я колебался,—взять ли с собой на ледник мандолину или не брать. Отто Юльевич энергично защищал мандолину.

— Возьмите, возьмите! На ледниках иной раз тоска берет,—убеждал он.—Особенно, если застанет непогода и придется несколько дней сидеть в палатке. Заскучаем, вы сыграете, мы споем. Это совершенно необходимо даже с точки зрения поднятия общего настроения.

Решил взять и был наказан: я получил кличку «памирского менестреля», а моей мандолине пришлось закончить свое брренное существование, издав последний печальный аккорд под грузным телом тов. Шнейдерова, но об этом речь будет впереди.

ТАНЫМАССКИЙ ЛЕДНИК

Это было 17 августа. Товарищи Шмидт, Дорофеев, Розмирович и я, в сопровождении двух красноармейцев и пяти носильщиков-таджиков, простившись с остальной частью экспедиции, отправились в первое путешествие по Танымасскому леднику, взяв направление на второй высокогорный лагерь.

Вначале наш путь шел горной тропой, которую успели проложить носильщики, регулярно совершающие рейсы с продовольствием и др. вещами между первым и вторым лагерем.

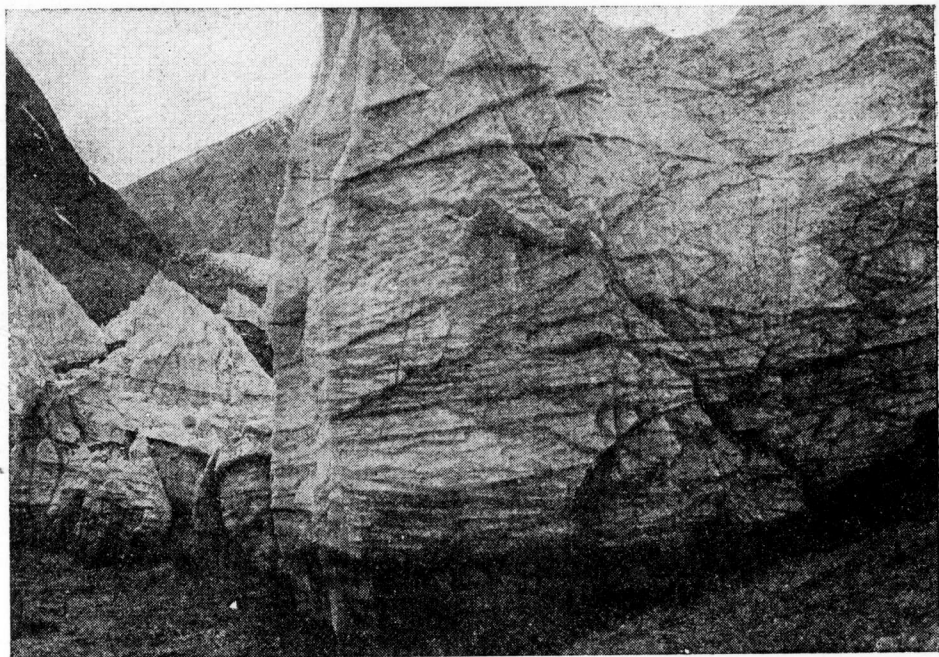
Пройдя километров пять и легко переправившись через русло небольшой реки, мы очутились перед очередным Танымасским ледником.

Перед нами сразу взметнулся он, могуче выпятив гигантскую ледяную грудь, изрезанную бездонными зеленовато-синими трещинами. Из-под этого ледяного массива, разбрасывая с зловещим шумом миллиарды брызг, ворочая на пути большие камни, неслась река Танымасс. Наши носильщики ушли вперед несколько раньше и, как мы предполагали, уже поднялись на ледник.

Пошли и мы...

С ледниками шутить нельзя. А особенно с неисследо-

ванными. У нас были с собой, как полагается при всяком горном восхождении, специальные альпийские веревки, которыми по определенному способу, на расстоянии шестидесяти шагов друг от друга, связываются путешествующие. Были и так называемые кошки. Это подковы со стальными зубьями, надевающиеся на горные ботинки и оберегающие от скольжения по ледяной поверхности. Мы быстро вооружились и приготовились идти дальше. Пло-

Второй Танымасский ледник. Ледяные стены.

хо пришлось только Елене Федоровне. При подъеме на Кокджар она жестоко натерла ступню правой ноги, и теперь надела на больную ногу два теплых чулка и мягкую туфлю. Разумеется при таких условиях Елена Федоровна могла надеть только одну кошку на здоровую ногу. Скоро нам пришлось познакомиться с настоящими трудностями ледниковых переходов. Нам преградила дорогу большая трещина во льду, и велико было наше смущение,

когда мы убедились, что ее невозможно обойти, а прыгать было тоже весьма рискованно. Не было уверенности в достаточной прочности краев трещины, покрытых на всем протяжении рыхлым снегом. Мы удивились, как пробрались здесь таджики. Если мы шли по верному пути, то ведь и они должны были побывать именно здесь. Странно, что мы ни разу не видали их следов.

Мы обдумывали наше положение, и вдруг один из красноармейцев увидел носильщиков, сидящих на невысокой осыпи возле скалы почти против нас.

Только тогда мы сообразили, что таджики перемудрили нас и были совершенно правы. Они, дойдя до ледника, не поднялись на него в «лоб», как сделали мы, а пошли в обход с правой стороны, переправившись вброд через реку.

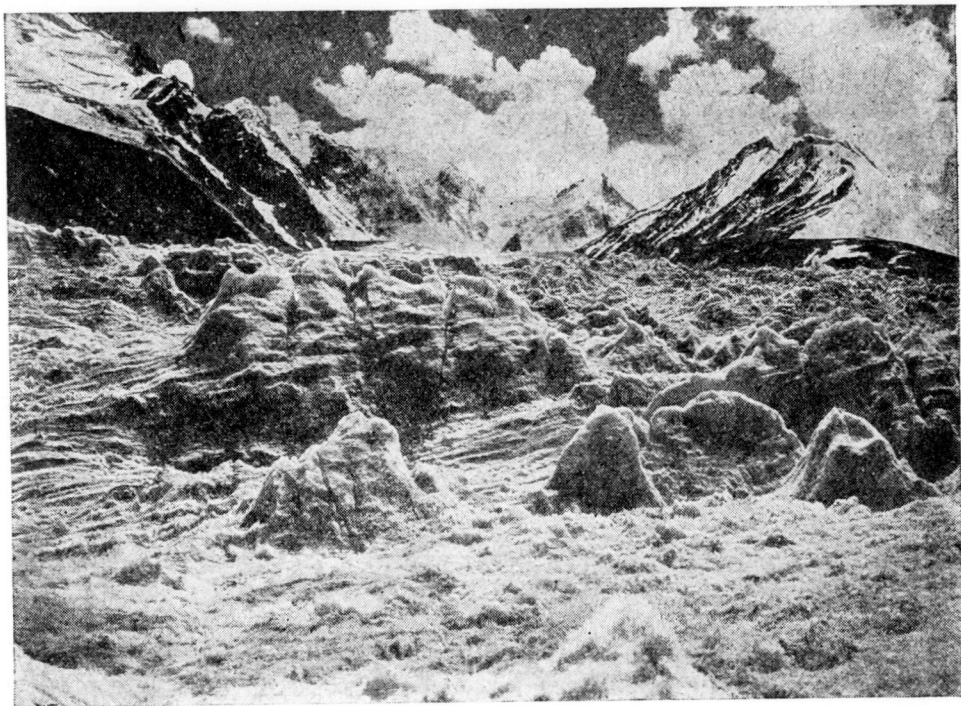
Нам пришлось, крепко связавшись веревкой, прыгать через трещину. Медленно поднимались мы все выше и выше и вскоре достигли самой высокой точки ледника, примерно 3900 метров. Дальше начался постепенный спуск. Спустившись метров на 150 вниз, мы перешли на скалистый отвес горы, а затем и на зеленую траву, покрывавшую большую часть этих склонов. Здесь решено было сделать небольшой привал и закусить. Было уже три часа, и таджики рекомендовали нам остаться здесь на ночевку, так как мы прошли только полдороги. Здесь можно было добыть дрова, а дальше дров не будет.

Несмотря на то, что решение, которое предстояло принять, было несомненно серьезное, мы размышляли недолго. Уничтожив банку с консервами (кстати сказать это были изрядно надоевшие баклажаны) и закусив немецким шоколадом с водой, мы решили двигаться дальше.

Пройдя довольно длинный путь по откосу горы, мы очутились среди камней. Прыгая, как лягушки, с камешка на камешек через мелкие горные ручейки, мы затем снова добрались до льдов. Здесь картина была уже иная.

Перед нами был тип так называемого игольчатого ледника. Весь ледник оказался усеянным бугорками различной величины, оканчивающимися снежными иглами.

Вечерело. Солнце стало спускаться. Снежные бугры и иглы, сплетаясь, вырастали то в причудливые пирамиды,

Ледник Федченко.

то в таинственные гроты, как бы охранявшие тайну Танымасса.

Какой изумительно красивый, величественный, снежный пейзаж.

— Здесь так хорошо, что хочется петь, играть, плясать, сняв с плеч мандолину,—сказал я.

— Ну, а зачем же дело стало?—подзадоривал меня Отто Юльевич.—Поиграйте. Хорошо, когда появляются такие желания на высоте 3830 метров. Это признак прекрасного самочувствия, а главное бодрости.

Вынул я из рюкзака мандолину, быстро настроил, и пошло: «Цыганочка, око, око», «Как родная меня мать провожала, и от этих ледников убежала». С каждым аккордом настроение все более возрастало. Действительно чувствовался необычайный подъем. Как врач, однако я отношу это за счет общего возбуждения нервной системы в связи с разреженным воздухом.

Мы шли уже восемь часов, а усталости абсолютно не чувствовалось.

Становилось холоднее. Солнце уже зашло. Таджики ушли вперед. Надо было поторапливаться.

— Иван Георгиевич, еще далеко?—спросил я Дорофеева, укладывая мандолину в рюкзак.

— Пустяки осталось, до второго горного лагеря какихнибудь три-четыре километра. К восьми часам будем.

Мы снова спустились к правой боковой части ледника и пошли по камням. Идем уже около часа, а ледник все тянется и тянется, бесконечно уходя куда-то вдаль.

— Вон, за этим уступом горы мы вероятно, увидим огонь в лагере,—сказал Иван Георгиевич.

Мои часы показывали восемь часов пятнадцать минут.

— Я полагаю, что таджики придут раньше нас, скажут, что мы идем, и нас встретят. Бояться темноты нечего,—заметил Отто Юльевич.

— Я тоже уверена, что Николай Васильевич нас встретит,—спокойно идя вперед, ответила Елена Федоровна.

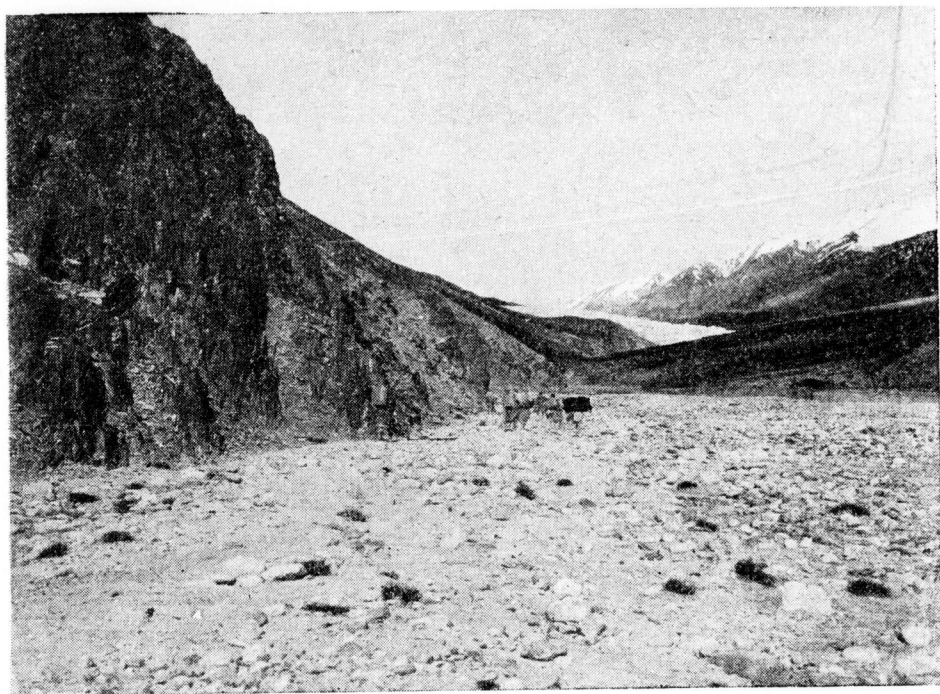
— Все же приходится удивляться вашей выносливости, Елена Федоровна. Вы ведь первая женщина на леднике Танымасса. Каждым своим шагом вперед вы ставите мировые рекорды. Впрочем, я где-то читал, что какие-то сумасшедшие англичанки полезли еще выше,—сказал Отто Юльевич.

— Вот спасибо,—засмеялась Елена Федоровна.—Так вы меня за мои достоинства в одну компанию с сумасшедшими англичанками зачислили?

— Как, позвольте?— смутился Отто Юльевич.— Неужели я так сказал?

Он казался совершенно сконфуженным своей нечаянной обмолвкой.

Тем временем ледник кончился, и мы вступили в область холмов, покрытых камнем и песком. Ноги буквально вязли в песке. Мы незаметно спустились к реке и, ощупью пробираясь по краю берега, двигались вперед. Вдруг пока-

На первый Танымасский ледник.

зался огонь. Лагерь! Огонь погас, а через несколько минут снова появился. Для всех стало ясно, что либо нас встречают, либо мы близко около лагеря. Огонь—все ближе и ближе, а еще через десять-пятнадцать минут нас встретил с фонарем в руках один из таджиков, посланный нам навстречу.

Оказалось, что к лагерю было два пути. Один по берегу

реки, другой по склону возвышающейся над рекою горы. Николай Васильевич полагал, что мы изберем последний, и пошел нас встречать по этой дороге. Мы подошли к лагерю почти одновременно.

Я сбросил с плеч мешок и посмотрел на часы, было десять часов вечера. Итак, мы пробыли на ногах одиннадцать часов.

Несмотря на позднее время, лагерь не спал. Немецкие

Танымасс. Второй высокогорный лагерь.

товарищи, услышав о нашем приходе, повыползли из своих нор. Им хотелось посмотреть на нас, так как это была наша первая встреча в ледниках. Кроме того, они ждали, что мы принесем им из первого высокогорного лагеря письма от Рикмерса, через которого шла вся почта. Мы очень любезно обменялись приветствиями, вручили им корреспонденцию и устроились в большой горной палатке закусить и выпить чаю.

В первый же вечер, сидя в палатке, я сдружился с двумя красноармейцами—Нагумановым и Сахутдиновым. Никак я не мог запомнить их фамилий, и по взаимному соглашению мы условились дать им короткие названия: Нагуманов-Свен, Сахутдинов-Гедин, а оба они вместе будут прозваны по фамилии известного исследователя Памира Свен Гедина. Эта затея им очень понравилась.

Не прошло и полчаса, как у меня появился пациент—повар второго лагеря, два дня изнывавший от мучительной зубной боли. Я посмотрел ему в рот, обнаружил несколько совершенно сгнивших зубов с торчащими корешками. Я дал ему на ватке зубные капли, заложил два дупла, но боли не успокаивались. Было ясно, что надо просто удалить корни, но зубных щипцов у меня не оказалось. Кто-то сказал, что они имеются у профессора Рикмерса, который хорошо дергает зубы. Я рекомендовал нашему повару спуститься на следующий день в первый высокогорный лагерь. Как я потом узнал, Рикмерс замечательно справился с этой задачей, выдернув у бедного таджика пять или шесть корней.

«ПЛЮЙ-ПУДИНГ» И ГОЛЛАНДСКИЙ СЫР

Морозное утро подняло нас сравнительно рано. Пока мы привели себя в порядок и выбрались из палаток, было уже начало восьмого часа. Наша и немецкая группа встретились в довольно поместительной общей палатке. На земле была разостлана широкая кошма.

По левую сторону палатки было аккуратно расположено немецкое продовольствие. Все, что они привезли с собою, было удивительно портативно и хорошо упаковано. Маленькие, средние и большие жестяные банки были наполнены консервированными продуктами: сушеными яблоками, сливами, вареньем, плюм-пудингом. Было с ними и сливочное масло в картонных коробках различного разме-

ра и формата, были знаменитые впоследствии осточертевшие нам галеты и так называемый кнакеброт, но что больше всего дразнило и привлекало наше внимание—это голландский сыр, упакованный в круглые коробочки по шести треугольников в каждой. Недаром Иван Георгиевич Дорюфеев неоднократно говаривал:

— Знаете, товарищи, за сыр я готов коробку консервов отдать и две коробки «плюй-пудинга»,—так он окрестил плюм-пудинг.

Наша же группа в данную минуту не могла похвастаться продовольствием. Наши ящики, выписанные из Германии, с точно такими же продуктами еще путешествовали пока что по Памиру на спинах верблюдов, и на нашей стороне, не стесняясь, расположились на кошме увесистые, широкие, толстые лепешки и большие куски сахара.

Немецкие товарищи любезно предложили нам начатую коробку со сливочным маслом и кнакеброт.

— Эти вещи как-то легче перевариваются,—объясняли они, указывая на прекрасное масло и сухие галеты из серой муки.—Кнакеброт—это совершенно незаменимый продукт в горах.

— О, да, конечно,—соглашались мы, косясь и на остальные, так аппетитно красовавшиеся продукты с левой стороны палатки.

РАЗВЕДКА

Руководителем или начальником нашей русской альпинистской группы, согласно генеральному плану, был Отто Юльевич Шмидт, которому и было поручено повести официальные разговоры с немецкой группой о совместном проведении разработанного нами генерального плана. В качестве старших у немецкой группы были Борхерс и Финстервальдер.

Первый был старшим в альпинистской группе. Второй—

крупный немецкий ученый—был как бы старшим над всеми немецкими товарищами и являлся их официальным представителем. Переговоры заключались, во-первых, в ознакомлении немецких товарищей с нашим планом, составленным в первом лагере и согласованным с главой немецкой части экспедиции Вилли Рикмер-Рикмерсом и, во-вторых, в разборе представленных Финстервальдером и Дорофеевым карт, которые давали предварительную ориентировку в окружающих нас пространствах и представляли собою результаты рекогносцировочной работы в верховьях реки Танымасса и частично на леднике Федченко. Рекогносцировка немецких альпинистов к подступам пика Гармо, являвшегося одним из пунктов настойчивых альпинистских стремлений, дала неутешительные или почти отрицательные выводы. Отвесные скалы преграждали путь к этому, самому большому из Танымасских гигантов. Таким образом, выдвигалась, как основная, задача экспедиции—найти перевалы от ледника Федченко к долинам рек Ванча и Язгулема, которые все еще оставались неустановленными, несмотря на неоднократные попытки их установить как со стороны русских, так и со стороны немецких исследователей нашей экспедиции.

В результате длительных и довольно бурных обсуждений обе стороны решили сосредоточить силы немецкой и русской группы на отыскании перевалов, начав поиски широкой разведкой развернутым фронтом трех исследовательских групп. Только двум или трем из нас предстояло по этому плану оставаться в лагере для подготовки снабжения, главным образом, продовольствия, для предстоящей экспедиции, для переправы через перевалы, если место их будет открыто разведкой, и для спуска вниз в долины, по ту сторону хребта, и дальнейших исследований в области рек Ванча и Язгулема.

Итак, решено было направить три группы на ледник Федченко в составе: первая центральная—Дорофеев,

Шмидт, Крыленко, вторая южная—Альвейн и Шнейдер и третья северная группа—Борхерс и Винн.

Время работ разведки три дня. Выступление назначить на 19 августа в шесть часов утра. Возвращение не позднее вечера 21 августа. На Елену Федоровну и на меня возложили заботу по подготовке большой экспедиции: по снабжению ее продовольствием и другими необходимыми предметами, как-то: обувью, керосином, спиртом и проч.

Таковы были распоряжения нашего командования.

ПРЕДПРИИМЧИВЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННИКИ

19 августа, в шесть часов утра, мы с чувством глубокой досады, что нам не пришлось принять участия в первой разведке, проводили товарищей. Но дело прежде всего! Пришлось побороть и досаду и стремление и приступить к возложенным на нас обязанностям...

Лагерь опустел.

И вот, сидим мы, я и Елена Федоровна, в общей просторной палатке на кошме и спешно составляем список продуктов и вещей, необходимых для переброски из первого высокогорного лагеря во второй для большой экспедиции. Больше всего нас волновала нехватка обуви и теплой одежды для таджиков-носильщиков. Необходимо было хорошо их одеть, иначе они в своих легких бараньих мукках (особый вид таджикской обуви) откажутся идти с нами и сорвут большую работу.

Все было по возможности предусмотрено и изложено в подробном списке, адресованном Рикмерсу и Аубергу (коменданту экспедиции, который был оставлен в первом лагере для регулярного снабжения второго высокогорного лагеря) и отправленном с таджиком вниз. А затем, пока Елена Федоровна занималась своей энтомологической коллекцией, я принялся составлять специальный ме-

дицинский инвентарь и приводить в порядок свои научно-медицинские наблюдения.

За работой незаметно наступил вечер, и к нашему удовольствию вместе с таджиками-носильщиками, принесшими очередное продовольствие, прибыли киношники—Шнейдеров и Толчан.

Шнейдеров, предприимчивый и энергичный парень, как только мы коснулись вопроса снабжения обувью, внес конкретное предложение:

— Обувь достать просто. Вам нужны четыре пары для таджиков. Прекрасно. Первую пару взять у Рикмерса, у него есть замечательные горные ботинки. Одна пара у него на ногах, другая в чемодане. Вот эта вторая пара—это раз.

— Шнейдеров, как это вы можете знать, нужна она ему, эта пара, или нет? Ведь зачем-нибудь он ее да взял, а вы таким авторитетным тоном заявляете, что она ему не нужна,—возразил Толчан.

— Толчан, пожалуйста не перебивайте, вас не спрашивают! Когда вам будет предоставлено слово, вы внесете ваши ценные предложения. Вы всегда некстати лезете с вашими неуместными шутками. Это вопрос серьезный. Если я говорю, что та пара горных ботинок—желтая, что лежит у Рикмерса в коричневом чемодане—ему не нужна, значит это так,—начал злиться Шнейдеров.

— Все это ваша очередная фантазия...

— Слушайте, Толчан, не мешайте. Я продолжаю. Первая пара Рикмерса—есть (отсчитывает по пальцам). Вторая пара—сапоги у Егора (повара Рикмерса). Он на ледники не пойдет. Ему они не нужны, он их продаст, я в этом уверен.

— Шнейдеров, вы с ума сошли! Он же в них ходит! Как же он отдаст последние сапоги?

— Толчан, вы положительно не умеете себя вести! Доктор, воздействуйте на него, у него плохо работают задер-

живающие центры. Вы, Толчан, просто сегодня устали от перехода по леднику, у вас болит голова. Мне вас просто жаль. Вы мне мешаете, не даете кончить мысль...

— Ах, скажите! Я вам благодарен за сочувствие. А кончите вы свою мысль все равно глупостью.

— Ну-с, так вот, Елена Федоровна, повару Егору можно будет в крайнем случае дать мукки таджика, которому пойдут сапоги. Разумеется, за плату. Я думаю двадцать пять-тридцать рублей. Вот вам вторая пара сапог (отсчитывает снова по пальцам). Третья пара? Третья пара есть у доктора. Я прекрасно... Ведь правильно, Ефим Михайлович, у вас есть пара сапог и есть вот эти горные ботинки, вам нужна только одна пара...

— Да, у меня есть,—ответил я, смутившись неожиданно поставленным вопросом.—И правильно, я их, конечно, могу отдать, если в этом есть необходимость.

— Ну что, Толчан? Убедились? Если я говорю, что есть, значит есть...

— Конечно, припер человека к стене, он и отдал. Это не штука.

— Это опять не ваше дело, Толчан. Заткнитесь! Ну, так вот, Елена Федоровна, уже есть три пары. Теперь будем искать четвертую.

— А вот у Шнейдерова есть четвертая на ногах. Это горные ботинки, и я тоже прекрасно знаю, что у него есть немецкие туфли, которые он у кого-то получил. Я предлагаю просить Шнейдерова отдать свои.

— Толчан, не грубите и вообще убирайтесь к чорту! Вы с таким же успехом можете отдать свои горные ботинки.

— Ага, не нравится? Извиняюсь.

— Елена Федоровна, а ведь у Николая Васильевича есть сапоги. (Пауза...) Да, еще я вспомнил, что в первом лагере стоит ящик с вещами Перлина. Там есть прекрасные горные ботинки. Ему они не нужны, и это, уве-

ряю вас, самые надежные ботинки. Давайте сейчас же писать записку Аубергу, чтобы он немедленно послал наверх эти ботинки.

Шнейдеров тут же написал записку и пошел искать таджика, чтобы завтра же экстренно послать его в первый лагерь.

Все это было очень хорошо, однако вопрос об обуви продолжал нас волновать.

А в это время, как потом оказалось, наши разведчики успели пройти двадцать пять километров вверх по леднику Федченко и стали привалом до утра.

КАК НАШИ?

Тучи заволокли небо. Ветер зловеще врывался через маленькие круглые отверстия переднего полотнища походной палатки. Холодно. Пронизывает.

Время от времени в течение дня выпадал мелкими хлопьями мокрый снег, порою он превращался в свирепый снежный вихрь, в котором тонули вершины окружающих лагерь гор. Так длилось час, другой. Затем снова наступила тишина, иногда прерывавшаяся далеким гулом горных обвалов. Вот-вот, кажется, небо прояснится, и покажется солнце. Но не тут-то было. Снова снег, снова вихри.

Где-то теперь наши разведчики, что с ними? Только бы не метель, только бы не буран, а то плохо им придется...

Так тянулось время...

Шли часы, тревожные, угрюмые. Бывавшие в горах знают, какие жуткие минуты, а иногда часы и дни приходится переживать, сидя в палатке во время снежного бурана. Пусто в лагере и почему-то тревожно. Скучно горит в общей палатке кем-то зажженный примус. Невесело стоит на нем черный закопченный чайник. Скверная погода родит скверное настроение. Придут ли сегодня

носильщики из первого лагеря? Принесут ли необходимое? Исполнят ли наши заказы для подготовки экспедиции? Мысли лезут в голову одна за другой, самые беспокойные мысли.

«Довольно, однако», резко обрываю я себя. Надо заняться чем-нибудь, надо уйти с головой в работу. Я еще не начал работы по исследованию крови. Правда, я напе-

Верховья реки Танымасс и ледника Федченко.

ред почти уверен, что счет красных телец на высоте 4 200 метров подтвердит уже давно известные наблюдения, что количество красных кровяных телец—эритроцитов—должно быть здесь значительно увеличено против нормы. И действительно, у кинооператора Толчана количество эритроцитов показало 6 820 000, что соответствовало и количеству гемоглобина—120.

Проделав еще ряд медицинских наблюдений над то-

варищами, я кое-как скоротал значительную часть этого серого, неприветливого дня.

Вечером из первого лагеря благополучно прибыли носильщики. Начался разбор и проверка присланных нам вещей и продовольствия. Окончательно рассеяла подавленное настроение записка товарища Перлина, который как нельзя более кстати прибыл в первый лагерь для защиты своих горных немецких ботинок.

ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ КОНЦЕРТ

Возвратились наши первые разведчики—товарищи Крыленко, Шмидт и Дорофеев.

Они сообщили, что ими установлен 20 августа перевальный пункт с ледника Федченко в долину какой-то реки, какой именно—они определить пока не могли. В этот же вечер пришла и южная группа—товарищи Шнейдер и Альвейн, которые тоже нашли как будто два перевальных пункта через хребет. Однако один был совершенно недоступен, так как спуск вниз представлял собою отвесную ледяную скалу, другого же они не могли проследить из-за неблагоприятной погоды: им помешал начавшийся снежный вихрь.

Третья—северная группа—Борхерс и Винн в этот день не возвратились. «По всей вероятности, они возвратятся завтра утром»,—думали мы. Но что явилось полной неожиданностью для всех нас,—это приход из первого лагеря профессора Рикмерса. Не сиделось спокойно старику, когда его альпинисты пошли в разведку. Наверное волновали его и результаты разведки и неблагоприятная погода в течение последних двух дней.

В этот вечер в нашей общей палатке, несмотря на воющий холодный ветер, была «полным полно коробушка». Расспросам и рассказам об отдельных деталях путешествия разведчиков не было конца. Смущало и беспокоило

лишь отсутствие немецких товарищей. Однако, все успокаивали себя тем, что они опытные ходоки и задержались в горах случайно. Заключительная часть вечера была заполнена концертным отделением—хоровым пением под мандолину, главным образом, русской части экспедиции. Наш репертуар был несложен.

В далеких, далеких ледниках Танымасса пели мы на всякие лады песни наших московских беспризорников.

Если вора вы поймали,
так зачем его бить —
на то есть суды, кодексы,
вора надо судить.

В темном темном, переулке
наш товарищ лежит,
он весь в кожаной тужурке,
много ран на груди.

Рикмерсу наше пение очень понравилось.

— Очень хорошо, очень хорошо,—повторял он, слушая наши заунывные подзаборные напевы.—Я бы с удовольствием сделал с вами турнэ по Европе. Можно хорошие деньги заработать...

БЕСПЛАТНЫЕ АКТЕРЫ МЕЖРАБПОМФИЛЬМ

С утра киношники составляют сценарий. Сегодня члены экспедиции принесены в жертву киноискусству, и все принимают участие в восхождении на одну из ближайших гор в полном походном снаряжении.

В одиннадцать часов утра мы двинулись по направлению к левой боковой части ледника Федченко, демонстрируя по пути все способы альпинистских восхождений: переправу через горные ручьи, хождение по осыпям и подъемы на ледяные скалы при помощи вырубленных во льду ступенек.

Шнейдеров неутомим, он волнуется и командует. Он то

и дело останавливает то одного, то другого в самых неприятных местах, в напряженных положениях. Того и гляди, свалишься в угоду киноискусству. А Шнейдеров все покрикивает:

— Стойте! Пожалуйста, замрите. Готово, спасибо. Можно двигаться.

Шнейдеров делает кадры. Толчан самоотверженно и испуганно вертит ручку киноаппарата. Ничего не поделаешь. Строить кинофильму, так строить!

— Имейте в виду, товарищи,—поощряет нас Шнейдеров,—что всех вас, бесплатных актеров, Межрабпомфильм отблагодарит альбомом заснятых кадров. (Кстати сказать, мы до сих пор этого альбома так и не получили).—А с Дорофеева мы прямо плакат сделаем. Я уверен, что его страшная рыжая борода, снятая среди снежных бугров, будет наводить ужас не только на малых детей, но и на взрослое население. Один этот плакат даст блестящую рекламу Межрабпомфильм.

В четыре часа мы были уже в лагере и, сидя на кошме в общей палатке, обсуждали план дальнейших действий. Решили на завтра выступить из лагеря и двинуться в направлении к северу, по леднику Федченко, к открытому нашей разведкой пункту перевала. Начались сборы. А Винна и Борхерса до сих пор не было. Как же это так? Неужели с ними что-нибудь произошло? Неужели они погибли? А вдруг не вернуться?

ПЕРЕХОД 25 КИЛОМЕТРОВ ПО ЛЬДУ

Простившись с товарищами, мы 23 августа пустились в путь. В нашей группе на этот раз были: Дорофеев, Крыленко, Розмирович, я, четыре таджика-носильщика и два красноармейца. Вначале мы двигались, постепенно подымаясь по мелкому щебню и гальке, по правому берегу небольшого горного потока. Часа через три перед нами

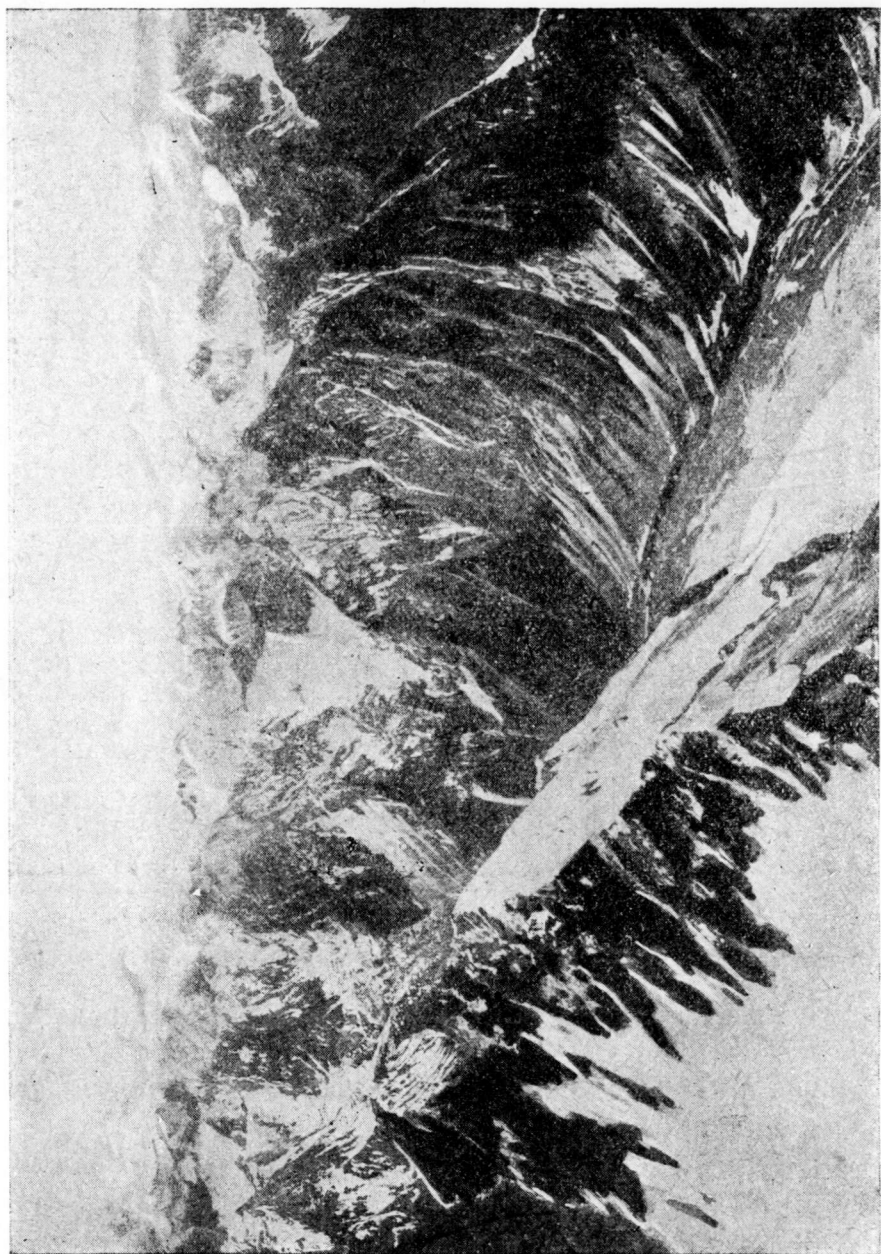
стали разворачиваться одна за другой ледяные пещеры, то в виде грандиозных, входящих вглубь ледника, зеленых коридоров, то прикрытые навесами, окаймленными по краям изумительными узорами ледяных сосулек, причудливо свисающими сверху. Местами перед нами вдруг вырастали массивные конусообразные глыбы, дальше снова искрились тонкие бисерные палочки сосулек. Все это разнообразие форм и красок оставляло незабываемое впечатление.

Вскоре мы подошли к большому высокогорному озеру. Снежные и ледяные скалы рамкой окружали зеркальную поверхность этого сине-голубого озера. Каменистый правый берег, по которому мы шли, все гуще и гуще покрывался ледяными стеклышками и снегом. Еще через два часа мы шли уже по ровному леднику «без конца в длину, без меры в ширину», как белая скатерть расстилавшаяся перед нашими глазами.

Только когда было пройдено километров 13—14, нам стали снова попадаться камни. Вскоре мы увидели впереди камень колоссальных размеров. Странно было увидеть на большом снежном поле это одинокое черное чудовище, вызывающе глядящее на кучку смельчаков. На этом камне мы с особым удовольствием сделали надпись чернильным карандашом: *Здесь проходили члены Памирской экспедиции такие-то 23 августа 28 г.*

Привал. Распечатывается банка с консервами. Грызём лепешки и куски холодной баранины. На закуску немецкий шоколад с «памирским чаем». Так мы называли талый снег, наполняющий кружки.

Небо было ясное, ни тучки, ни облачка. Солнце ярко светило, усиливая окружающую нас и без того ослепительную белизну. Темные дымчатые очки, плотно прилегающие к глазам, было опасно снимать. Всем был памятен недавний случай с немецким альпинистом Кольхауптом, едва не лишившимся зрения. Он время от времени

Вид Дарвазского хребта.

снял очки на освещенном солнцем льду и ослеп на две недели.

Стало жарко. Из лагеря мы вышли в полушубках. Сейчас их пришлось снять.

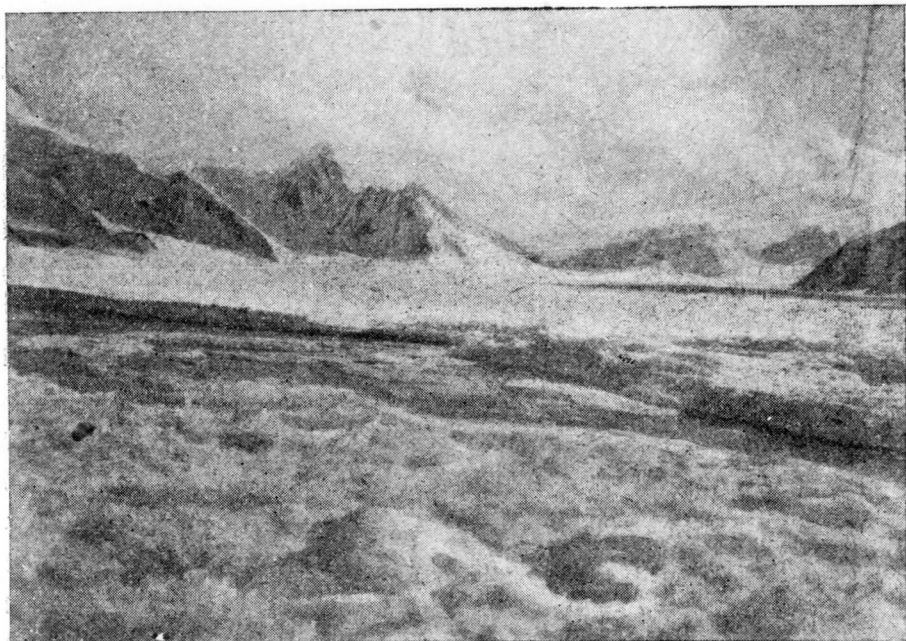
Было двенадцать часов, когда мы снова пустились в путь. Перед нами широко раскинулись по всему горизонту горные хребты, кольцом окружающие ледник Федченко. Вон, далеко, далеко на запад высится неприступный великан пик Гармо. Как бы прячась всем своим массивом за отвесные глыбы соседних гор, он открывает любопытным взорам путешественников лишь свою гордую голову. Налево, против него, на север, с поразительной симметрией расположены две снежные пирамиды, образуя ущелье, уходящее куда-то глубоко вдаль. Первая пирамида этого ущелья сливается со всей цепью гор, тянущихся несчетными полчищами с запада на северо-восток. Точно на фантастическом изображении кораллового рифа в океане, у подножья вдоль всей горной цепи тянется и вьется, уходя в бесконечность, боковая каменная морена. К ней-то и ведет наш путь.

С каждым часом становится все жарче и жарче. Солнечные лучи, легко проникая сквозь разреженный воздух на высоте 4230 метров над уровнем моря, разъедают снежные плато, образуя в нем рваные дыры—ямы ледяной воды. И чем ближе мы к морене, тем мягче и рыхлее становится снег, затрудняя движение, и наши ноги все чаще проваливаются.

Но вот мы уже на морене. Снова привал, но панорама уже иная. Впереди ясно обрисовывается скрещение трех могучих ледников: одного, идущего с юго-запада на северо-восток, другого с северо-востока на запад и третьего, по которому мы двигаемся,—с юга на север.

Приблизительно к пяти часам мы прибыли к месту скрещения ледников. Здесь мы наскоро исправили уже ранее поставленную нашей разведкой каменную пирамиду.

Она должна была служить сигнальным знаком на пути движения экспедиции. Банка, оставленная в ней с запиской наших разведчиков, была цела и невредима. Это указывало на то, что немецкие разведчики—Винн и Борхерс, для которых предназначалась эта записка, здесь не проходили. Невольно усиливалась тревога за них, страх, не погибли ли они в ледяных непроходимых дебрях. Од-

Верховья ледника Федченко у нижней границы Фирновой области.

нако, делать было нечего. Мы, не теряя времени, продолжали путь к перевалу.

Пришлось резко изменить направление. Мы шли теперь по удивительно ровному и красивому леднику, спускавшемуся с юго-запада на северо-восток. Этот новый ледник, открывавший подступ к перевалу, был назван впоследствии по имени тов. Розмирович.

Стало совсем темно, а мы все еще поднимались по леднику, осторожно ощупывая айспикелем (ледорубом) до-

рогу, обходя едва прикрытые снегом бесконечные трещины, то и дело помогая друг другу переправляться через них. Чувствовалась уже значительная усталость. Наконец, к нашей большой радости, мы разглядели едва заметную у склона горы зеленую палатку. Нас радостно встретил красноармеец Нагуманов, оставленный здесь разведкой три дня тому назад. Бедняга с утра уже сидел без продуктов и с нетерпением поджидал нас. Сегодня в первый день пути мы прошли по льду 25 километров. Завтра идем на перевал. Палатки быстро расставлены. Четвертый высокогорный лагерь спит.

ОТКРЫТИЕ ПЕРЕВАЛА КАШАЛЬ-АЯК

Как только мы вышли из лагеря, сразу же начался крутой снежный подъем. Мы были бодры, веселы, и довольно легко в течение часа прошли около 150 метров.

Кое-где попадались еще не занесенные снегом следы наших первых разведчиков. Частые трещины, едва прикрытые снегом, заставили нас связаться веревкой, после чего мы еще увереннее двинулись по снежному полю. Еще один подъем—и вдали вырисовался контур снежного хребта, а на нем две отчетливые выемки. Одна из них и есть перевал.

Которая же?

— Правая,—отвечает идущий впереди Н. В. Крыленко.

Это та самая часть хребта, от которой начинается спуск в долину, окруженную неведомыми ущельями, населенными таинственным «диким племенем», о котором рассказывают легенды и возвещают ученые книжки.

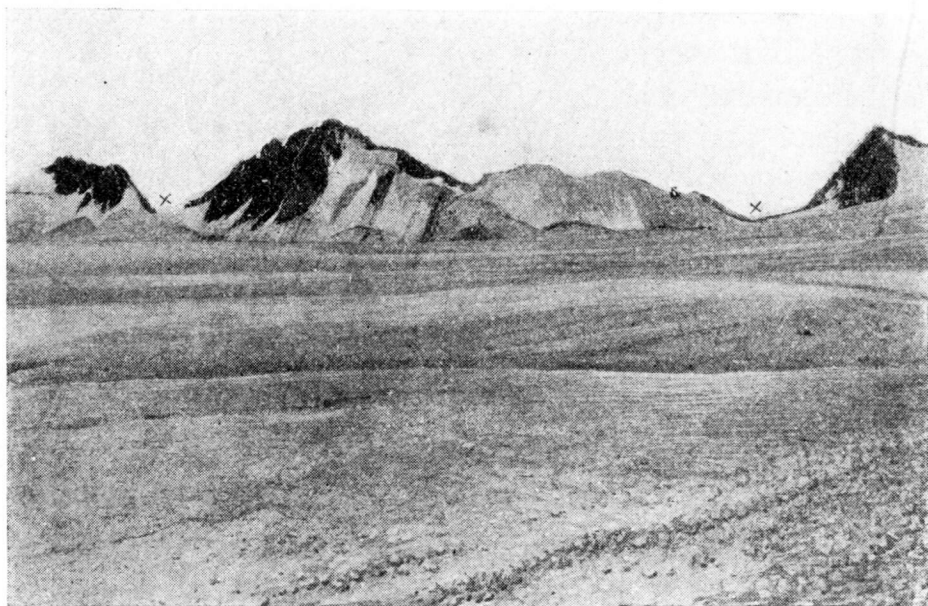
«Вот, интересно, что это за народ там такой?»—чуть ли не в десятый раз подумал я.

С еще большей энергией двинулись мы вперед: перед нами был последний, самый крутой подъем.

— Стой, не так быстро,—сдерживала нас Елена Федоровна.

— Стой, стой, Николай Васильевич,—одергивали мы в свою очередь нашего ретивого жожака Крыленко.

Вот и последняя снежная стена. Ноги по колено погружаются в мягкий снег. Гуськом, крепко связанные ве-

Верховье ледника Елены Розмирович с перевалами в сторону реки Ванч.

ревкой, карабкаемся мы вверх. Стало заметно труднее дышать. Высота—4710 метров.

— Ефим Михайлович, не тяните веревку, невозможно итти,—кричит сзади Дорофеев.

— Ну, что же мне делать! Николай Васильевич тянет вперед, вы назад, а я вынужден эквилибристикой заниматься посредине...

— Николай Васильевич, стой, стой,—кричу я.

— Да что вы там? Еще десять шагов и перевал...

13 час. 15 мин. Мы на перевале. Высота—4800 метров.

ИЩЕМ СПУСК

— Скорей вниз.

— Ох, какой крутой спуск! Этак, чорт возьми, свалишься и в трещину угодишь, а там, пожалуй, не сладко.

— Не свалишься, снег-то на что—задержит.

— Что вы спускаться не умеете, что ли? Носки вверх, на каблуках съедем—одно удовольствие. Бегом,—гнал Николай Васильевич.

— Подожди, дай посмотреть на панораму.

— Иван Георгиевич, где же долина?

— Ишь чего захотел! Рано долину-то высматривать,—говорил Дорофеев.—Вот спустимся с этой горки, возьмем направо по снежному полю, до той вершины, а оттуда и долина видна и кусочек реки.

— Неужели мы сегодня попадем в долину?—спросила Елена Федоровна.

— А как же? В час начнем спускаться, к вечеру доберемся. В худшем случае завтра утром будем в долине.

Дальше читатель увидит, как все, о чем только что говорилось, оказалось на деле не так уже просто. Несмотря на то, что и кошки на ногах держатся, и снег надежный,—спуск с перевала, примерно метров 140—150 занял у нас два часа с лишним. Правда, наши красноармейцы так осмелели, что когда один из них случайно скатился, пролетев метров восемьдесят, удачно врезавшись в мягкий снег, двое других подостлали под себя полушубки, уселись на них и съехали, как на санях, с горы к своему товарищу. Жаль, мы спускались по правой стороне скалы и не видели этих фортелей. Мы бы, пожалуй, последовали их примеру, хотя и не без риска свернуть себе шею или вывихнуть какой-нибудь сустав в конечностях...

Почему-то спуск этот казался нам вечностью. Опять снежное поле. Скорей, скорей вниз! Осталось до темно-

ты каких-нибудь два-три часа. Перспектива ночевки здесь, на этих высотах, нам не очень улыбалась. Вот мы уже миновали то место, откуда наши разведчики видели долину, однако нам ее так и не удалось разглядеть. Облака спустились низко и покрыли вершушки ближайших гор. К тому же стало заметно темнеть.

Вдруг перед нами открылся еще более отвесный и крутой скат.

Четыре часа. Неужели нельзя спуститься? Куда ни глянь, всюду отвес. Не может быть, спуск должен быть. Надо послать разведчиков. Гедин и Гизятов вызвались итти на разведку. Таджики остаются с нами. Мы ждем результатов разведки. Проходит томительных полчаса—час. Разведчиков нет.

Пять часов вечера. Темнеет.

— Товарищи, приходится пойти в обход.

— Но куда итти?

Решено подняться несколько наверх, а затем взять вправо и по менее крутой скале спускаться. Скорей! Скорей!

Пять с половиной часов.

Опять то же препятствие. Разведчики не дают о себе знать. Повидимому ушли далеко вниз. Настроение немного упало. Прошло еще час сорок минут, а мы все блуждали по вершущке отвесных ледяных гор. Наконец, выбившись из сил, решили остановиться на ночевку.

ТРАХ-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш

Наши разведчики как в воду канули. Как и где они ночевать будут? С ними нет даже палатки! Уже не говоря о том, что нет продовольствия. Наскоро, кое-как вбив в снег колья и укрепив палатку на одном из ледяных уступов, мы вчетвером забрались в нее. Холодище отчаянный. Ноги и руки заоченели. Кругом мрачная, жуткая

неизвестность. Положение трудное. Что-то будет дальше?

Только кое-как согрелись, как вдруг где-то близко, близко послышалось—трах-ш-ш-ш-ш. Что это? С вершин гор катятся снежные обвалы. Наша палатка стояла шагах в трех от крутого обрыва. Прошло минут пятнадцать, как послышалось снова—трах-ш-ш трах-ш-ш-ш-ш уже совсем близко.

— Товарищи, а ведь мы, пожалуй, тоже тарарахнемся,—высказал кто-то из нас не совсем приятное предположение.—Ведь того гляди, подтает это все под нами и того...

— Пожалуй, в самом деле стоит посмотреть,—решил Дорофеев, вылезая из палатки.

От ветра кое-как скрылись, а об обвалах не подумали.

Долго мы еще слышали отдаленный гул летящих откуда-то сверху горных лавин. Долго не могли заснуть, удрученные сегодняшней неудачей. А рядом мерзли наши таджики-носильщики в рваных ютрепьях, в ботинках на босу ногу. Им было еще труднее. Как кролики забились они в палатку, тесно прижавшись друг к другу, усталые и не менее нас удрученные. Не жалуются, молчат. У них тихо. Наверное, думают,—зачем понадобилось этим странным людям ни с того ни с сего приехать за тысячи километров и лезть в эту чертовщину с постоянным риском погибнуть? Можно прожить всю жизнь в долинах около этих снежных гор и ни разу не подумать о том, чтобы взобраться сюда. Только два рубля пятьдесят копеек сугочных сдвинули с места этих мирных горных жителей, и они дорого, повидимому, платятся за свою смелость.

Так размышлял я, лежа в палатке, пока на меня всей тяжестью не навалился Дорофеев.

— Иван Георгиевич, полегче, не наваливайся так.

— А ты не ворочайся, как веретено,—огрызнулся он. И смех и грех.

ЧТО ВПЕРЕДИ?

После небольшой ориентировочной разведки Дорофеева и Крыленко, тщательно осмотревших окружавшие нас места, мы стали спускаться по леднику. Сначала шла сравнительно легкая часть пути.

Бодрые и полные энергии, любовались мы окружающей природой. Глубокая вера в то, что мы выйдем победителями из этого опасного путешествия, ни на минуту не покидала нас. Ничто не страшило, ничто не повергало в уныние. Мы должны выполнить возложенную на нас задачу, чего бы нам это ни стоило. Неведомо куда исчезли из наших рядов четыре человека. Два немца—разведчика северной группы—и наших два красноармейца, спустившиеся вчера вечером по отвесной скале. Вот уже двадцать часов прошло, а мы о них все еще ничего не знаем.

И все-таки настроение нашей группы бодрое. Третий день идем—и хоть бы что. Ноги передвигаются как-то автоматически, не чувствуя утомления или, вернее, не поддаваясь ему. Прекрасно действует наш неразлучный спутник ледоруб, то и дело ощупывая ледник и предупреждая об опасности. На спине походный мешок, весом килограммов 10—12, а его и не чувствуешь.

Но вот новое препятствие, которое никак уже нельзя обойти. Впереди отвесный спуск, по бокам непроходимые трещины.

— Туже веревку, проверьте узлы. Эй, Курбан, инжа бия зут¹, веревку привяжи,—кричал Дорофеев идущему позади носильщику.—Без веревки ни с места, итти за нами.

Николай Васильевич шел первым в нашей группе и должен был рубить ступеньки и прокладывать путь. То же должны были делать мы.

---

¹ Иди скорее сюда.

— Только, пожалуйста, спокойно и медленно,—предупреждал Дорофеев.

В этих условиях ледоруб для альпиниста совершенно незаменимое орудие. Но с любым инструментом необходимо уметь обращаться. Бывают моменты, когда при рубке кажется—вот-вот потеряешь равновесие и свалишься. Мы шли, цепляясь за ледяную стену как кошки. Самообладание, терпение и упорство сделали свое. Мы благополучно миновали и это препятствие.

Снова небольшое снежное ровное поле, где можно передохнуть и оглядеться.

И вдруг,—ура! Далеко, далеко внизу из ледяного ущелья поползла черная змейка-морена, перерезая поперек наш путь.

— Неужели камни? Вот здорово! Значит скоро кончатся мучения спуска по льду. Скоро долина, может быть, именно та, которую мы ищем.

А тут еще юдна радость. К нам движется, цепляясь за скалы, едва заметной маленькой точкой, один из пропавших разведчиков-красноармейцев. Он во-время увидел нас. Вскоре мы встретились. Но радость наша стала еще больше, когда мы узнали, каким злоключениям подверглись наши спутники и как счастливо они отделались. Оказалось, что при спуске с горы один из них свалился. Если бы ему не удалось, летя стремглав сверху вниз, случайно зацепиться за ледяную глыбу, он наверное свернул бы себе шею. Оставшись без палаток и теплых вещей, они чуть-чуть не замерзли ночью на камнях морены. Спаслись только потому, что не было сильного ветра. Почти всю ночь прыгали и били друг друга по спинам.

— Чуть-чуть—не считается. Мы тоже чуть-чуть со своей палаткой не угодили в тартарары,—перебил рассказчика Дорофеев.

— Ты лучше скажи, что впереди, что вы нашли, где

были? Видать что-нибудь или нет? Реку-то видно? Трава есть? Куда поворачивает ущелье?

— Товарищ Дорофеев,—как-то виновато сказал Гедин,—знаешь, прямо ничего не видать. Камни и камни, только и всего. Если итти направо, будет—вниз, а налево—вверх. Вот и все.

— Но спуск-то есть? Реку, долину видели?—спросил в свою очередь Николай Васильевич.

— Какая там река или долина! Я сказал—камни и камни. Прямо на ущелье идут, упираются в него.

— Товарищи, а может быть вы спутали? Может быть не река это была?—осторожно спросила Елена Федоровна.—Как бы нам не пришлось возвращаться...

— Вздор, ясно видели с перевала во время первой разведки реку,—сердито оборвал Николай Васильевич.

Мы опять идем уже вместе с красноармейцем в качестве сомнительных проводников. Вот мы на морене поперечного ледника, уходящей далеко вниз и, действительно, упирающейся в ущелье. Куда итти, направо или налево? Что это за ледник? На карте ничего нет. А между тем, тут какой-то новый большой ледник. Решили итти налево. Куда именно—потом выяснится.

— Посмотрите назад, вверх—какая красота! Вот так махинку отхватили. Трудно будет, если назад этим путем придется итти.

Решили пообедать и двинуться дальше. Обед описывать не стану. Лепешек уже почти нет, осталась одна коробка кнакеброт, немного галет, несколько банок консервов, сыр и немного холодной жирной баранины. Сахара—кот наплакал, раза на три. Одна надежда на немецкий шоколад. Продовольствия нам отпустили для путешествия немного.

— Ну, товарищи, подкрепиться-то все-таки надо как следует. Наверное сегодня последний день наших мы-

тарств, завтра будем в долине, а там—кишлак, свежая баранина, лепешки.

— А если в кишлаках «дикое племя»?—спросил я.

— Какой там чорт—«дикое племя!»—вставил Николай Васильевич.

Закусили без горячего, но закусили хорошо, и запили

Спуск с перевала ледника Розмирович в долину реки Ванч.

тем же памирским чаем. Поставили пирамиду. В банку от консервов вложили записку следующего содержания:

«Пирамида № 3 поставлена при движении экспедиции через главный хребет от долины реки Танымасс к долине реки Язгулем 25 августа 1928 года. Члены экспедиции: Розмирович, Крыленко, Россельс, Дорофеев.

Пирамиды эти служили единственным средством связи с остальными членами экспедиции, разбросанными в этом хаосе ледников и гор. В дальнейшем читатель увидит,

какую важную роль они играли в движении нашей экспедиции.

Пока Дорофеев «бусолил» (работа бусолью по установлению направления гор) и делал топографическую съемку нового ледника, мы тронулись в путь. Я и товарищ Розмирович по левой морене, Николай Васильевич—по правой, таджики и красноармейцы потянулись за нами. Так шли четыре часа. Было уже довольно темно, когда товарищ Розмирович, носильщики и красноармейцы расположились на первом маленьком клочке земли, покрытом сухим кустарником и травой, против ущелья. Николай Васильевич и Дорофеев еще не пришли. Видимо, они, идя по правой части ледника, решили обследовать ущелье. Так впоследствии и оказалось. Нам же они дали распоряжение найти место для ночевки. Мы решили остановиться именно здесь.

Несмотря на усталость—бывает же иногда так—Елене Федоровне вдруг захотелось добыть цветов,—какие-то неведомые красивые красные цветы, которые она увидела на склоне горы.

— Давайте, достанем их,—предложила она мне.

— По правде сказать, не хочется мне лезть туда. Давайте, отложим до завтра.

— Нет, сегодня,—не соглашалась Елена Федоровна.

— Считаю, что сегодня это не нужно, это каприз.

— Ну, и пусть! Впрочем, я вас совсем не прошу. Я и без вас достану.

Полезла и достала. Довольная, с букетом цветов, спустилась вниз.

— Вот,—подумал я,—женщина! Несмотря на усталость двенадцатичасового перехода, не могла удержаться, чтобы не полезть за цветами в гору.

Наши красноармейцы расставили палатки и, собрав немного сухой травы и кустарника, вскипятили воду. Все мы были голодны до чертиков. Поели и легли спать.

НЕТ ПРОДУКТОВ

Утро было полно хлопот. Часть носильщиков объявила голодовку. Обнаружилось это следующим образом.

— Товарищ Нагуманов, передайте таджикам коробку с мясными консервами и немного галет,—распорядился утром Дорофеев.

Через несколько минут Нагуманов вернулся обратно, неся в руках коробку с консервами.

— Таджики отказываются есть консервы и просят хлеба и сахара,—сообщил он.—Они боятся, что в консервах есть свинина, и, несмотря на голод, уговоры и чуть ли не на клятвенные уверения, что там никакой свинины нет, ни за что не согласились принять коробку с консервами.

Это была серьезная угроза. Хлеба и сахара у нас нет, а остальное таджики тоже есть отказываются. Что же делать? Как быть? Впереди полная неизвестность, позади только что пройденные ледяные выси и вечные снега, грандиозной баррикадой отделявшие нас от источника нашего благополучия, от нашей снабженческой части.

Что будет, то будет.

Отправим двух таджиков обратно, дадим им на дорогу последние лепешки, вместо сахара банку немецкого варенья, которым так мечтали при случае полакомиться, палатку и спальный мешок. Этим самым мы разгрузим себя от лишних двух ртов, правда одновременно разгружая и от совершенно необходимых нам теплых вещей.

Вопрос еще—пойдут ли? Предприятие опасное. Решили повести переговоры с таджиками. Однако таджики не только не отказались от нашего предложения, наоборот, с радостью приняли его, и двое из четырех решили отправиться назад. «Только давай лепешки и сахар»—единственное требование, которое они выставляли нам. Снабдили мы их чем могли, отдали почти последнее, и, написав записку Отто Юльевичу Шмидту, поблагодарили наших

носильщиков и дружески распростились с ними. Долго смотрели мы, как они, быстро-быстро семеня ногами, взбирались вверх по камням того самого пути, по которому только вчера пришли сюда. Скоро они скрылись за холмами.

ОГОНЬ, ОГОНЬ!

Наши неутомимые разведчики, Крыленко и Дорофеев, решили сегодня еще раз пройти вглубь лежащего напротив ущелья. Вчера было темно, и они не могли точно определить, куда ведет это ущелье, а, кроме того, Дорофеев должен был проделать необходимые топографические работы этой местности.

Солнце высоко стояло над головой, было уже за полдень, когда они вернулись, и мы всей группой двинулись снова вперед. До поздней ночи шли мы по большому бугристому леднику, покрытому сверху камнями. Тяжелый и неприятный был этот путь. Приходилось то перепрыгивать с камня на камень, то погружаться в мягкий рыхлый песок, то брести по щебню, то снова сходить на лед. Многочисленные ущелья расходились в разные стороны от ледника. Перед нами был новый и интересный географический материал. Тов. Дорофеев упорно и жадно поглощал его.

Незаметно прошел и этот день. Снова наступила ночь. Выползла луна. Казалось, она издевалась над нами: что, голубчики, засыпались? Шутить вздумали с горными стихиями?

Наконец мы добрались до конца ущелья и разбили лагерь. Нашли топливо и разожгли костер.

«А ведь как себя ни настраивай—дело дрянь. Завтра шестой день пути. Продовольствия осталось—три банки консервов, ландрин и мелкая труха от галетов в мешке. Перспектив никаких».—Так размышляли мы, греясь у костра.

Но не прошло и четверти часа, как красноармеец Гизятов неистово закричал:

— Товарищи, огонь, огонь! Вон видите, далеко-далеко, с правой стороны, вверху, на горе? Показался и сейчас же опять потух.

— Огонь, огонь, кишлак,—радостно вопили таджики.

— Ну, что вы, где, где?—тщетно пытались мы разглядеть.

Не поверили мы красноармейцу, а так хотелось верить. Иногда нам, действительно, казалось, что мы совершенно отчетливо видим на правом склоне горы едва мерцающий огонек. Пошли догадки о том, что это—костер ли пастухов, кишлак ли или еще что-нибудь? Настроение поднялось. Если огонь, значит—люди. Может быть и впрямь какие-нибудь первобытные чудовища. Но раз огонь— значит умеют его извлекать, то-есть уже не совсем звероподобны. Чепуха! Все равно какие, только бы люди.

— Ну, товарищи, сегодня на обед или (как его там назвать по времени), пожалуй, скорее ужин,—«памирский чай» с ландринном и одна коробка мясных консервов. Это на семь человек. А Елене Федоровне, как женщине, небольшое преимущество. В кружку супа немного хлебных крошек и трухи из под галет.

— Не желаю,—заявила Елена Федоровна.—Сыпьте в общий котел на всех. Какие еще преимущества! Я такой же член экспедиции, как и все. Пожалуйста, без преимуществ.

— Елена Федоровна, зря вы это,—убеждал Дорофеев.— Всем все равно не хватит.

— Я не согласна. Слышите? Не согласна.

— Елена Федоровна, правда же это нелепо. Истощите силы, заболете,—а дальше уже сами делайте соответствующие выводы.

— Я не согласна,—снова заявила товарищ Розмирович.

— Товарищи,—предложил Николай Васильевич,—давайте голоснем, как быть.

Пришлось голосовать.

«Заслушав предложение товарища Дорофеева, а дополнительно к нему прокурора республики Н. В. Крыленкс, а также врача-эксперта Е. М. Россельса, постановили:

- 1) Елене Федоровне подчиниться общему решению.
- 2) Всыпать ей в кружку с супом две ложки хлебных крошек.
- 3) Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

За неподчинение на первый раз ограничиться выговором без предупреждения».

Под дружный смех приговор был немедленно приведен в исполнение.

После супа стало еще веселее. У костра было тепло и уютно, и каждый из нас лелеял надежду, что завтра мы выберемся из состояния неопределенности. Гизятов пожалуй, окажется, прав, и тогда, значит, люди совсем близко от нас.

Следующее утро принесло нам много радостных сюрпризов. В нескольких километрах от нашей ночевки ледник резко обрывался, а дальше по широкой равнине разбросалась бурная полноводная река, река долгожданная, желанная река. Значит, не ошиблись, идем правильно. Открытый перевал, действительно, приведет нас в долину вышеназванных рек.

Только что же это за река? Ванч ли это или Язгулем? Карта давала самые сбивчивые указания. По ней ничего нельзя было понять.

ЖУТКИЕ ЧАСЫ

Товарищ Дорофеев направился для дополнительного обследования в соседнее левое ущелье. Товарищ Крыленко с красноармейцами ставил очередную пирамиду. Насколько я помню, Николай Васильевич в записке, составленной для этой пирамиды, определил это место, как долину реки Язгулем.

Я, товарищ Розмирович и два таджика пошли вперед, спустившись по правой части ледника, достигли русла реки и, обходя ее извилистые рукава, стали быстро пробираться вперед. На левом берегу реки стлалась пышным зеленым ковром степь. Правый скалистый берег высоко поднимался над руслом реки и тянулся к вершинам вздымавшегося над ним горного хребта. Мы шли по правому берегу, пока он не привел нас к тупику, где слева и справа бурным черным потоком сливалось два разветвления реки. Мы очутились как бы на полуострове. Здесь нас догнали товарищи.

Ясно было, что надо переправиться на левый плоский берег. Но как это сделать? Для этого нужно было перейти, по крайней мере, три или четыре довольно широких и бурных рукава реки.

Я уже неоднократно описывал горные реки, но вынужден еще раз остановить внимание читателя на этом предмете. Переправы через эти реки, благодаря сильному течению и каменистому дну, считаются очень опасными. Мы, жители центральной полосы нашей Республики, не имеем представления о трудностях подобного рода переправ. Да и не только мы. Представления о них не имели и наши немецкие товарищи, которые, как потом оказалось, сильно пострадали от переправы через ту самую реку, на берегу которой мы находились. Только в горах, среди льдов и снегов, в упор сталкиваешься с трудностями подобных переправ и только здесь начинаешь чувствовать, как необходима особая тренировка для того, чтобы справиться с трудностями. Нужны особые приемы и навыки, чтобы справиться с бешеным течением реки, увлекающим груды камней и сбивающим с ног смельчака, неосторожно пускающегося вброд.

Прежде всего надо помнить, что есть определенное время, определенные часы дня, когда горная река становится менее опасной. Надо ловить это время. Утром — от пяти до девяти часов, когда солнце еще не успело рас-

топить ледник, с которого стекают многочисленные ручейки, можно относительно спокойно переходить вброд горную реку, хотя далеко не всегда и не всякую реку. Вот это-то важное правило мы упустили из виду и сделали поэтому нашу первую ошибку. Мы приступили к переправе в одиннадцать часов утра, когда вода стояла уже достаточно высоко.

Началась переправа. Наши красноармейцы, несмотря на ледяную воду, быстро сбросили стеснявшую их одежду, и сравнительно легко перешли вброд первое боковое русло реки.

Пошли и мы.

— Готовьтесь!—по обыкновению командовал Дорофеев.

— Нагуманов, держи веревку,—кричал он красноармейцу, перебрасывая на противоположный берег кусок альпийской веревки.

— Как же будем переправляться, неужели в одежде, как есть?—спросил я, уже приготовившись раздеться.

— Да ты с ума сошел? Тебе камнями вдребезги ноги разобьет.

— Какие пустяки, тут тихо. Ведь потом хуже будет: мокрым итти придется.

— Ну, будет скандалить. Лезь в одежде. Скажи, пожалуйста, мокрого платья боится,—сказал Николай Васильевич.

Первый рукав прошли благополучно. И очутились на противоположном берегу или, вернее, на узеньком каменном островке. Наши разведчики-красноармейцы с несколько большим трудом, чем раньше, уже почти по грудь в воде, осилили и второй рукав. За ними тотчас же пошли и мы, оставался последний рукав.

— Ну, все в порядке,—самодовольно заметил Дорофеев.

— Идем через третье русло,—скомандовал он красноармейцам-разведчикам. Ждать нельзя, вода прибывает каждую минуту. Быстрее на берег.

— Ох, тут глубоко и здорово несет,—подумали мы, видя, как товарищ Гизятов погрузился по грудь почти у самого берега и, напрягая все силы, стал бороться с течением.

— Гизятов, назад, здесь глубоко. Идем искать другое место!

Однако и в другом месте дело обстояло не лучше. Нагуманов пробовал переправиться налево от нас, вверх по течению. Здоровый рослый парень едва устоял под напором воды. Сделав несколько попыток, разведчики принуждены были сдаться. Попытались мы еще в двух-трех местах. Всюду та же история. Брода нет, пройти нельзя. Не хотелось Дорофееву сдаваться. Не выдержал. Полез сам в воду. Но через несколько минут, с трудом устояв на ногах, пошатываясь из стороны в сторону и цепляясь за веревку, принужден был вернуться.

— Скверное дело, товарищи, заявил он.—Ведь мы не пройдем это русло.

Провозившись еще некоторое время, бегая по узенькому островку в поисках брода, решили возвращаться. Досадно было. Ведь позади оставались уже два пройденных рукава. Впереди был только один рукав. Цель была так близка, так привлекательна после долгих скитаний среди льдов и камней, манила покоем зеленая трава, покрывавшая левый берег.

А вода все больше и больше прибывала. Островок, на котором мы находились, стал совсем маленьким. Становилось опасно. Надвигалась угроза быть отрезанными и от покинутого нами берега.

— Товарищи, ничего сегодня не поделаешь. Поздно, надо торопиться. Немедленно назад!—горячился Иван Георгиевич.

С горечью приготовились мы идти обратно. Но каково же было наше изумление и тревога, когда мы увидели, что только что пройденное нами второе русло стало неузнаваемым, столько было в нем воды, настолько усилилось

его течение. Первыми, схватив друг друга за плечи, перешли наши таджики. Мне показалось, что это им далось очень легко. А между тем, холод мокрой одежды уже давал себя чувствовать. Я решил последовать их примеру и как можно скорее переправиться на другой берег.

— Доктор, назад,—закричали мне товарищи,—без веревки нельзя.

— Пустяки! Видите, таджики уже перешли,—возразил я, продолжая медленно двигаться.

— Назад, говорят тебе!—кричал Николай Васильевич.— Что за беспорядок!

Я стал чувствовать довольно сильный напор воды и с некоторой досадой должен был вернуться назад. Лишь через несколько минут, когда на берег была переброшена веревка, я вторично пустился в путь. Вначале шел очень смело, оказывая энергичное сопротивление напору бешено стремящегося вниз горного потока. Но вот набежавшая волна с силой ударила меня в бок, другая, еще сильнее, свалила с ног. Ноги потеряли почву, из рук вырван айспикель, еще мгновение,—меня накрыло водой и понесло. Понесло с головокружительной быстротой... Этот момент я ярко помню. Помню, как мою грудь сдавила туго натянутая веревка, как я, напрягая последние силы в борьбе с бушующей стихией, старался освободиться от сжимающей грудь веревки. Еще несколько минут, и я почувствовал, что силы меня покидают. Я начал терять сознание. Наконец удар брошенного волною камня решил дело. Я окончательно потерял сознание... Что было дальше—не помню. Я очнулся и увидел, что ко мне подбегает Елена Федоровна со словами:

— Ничего, ничего, Ефим Михайлович, не волнуйтесь. Вы не ушиблись? Вы уже на берегу и вне опасности.

Оказалось, меня все же удалось вытащить на веревке на берег. Подбежали и остальные. Я начинал приходить в себя.

— Ничего,—успокаивал я в свою очередь товарищей.— Я чувствую себя хорошо. Поймать бы ледоруб. Он уплыл, кажется. Его не поймали?

— Вот еще о чем думает! Бока-то у тебя целы, чортова кукла?—говорил Николай Васильевич.

— Ну-ка, поднимайся,—командовал Дорофеев, стараясь заставить меня встать на ноги.

— Подождите тормошить его, ему холодно, он весь мокрый. Возьмите мою тужурку,—остановила Елена Федоровна.

— Да нет, не стоит. Голова только кружится,—бодрился я,—давайте скорее переправляться.

— Живо, товарищи, живо! Вода прибывает с каждой минутой. Нам не удастся переправиться. Смотрите, скоро наш остров весь zalьется.

Действительно, уровень воды неумолимо рос с минуты на минуту. Положение становилось все более критическим. Через несколько минут я очутился снова в воде. Меня крепко держали с двух сторон красноармейцы. Вот переправляются Елена Федоровна и Дорофеев. Крепко обхватив руками друг друга, с неимоверными усилиями, борются они с набрасывающимися на них волнами. Вдруг Дорофеев покачнулся, а вместе с ним и товарищ Розмирович. «Начинается»,—подумал я, стоя уже на берегу второго русла. Окаменев от всего происходящего, я стоял и не двигался.

Дорофеев, напрягши последние силы, удержался. Через несколько минут они оба с большими усилиями выбрались на берег. Очередь была за Николаем Васильевичем. Как-то он пройдет? Вода еще грознее ревет и мечет. Вот с зловещим шумом волны покатали большой круглый камень. Где-то внизу, на дне реки, слышится продолжительный гул, удары камней создают впечатление отдаленных раскатов грома. Гул то усиливается, то затихает, усиливая мрачную картину переправы. Мы видим,

как товарищ Крыленко плотнее натягивает свою альпийскую шляпу, быстро поправляет за плечами ремни полного мешка и, взявшись одной рукой за веревку, а другой держа какие-то вещи и ледоруб, идет вперед. Мы напряженно следим, натягивая конец веревки. Гизятов стоит позади и изо всех сил тянет к себе другой конец. Осторожно ощупывая ледорубом дно, Николай Васильевич погружается все глубже и глубже в воду. Едва пройдя пять шагов, юстанавливается, видимо, задумав передохнуть. Но отдохнуть не удалось. Не прошло и минуты, как сильный напор воды сбил его с ног, и он исчез.

— Гизятов, скорей, скорей! Держи веревку!—кричали мы, крепко натягивая свой конец.

Вот на мгновение показалась голова и снова исчезла. Вода снова покрыла его. Мелькнула рука. Бурный поток, увлекает шляпу, айспикель и вещи.

— Скорей, скорей, тяните сильнее! Он не справится,— кричала Елена Федоровна, порываясь все время броситься в воду.

— Нет, его сейчас выбросит на берег,—твердил я, крепко держа Елену Федоровну за руки.

Гизятов, натягивая веревку, быстро двинулся к Николаю Васильевичу. Ловко преодолевая трудности, он приблизился к месту катастрофы.

— Поймал, поймал!—радостно закричали мы.—Держи, держи крепче!

На подмогу бросились два красноармейца. Наконец Николай Васильевич со своими спасителями на берегу. Без шляпы, без ледоруба, без вещей, которые он держал в руках, синий, с искаженным от злости лицом оттого, что природа на этот раз оказалась сильнее, он стоял перед нами. Через несколько минут мы, уже вчетвером,— к Николаю Васильевичу и двум красноармейцам присоединился и я—снова пытаемся перейти второе русло. На этот раз с большими усилиями русло пройдено. Теперь

скорее через последнее. И мы все переправились через него благополучно.

Я никогда не забуду этой переправы. Плохо, конечно, тонуть самому, но еще ужаснее видеть, как тонет кто-нибудь из товарищей. Ужасна беспомощность, ужасно положение свидетеля, которому приходится бессильно смотреть, как на глазах гибнет другой. Это ощущение в сотни тысяч раз тяжелее и ужаснее, чем угроза собственной жизни. День 27 августа будет памятен нам до конца наших дней!

Первые минуты на берегу прошли в приятной суете. Мы сбрасывали мокрое платье, белье, обувь и заботливо делились друг с другом уцелевшей сухой одеждой. Всех нас охватило удивительно приятное чувство освобождения от опасности. Появилась какая-то необычайная легкость и покой при сознании, что мы вне опасности, что можно надеть на себя сухую одежду и растянуться на горячем песке, ни о чем не думая. Не хотелось думать. Однако это сладостное состояние продолжалось недолго. Откуда-то толчками надвигалась мысль, что задача переправы осталась неразрешенной, что все же надо искать выход из тупика, в который мы попали. Решили, однако, в этот день больше никуда не двигаться, а подождать утра следующего дня, и рано-рано, чуть свет, попытаться переправиться еще раз.

СЛЕДЫ ТИГРА

Палатки разбили тут же на берегу. Предстояло доесть последнюю банку с консервами и положиться на волю судеб.

«Вот уж, действительно, к чорту на рога»,—вспомнил я фразу, брошенную Николаем Васильевичем на вокзале в Москве.

Жаркое солнце, как бы в награду нам, не пожалело на

этот раз своих горячих лучей и в течение двух-трех часов, оставшихся до вечера, мы обсохли и согрелись.

А вечером разожгли большой костер из сухого кустарника и занесенного водой дерева.

Вечер был теплый. Из-за гор взошла луна. Отчетливо вырисовывались черные контуры окружающих гор. Мы были значительно ниже, чем накануне. Чувствовалась близость южной растительности. Мы долго сидели у палатки, доедая жалкие остатки нашего продовольствия, и наслаждались красотами исключительно своеобразной местности. Чувство покоя не покидало нас, несмотря на полную неизвестность.

— А где же наш вчерашний огонек? Если это был действительно югень, а не обман зрения, то он должен снова появиться. Ведь мы прошли довольно значительное расстояние.

Мы крепко таили надежду, что близко жилье, близко люди. Надежда нас не обманула. Трудно передать охватившее нас чувство, когда через два или три часа мы отчетливо увидели на расстоянии 12—15 километров от нас долгожданный огонь на том же самом месте, где видел его вчера тов. Гизятов.

И так, заснули мы в тот вечер утомленные и голодные под бурный, злой рев и рокот адской реки. Утром рано, как и предполагали, поднялись на ноги и снова пытались переправиться через реку, отделявшую нас от намеченной цели.

Много раз наши разведчики спускались в воду и каждый раз возвращались с одним и тем же ответом: «пройти реку нельзя». Воды было значительно меньше, чем вчера, но все же река не стала проходимой. Покружив довольно долго на берегу, мы решили вернуться километров на семь назад к подножию ледника, который покинули накануне, и там искать новый путь на скалистом, правом берегу реки. Это был последний и единственный выход.

— Не может же быть, чтобы мы не выбрались из этого дьявольского заколдованного места!

— Вздор, выход должен быть найден, нужно начать поход от ледника.

Пройдя несколько километров, стали взбираться на отвесную стену морены справа от нас. Пройдя некоторое расстояние по морене, мы заметили, что она спускается причудливым мостиком, покрытым щебнем и серым песком, к свободному пространству, по которому можно беспрепятственно продвигаться вперед. Под этим мостиком оказалось русло реки, которое вчера преградило нам дорогу и образовало тупик.

Это было так неожиданно и приятно, что мы совсем забыли о наших вчерашних невзгодах и тревогах. Таким образом, выяснилось, что вчера мы сделали ошибку, свернув с морены налево. Если бы мы пошли сразу направо, то избегли бы трудной переправы.

Теперь мы двинулись по песчаному правому берегу.

И вдруг на гладкой нетронутой поверхности мелкого серого песка наше внимание привлекли какие-то таинственные следы. Неужели следы какого-то большого животного—тигра, барса или медведя? Скорей, всего—тигра, если судить по четким отпечаткам больших когтей.

Не успели мы покончить с этими догадками и предположениями, как вдруг обнаружили еще и другие, совсем иного порядка. Это были следы горных немецких ботинок! Не было никакого сомнения, что это следы двух пропавших немецких разведчиков—Винна и Борхерса. Дорофеев сразу узнал, как он уверял нас, особые отпечатки гвоздей на ботинках Борхерса. Вот так сюрприз! Значит, немцы нас опередили? Значит, им удалось пройти раньше нас?

Нас страшно интриговал вопрос, где же они и что им удалось сделать? Событие это послужило пищей для живых споров и догадок. Вдруг кто-то из нас сделал еще одно замечательное открытие.

— Товарищи, а ведь это, пожалуй, обратные следы?

— Как? Неужели?

— Да, да, вот следы идут в обратном направлении. Совсем свежие следы.

— Вот так штука! Это уж совсем интересно. Повидимому, не могли пройти дальше.

Вновь возникла тревога за судьбу разведчиков и неосознанная радость, что мы все же пойдем дальше первые, что первенство останется за нами.

— Да, но почему они не пошли дальше?

— А чорт их знает, ничего не пойму!—сказал с досадой Дорофеев.—Может быть, дальше и вовсе пройти нельзя? Мало ли здесь препятствий.

— Может быть, барсы их растерзали,—полушутя, полусерьезно добавил кто-то из нас.

— Вперед, вперед, товарищи, некогда гадать, потом разберемся.

ПОЙ-МАЗАР

Далеко позади осталось дьявольское место вчерашней переправы. Все чаще и чаще стали попадаться цветы, мелкий кустарник, зеленая трава. А дальше уже виднелись деревья с большими толстыми стволами.

Это было совсем хорошо. Добравшись до одной из групп этих деревьев, мы расположились отдохнуть. Еды с нами не было, но чувствовали мы себя как-то увереннее в этой более привычной обстановке.

Пока мы отдыхали, Елена Федоровна проскользнула вперед за соседний камень и выкупалась на славу в ледяной воде.

На первых же шагах после этой стоянки путь нам преградила большая отвесная скала, острым выступом врезающаяся в реку. Поколебавшись несколько минут, мы решили взобраться на эту скалу «в лоб». Взобравшись на нее,

мы увидели в бинокль покрытую зеленью долину, далеко расстилавшуюся по обе стороны прорезывавшей ее реки. Вверх по склонам гор ясно различались чем-то засеянные участки земли различной величины и формы.

— Итак, близко люди. Конец необитаемым местам.

— Очевидно здесь мы и видели вчера манивший нас огонек. Здесь обитает видимо совсем не дикое племя.

Мы стали спускаться со скалы.

— Товарищи, постойте,—крикнул я,—на противоположном берегу что-то движется. По-моему, это всадники. Несколько верховых.

— Где, где?

— Да вон там, совсем близко от нас, посмотрите в бинокль.

— Верно! Ура! Люди, настоящие люди...

Когда мы спустились со скалы, всадников можно было уже отчетливо разглядеть на противоположном берегу.

Мы с нетерпением ждали, когда они подъедут вплотную к берегу. Нас разделяло только довольно широкое русло реки.

Они быстро спешили и стали махать руками и подавать нам различные знаки. Затем, положив на землю какой-то мешок, стали доставать оттуда что-то для нас неведомое.

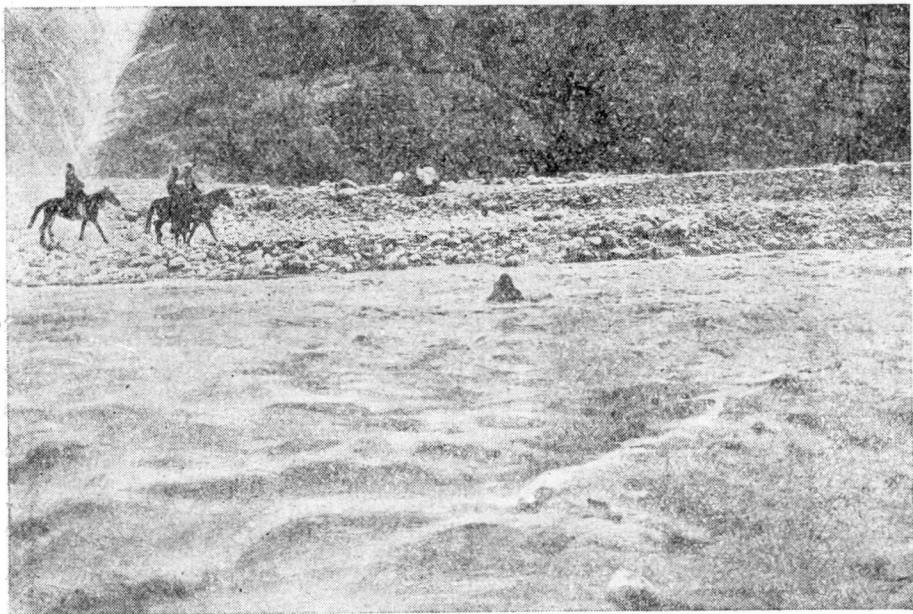
Мы невольно нащупали наши карманные браунинги, а красноармейцы стали на всякий случай поправлять винтовки.

Вдруг началась бомбардировка. Наши таинственные соседи закидали нас вкусными свежими яблоками. Мы с жадностью ловили их и тут же уничтожали. Мы утоляли голод и от души радовались ласковой встрече. Однако, настоящая встреча не могла состояться из-за разделявшего обе стороны расстояния. Один из незнакомцев, раздевшись до нага, привязал подмышки два пузыря, перед тем основательно им надутые и, выбрав удобное место на бе-

регу, бросился в воду. И тут мы увидели образец замечательной переправы через горные реки.

С изумительной ловкостью и быстротой скользил по волнам бурного потока этот гениальный пловец. И вот он на нашем берегу, в нескольких шагах от нас, черный, с горящими, как угли, черными глазами.

Мы встретили его дружными аплодисментами и крепко пожимали протянутую нам руку.

Река Ванч. Таджик плавает на пузырях.

Первый вопрос, который мы задали, это был вопрос о том, где мы?

Оказалось, что мы находимся в долине реки Ванча, а не Язгулема, как мы предполагали, а встретившие нас местные жители—таджики из селения Пой-Мазар. Они еще вчера увидели огонь нашего костра, вероятно, в то же время, когда мы, в свою очередь, следили за огнями их кишлаков и удивились тому, что этот огонь виднелся в стороне, совершенно необитаемой. Этот огонь вызвал среди

таджиков и страх и недоумение, кто и как мог его развести? Никто, даже из самых старых таджиков, не помнит, чтобы кто-нибудь приходил сюда со стороны вечных льдов и снегов. Таких людей до сих пор еще не было.

— У нас была большая тревога,—признался встретивший нас приветливый представитель местного населения.—Мы собрали сход, и на сходе решено было послать меня и еще трех старейших из нашего племени, чтобы разузнать, откуда исходит таинственный огонь. И вот мы вас встретили.— Смелые вы, урусы. Как это вы пробрались к нам? Большие гости будете вы у нас. Редко приходят к нам урусы, и приходят только с другой стороны, со стороны долины. Я председатель сельсовета Пой-Мазар,—заклучил он неожиданно.—Я укажу путь к нашим кишлакам.

Мы с большим вниманием вслушивались в быструю, многим из нас непонятную речь таджика. Мы только теперь поняли, что спасены от голодной смерти и что отсюда найдем дорогу к намеченной цели. Мы тут же узнали, что из долины реки Ванча, в которой сейчас находились, есть перевал в долину реки Язгулем, что к этому перевалу мы можем подойти завтра же через селение Лангар, расположенное у подножья хребта. Перевал, по их словам, не представлял особых трудностей.

— Далеко ли кишлак?

— Нет, недалеко.

— А как же мы перейдем на другой берег?

— Мы пойдем по этому берегу до моста, перейдем через мост, а там в скалах есть тропа, которая ведет к Пой-Мазару. Сегодня будем в кишлаке.

Солнце грело во-всю. Стало жарко. Мы быстро двинулись вперед,—хотелось поскорее отдохнуть. Председатель сельсовета дал знак рукой своим товарищам, чтобы они предупредили в кишлаке о прибытии гостей. Пройдя по берегу еще километра три-четыре, мы поднялись в гору

и пошли по местности, поросшей скудной травой, но вскоре перед нами раскинул свои ветви молодой тенистый фруктовый сад. Узкими лентами вьются здесь арыки, канавы и канавки, несущие влагу этим сухим и песчаным горным склонам. Сколько труда, тяжелого, упорного труда, нужно было положить, чтобы создать здесь подлинный цветущий оазис. В своих фруктовых садах таджики ухитряются выращивать множество сортов яблонь, абрикосовые и тутовые деревья, орешник, облепиху и ряд других растений. Когда мы очутились в этих садах, нам показалось совсем невероятным, что только еще вчера мы были затеряны среди ледников.

Навстречу нам шли два молодых таджика в рваных, дырявых одеждах. Босые, серо-бронзового цвета, с ногами, исцарапанными камнями, быстро-быстро семенили они по узкой тропинке. Приблизившись к нам, они остановились, прижали правую руку к груди, низко поклонились, а затем, разостлав на траве два цветных платка, наполнили их яблоками.

Мы уже знали, что это знак гостеприимства у местного населения, что мы должны воспользоваться этим гостеприимством. Поздоровавшись с ними, мы наполнили до отказа наши карманы яблоками и расплатились серебром из запасов, специально приготовленных для закупки продовольствия в кишлаках.

Недолго, однако, мы отдыхали среди этой прекрасной зелени. Снова подстерегала нас гигантская скала, напоминавшая издали мрачные стены средневекового замка.

По краям скалы над kloкочущей бездной мутных вод реки Ванч вилась едва заметной змейкой тропинка. Пришлось снова карабкаться по узорчатому карнизу этой еле заметной тропки. Все выше и выше поднимает она нас, доводит почти до вершины, а затем при спуске раскрывается перед глазами бушующая бездна. Жутко глядеть вниз, кружится голова. Идешь, напрягая все внимание

и силы. Неосторожное движение—и нет тебя. Нервы натянуты, как пружины. Только спустишься, смотришь—снова подъем. И так путь тянется несколько томительных часов. Наконец мы снова на зеленом лугу.

— Смотрите, смотрите, какая вода. Настоящее густое молоко. Видали мы около Бордобы, в Алайской долине, красную, голубую и зеленую реки, но бело-молочной еще не попадалось. Настоящая молочная вода.

— Неужели здесь всегда такая вода?—спросил я таджика.

— Здесь всегда такая,—ответил он через переводчика красноармейца.—Унжа паян биснар хуб об¹.

Как потом выяснилось, окраска воды объясняется большим количеством извести, которая попадает в горные ручьи и реки с известкового хребта отрогов пика Гармо.

В нескольких шагах от нас, среди развесистых деревьев, низенькая сакля. А около нее беззаботно-лениво бродит большой, пушистый, красивый кот. Весь этот домашний уют казался каким-то совершенно необъяснимым контрастом с окружающей природой. Когда мы подошли, хозяин сакли уже разостлал на зеленой траве большую серую комшу и ждал нас. На комше лежали ячменные лепешки, по которым мы уже так соскучились, стояло настоящее свежее молоко, несколько странная на вид серая сметана и неизменное здесь угощение—яблоки. Комбинация продуктов, как видите, для нас, европейцев, достаточно рискованная. Это, однако, нам не помешало с завидным аппетитом уничтожить подряд все, приготовленное для нас гостеприимным хозяином.

— Ку-ку-реку,—внезапно раздалось около нас. Это было так неожиданно, что мы невольно вскочили.

— Товарищи, петух, настоящий петух!

Нам почему-то стало удивительно весело, и мы все

---

¹ А там, внизу, очень хорошая вода.

страшно обрадовались этому, такому простому, хорошо нам известному, крику.

— Пожалуй, это приятнее, чем иметь дело с барсами, тиграми, пресловутыми архарами и прочими обитателями этих пустынных мест. Что может быть приятнее петуха?

Вероятно, говорившим уже рисовались картины, как вместо надоевшей баранины им предстоит полакомиться настоящей хорошо поджаренной курицей.

Но этот кишлак еще не был местом нашего ночлега. Очень не хотелось уходить отсюда. Мы устали, нас клонило ко сну после сытного угощения. Предстояло еще перейти мост и пройти два-три километра до кишлака Пой-Мазар. Навстречу нам уж двигалась кавалькада празднично одетых таджиков. На породистых рослых конях красовались впереди в пестрой одежде два молодых таджика. Один из них—в красном шелковом халате, с белой чалмой и голубым поясом, другой—в зеленом халате, с желтой чалмой на голове и таким же поясом; с мужественными загорелыми лицами, они были очень декоративны. Женщин нигде не было видно. Они и здесь укрывались от глаз посторонних.

Вечерело. Под двумя развесистыми тутовыми деревьями в кишлаке Пой-Мазар была разостлана широкая кошма. Было подано обильное угощение: очевидно, к приему гостей усиленно готовились. Вокруг кошмы тесными рядами толпились местные жители. Нас внимательно рассматривали, удивлялись, иногда как-то странно, загадочно улыбались. Особенно заинтересовали всех наши горные ботинки, подбитые гвоздями, кошки и ледорубы.

Больше всех страдала от этого любопытства Елена Федоровна. Я до сих пор не знаю, кто был больше смущен: «таджики» ли при виде женщины с открытым лицом, в мужском боевом костюме, или товарищ Розмирович от устремленных на нее любопытных глаз. Потом мы узнали, что среди населения тех мест, через которые нам приш-

лось проходить, а также далеко расположенных в окрестности, создались целые легенды о какой-то белой женщине, которая одна среди многих мужчин и наравне с ними преодолевала трудности горных переходов, казавшихся местному населению совершенно недоступными.

ПЕСНИ И ПЛЯСКИ ТАДЖИКОВ

В честь нас было устроено празднество. В начале наш разговор с таджиками как-то не клеился. Нас плохо понимали. Наши носильщики, благодаря каким-то различиям в местных наречиях, тоже были плохими переводчиками. Только товарищ Дорофеев и красноармейцы спасали положение. Дорофееву пришлось подробно рассказать, кто мы, как сюда попали, куда направляемся. Таджиков интересовал вопрос, кто у нас «самый большой». И когда они узнали, что среди нас «самый большой» товарищ Крыленко, самый главный судья во всей стране—как определил после наших объяснений председатель исполкома—таджики были счастливы, что имели возможность принять у себя «такого редкого, дорогого гостя».

Кто-то из нас выразил желание послушать пение горцев. Тотчас же появился небольшой деревянный двухструнный инструмент—дутор, и мы услышали ряд оригинальных восточных напевов.

Эти песни рассказывали о самых примитивных переживаниях. О человеке, идущем работать на поле и после работы возвращающемся назад; о другом, увидевшем маленькую птичку, которую ему очень захотелось поймать; но хитрая маленькая птичка до тех пор кружилась по скалам, пока не настала темная ночь, и он, сердитый и усталый, ругая птичку за то, что она не поймалась, пришел в кишлак, рассказал об этом своим соседям, которые долго смеялись над его неудачей, дразнили его и будут дразнить, пока он не умрет.

Несмотря на однообразие и очень ограниченное количество звуковых сочетаний, хор таджиков все же производил впечатление. Одни напевы звучали бодро и радостно, другие наоборот, грустно и заунывно.

Долго и с большой охотой пели таджики. Один из них, после продолжительных уговоров, решился даже плясать. Их пляска очень похожа на пляску кавказских народов. Однако у нее иной темп, она примитивнее и сводится к немногим несложным движениям рук, к поворотам туловища вправо и влево и к топтанию на месте.

Мы наградили певцов и танцора шумными аплодисментами. Очередь была теперь за нами. Они потребовали, чтобы и мы спели что-нибудь хором.

Несмотря на усталость, мы постеснялись отказать им в этой просьбе, и спели хором несколько песен. Видимо, таджикам понравилось наше пение. Они настаивали, чтобы мы пели еще и еще. Наша случайная вечеринка обещала затянуться надолго. Однако мы во-время вспомнили, что завтра рано утром надо двигаться дальше.

А путь нам снова предстоял долгий и трудный. Мы должны были перевалить в долину реки Язгулем и к 1 сентября встретиться с товарищем Горбуновым.

Мы выяснили в кишлаке подробности дальнейшего пути. Перевал вел, по словам таджиков, через хребет, покрытый льдом и снегом, в долину реки Язгулем, к ее верховьям, к кишлаку Барнават.

— Маршрут ясен. Нельзя ли, чтобы сократить время перехода по долине Ванча, получить за плату лошадей?—спросили мы.

— Можно, утром лошади будут,—ответили таджики.

Долго еще удивлялись местные жители то брезентовым палаткам, то походным фонарям. Наконец все смолкло. Только убаюкивающая воркотня кузнечиков да шелест деревьев нарушал покой этой теплой тропической ночи.

Рано утром около наших палаток собрались почти все

обитатели кишлака Пой-Мазар. Появились и женщины. Женщины здесь бледные, с запавшими глазами, худощавые, плоскогрудые, с густыми прядями черных нечесанных волос. Хилые, рахитичные, в рваных лохмотьях на теле, высыпали ребятишки. Тут же мы впервые увидели знаменитых «зобатых карликов». Это—низкорослые сутулые люди, с большими, отвислыми зобами, через тонкую кожу которых ясно просвечивают синие трубки переплетенных сеткой кровеносных сосудов. Мы узнали позже, что сюда был прислан отряд врачей для изучения уродующей население отвратительной болезни.

Наскоро был организован завтрак. Шли разговоры о плате за съеденное, за продовольствие, взятое на дорогу, за лошадей до селения Лянгар и т. п. Здесь мы познакомились еще с одной особенностью местных жителей. Они действовали по очень простой формуле: «гости вы—редкие, дорогие и уважаемые, а потому и денежек платите побольше».

Кому-то из нас понадобились шерстяные чулки. Чулки у них из разноцветной шерсти, очень длинные и теплые, значительно выше колен. Пришлось заплатить за них очень высокую цену. Ничего не поделаешь, надо было купить!

Большой кавалькадой двинулись мы в путь. Выехав из кишлака, мы задумались, какой нам избрать путь—«морской или сухопутный». Оба были отвратительны. Итти через реку—мы уже знали, как это приятно. Мы стояли снова на берегу широкой с несколькими глубокими рукавами реки Ванч. Сухопутный тоже не представлял собою ничего хорошего, так как приходилось снова подниматься вдоль отвесной скалы по узкой горной тропе. Первый путь был значительно короче. И тот и другой сулили кучу неприятностей. Хуже всего было то, что наши таджики разделились на два лагеря: одни считали, что нужно итти вверх, а другие тянули вниз. Наконец, после долгих очень громких споров, ибо таджики кричат неве-

роятно, после пререканий и бесконечных доводов и предложений, решено было переправиться через реку. Те из носильщиков, для которых не хватило лошадей, и красноармейцы пошли горной тропинкой.

При этом надо еще заметить, что таджики, давшие нам своих лошадей, не отставали от нас ни на шаг, забегая то вперед, то сбоку, то вприпрыжку догоняя сзади. Переправа на лошадях была значительно проще, чем пешком. Мы

Верховье ледника Ванч, вправо перевал на ледник Федченко.

благополучно выбрались на правый берег и поехали спокойной красивой дорогой вдоль небольших кишлаков, окруженных фруктовыми садами. Эта дорога доставила нам много удовольствия. Проезжая под фруктовыми деревьями, мы срывали яблоки, орехи и ягоды и, несмотря на то, что они были еще совсем зеленые, мы уплетали их с большим удовольствием. Приятно было ехать опять верхом. Прошло всего две недели, как мы расстались с на-

шими верховыми лошадьми в первом высокогорном лагере, но казалось, что это было уже очень, очень давно.

Нашим спутникам-таджикам надоело итти пешком, и они чрезвычайно простым способом избавились от этой неприятности. Неожиданно для нас некоторые из них вскочили на спины лошадей, на которых мы ехали. Мой попутчик оказался парнем очень веселого нрава. Приспособившись позади моего седла, этот жизнерадостный «дядя» всю дорогу распевал таджикские песни. Мне это нравилось, я очень скоро заучил простой своеобразный напев, и мы стали петь вместе. Итак, под общий смех наших товарищей и к удовольствию таджиков откатали мы около семнадцати километров. Проехали селение Рован и добрались до места новой стоянки—Лянгар.

УКРАЛИ

День выдался на славу — солнечный, ясный, теплый. Приехали в Лянгар в начале первого часа.

Здесь нам предстояло заpastись дополнительным продовольствием, пообедать и в тот же день итти дальше. Вскоре пришли наши носильщики и красноармейцы.

Кишлак Лянгар расположен у начала ущелья того же наименования. Маленький кишлачок из двух глиняных плохоньких домиков. Самый бедный в этом округе.

Много было хлопот, пока мы сговорились с местными жителями о продовольствии. Посулы, что мы найдем здесь все, чего нам не хватало, оказались необоснованными. За лепешками, курами и яйцами пришлось посылать чуть ли не в соседний кишлак. Пока все это жарилось, варилось и выторговывалось, мы расположились в сторонке под большим орешником, на приятно пахнувшей траве, отдохнуть, а то и заснуть часок, скрывшись от знойных солнечных лучей. Тут же решено было отправить таджика навстречу к Николаю Петровичу Горбунову с

предупреждением, что мы находимся на пути к Барнавату, и с просьбою ждать нас, если придет туда раньше.

Вернувшись к избушке, где шла заготовка продовольствия, мы застали любопытную картину: на почве купли и продажи между нашими красноармейцами и таджиками разгорелась ожесточенная стычка. Одному из красноармейцев, Нагуманову, необходима была во что бы то ни стало какая-нибудь обувь. Речь могла идти лишь об обычной таджицкой обуви из бараньей шкуры, которая здесь называется мукки. Один из местных жителей принес такие мукки и показал Нагуманову. Тот примерил их. Они оказались как раз впору. Началась торговля.

— Сколько стоят?

— Пять с половиной рублей,—ответил таджик.

— Четыре с полтиной дам.

— Пять с половиной,—стоял на своем таджик.

— Ну, хочешь пять,—подошел к торгующимся товарищ Дорофеев,—получай деньги и все.

Таджик помялся и согласился.

— Ладно, давай пять, только серебром.

Товарищ Дорофеев отсчитал ему десять полтинников. Нагуманов надел мукки. Казалось, дело кончено.

Но спустя десять минут таджик, продавший мукки, видимо посоветовавшись со своими, решил, что мало взял за сапоги, что русские, если им так необходима обувь, могут заплатить и больше, заявил, что не согласен оставить Нагуманову проданные мукки и требует, чтобы ему доплатили еще четыре полтинника. Красноармейцы попробовали утшучиваться, но видя, что это не помогает и таджик продолжает настаивать на своем, принялись убеждать его, что эта цена и так большая, что за кусок бараньей кожи больше платить нельзя, что если купить даже целого барана, то и он, пожалуй, не будет дороже стоить и, наконец, что раз сапоги уже проданы, то и вообще говорить об этом поздно.

— Как поздно?—загорячился таджик.—Плати еще четыре полтинника. Ничего не поздно. А то снимай мукки.

— Как же это так?—спорил с ним Нагуманов.—У нас за это по головке не гладят, обманывать не годится. У нас, знаешь, что за это полагается?

— За ушко да на солнышко,—вставил Гизятов.

И пошло и пошло. Страсти достигали высшего предела. С большим трудом удалось predisполкому и товарищу Дорофееву уладить это дело. Не успели мы исчерпать этот инцидент, как разыгрался новый.

Начали обедать. Вдруг товарищ Дорофеев увидел, как один из молодых таджиков собрался незаметно улизнуть, спрятав под халат нашу походную кружку. Дорофеев поймал его за руку и уличил в краже. Снова поднялся шум и галдеж. Воришку куда-то увели.

— Эге, — подумали мы, — да тут идет грабеж явный и тайный.

Мы насторожились. Стали собираться, внимательно пересматривая вещи. Оказалось, что кружка была не единственной кражей. Пропали кошки Елены Федоровны. Это нас ужасно обозлило. Итти без кошек по ледникам было очень неприятно, чтобы не сказать больше.

— Товарищ predisполком, у нас стащили кошки. Какой же это народ у вас здесь? Воры, бандиты?

— Нет, товарищ начальник,—ответил Николаю Васильевичу predisполком,—такого дела не может быть.

Бедный таджик был, очевидно, очень взволнован.

— Посмотрите, товарищ начальник, может быть, где-нибудь есть.

Тщательные поиски не увенчались успехом.

— Украли бы что-нибудь другое, не жаль бы было. Пусть. Но кошки! Это жестоко. И бессмысленно к тому же. Таджикам они не нужны, а мы остались без необходимого снаряжения на ледниках. У нас запасных кошек нет.

— Товарищ председатель, кошек нет,—говорил раздраженно товарищ Дорофеев.—Вы будете за это отвечать. Мы напишем об этом в Дюшамбе¹.

— Нет, нет, товарищ начальник, мы найдем. Не может быть таких дел у нас, чтобы у гостей украли кошки. Мы строго накажем. Может быть, подождете? Мы сейчас, мы сейчас найдем. Подожди, не уходи, товарищ начальник. Мы найдем вора, мы голову рвать будем.

— Вы головы не рвите, этого не надо, а кошки найдите. Ждать мы здесь не будем. Если найдете, то пошлите вдогонку в Барнават. Кошки нам очень нужны.

Пока мы снаряжались, таджики, собравшись в стороне, долго и горячо обсуждали создавшееся положение. Председатель, неистово крича и жестикулируя, требовал немедленной выдачи вора и возвращения кошек.

Расстроенные последними событиями дня, мы сухо простились с обитателями кишлака и с радостью покинули место стоянки.

Потянуло снова в ледники. Пробыли мы среди людей всего полтора дня, а нас снова тянуло подальше от них, к могучим ледяным громадам, к нетронутой человеком немой природе. Несколько раз нас догоняли и останавливали таджики с просьбами простить их, и только войдя в ущелье и скрывшись от них, мы облегченно вздохнули.

Мы шли теперь по красивому высокому узкому ущелью, с быстро текущей в глубине шумной рекой. Это ущелье напоминало нам долину Дарьяла. Тот, кто проезжал по Военно-грузинской дороге, помнит это чудесное ущелье, с развалинами легендарного замка царицы Тамары.

— Как здесь хорошо,—неволью вырвалось у нас. — Гораздо приятнее, чем внизу, в долине.

---

¹ Дюшамбе — столица Таджикской республики.

ПЕРЕВАЛ ОКИ-БА

— Вперед, вперед, товарищи! Стало уже темнеть.

Шли мы по горной тропе, пыльной, каменистой, лишь местами обрызганной струей быстро бегущего горного ручья. Выше и выше. Впереди, указывая путь, шел местный таджик. Рыжебородый, с лицом библейского типа, настоящий ветхозаветный Лазарь. Мы шли к перевалу Оки-ба. Тропа причудливо извивалась.

— Ну, и дорога, ну, и тропа,—ворчали мы.—Надо же было проложить такую тропу. То спускаешься на самое дно ущелья, то вынужден опять взбираться вверх. А пыль совсем невыносимая. Нос, глаза, рот, уши прямо завалило.

Было уже темно. Часы показывали восемь, а альтиметр 2650 метров. Мы расположились ночевать на маленькой узкой площадке у подножья скалы. Здесь было несколько деревьев, свисавших кривыми стволами над краем обрыва. Большой квадратный камень служил нам столом, булыжники поменьше—стульями. Ярко светила луна. Под деревьями разместились две скромные брезентовые палатки. Запылал костер. На нем кое-как укрепили чайник с водой.

— Что и говорить, место поэтическое,—сказала Елена Федоровна, с удовольствием оглядываясь по сторонам.

Но охватившее нас поэтическое настроение было быстро нарушено.

— Ох-ох-хо, живот болит! Ох, болит,—стонал один из наших таджиков-носильщиков, лежа у костра.

— Переел, дядя, в кишлаках. Можно ли так на пищу набрасываться? Говорил вам, что не ешьте столько яблок, а вы туда же—и молоко, и сметану,—негодовал я, кладя таджику на живот грелку.

Однако после приема нескольких капель опия боли у него прекратились, а мы, подзакусив и полюбовавшись

ночным пейзажем, забрались в палатки и, утомленные дневными впечатлениями, быстро заснули.

Свежее, слегка морозное утро рано подняло нас на ноги. Ночью болели не только таджики, но и наши красноармейцы.

К трем часам того же дня мы увидели впереди невысокие стены серой постройки. Это было ветхое летнее помещение семьи нашего проводника, которая пасла здесь скот. Нас угостили кислым молоком и сметаной. Затем мы шли сначала по прекрасному сочному лугу, а потом снова попали в камни.

Камни, камни и камни. Медленный и утомительный подъем. Чем выше, тем холоднее. Вот мы уже на большом снежном плато, а там впереди то самое место, та вышка, которая носит название перевала—Оки-ба.

Опять кошки, опять веревки. Сегодня надо взять перевал и спуститься вниз. В пять часов были на перевале. По альтиметру высота здесь 4 125 метров. На картах этого перевала нет. Спустившись на 700 метров вниз, мы уже при полной темноте расположились на какой-то лужайке, тщетно стараясь найти дрова, чтобы согреться и сварить чай. Было уже так темно, что мы ничего не различали вокруг. О сборе дров не могло быть и речи.

КАЛЯН УРУС АДАМ

На следующий день—это было 31 августа—мы направились на какое-то горное жилье. Нас довольно радушно встретил хозяин. Мы, расположившись на отдых, только что стали расспрашивать о дальнейшей дороге, как вдруг к нам подошел таджик, посланный нами из Ванча навстречу товарищу Горбунову. Мы очень обрадовались. Неужели он так скоро передал записку товарищу Горбунову? Это замечательно. Неужели наш план, наш фантастический план, был близок к осуществлению? Так думали мы, пока, опи-

раясь на длинную палку, наш гонец спускался к нам со скалы. Что-то он нам скажет?

Николай Петрович Горбунов, тоже несколько задержавшийся в пути, боясь пропустить нас, выслал вперед по Язгулему своего гонца. Наши гонцы встретились, обменялись записками и разошлись.

— Калян урус адам ¹ идет к Барнавату,—сообщил нам наш посланец.—Находится от него в двух днях ходьбы.

Выходило, что еще нам придется ждать Николая Петровича в Барнавате. Теперь можно было не торопясь двигаться навстречу «батке».

Поблагодарив наших случайных «библейских» товарищей за услуги, мы распростились с ними. Кстати сказать, после путешествия по Ванчу наши запасы серебра были почти на исходе. День прошел в скитаниях по отвесным скалам, ручьям и тропинкам. Много было трудностей, приходилось карабкаться по гладкому скользкому камню, преодолевать обрывистые спуски. Наконец, в три часа на одном из скалистых спусков на большой высоте встретил нас председатель Барнаватского сельсовета, предупреденный накануне нашим гонцом.

Повторилась знакомая нам процедура гостеприимной встречи. Расстелив на камне платок, он предложил нам «немудрящее» угощение: маленький арбуз, дыню и тутовые ягоды. Все это мы, конечно, с удовольствием съели. Спустившись со скал и пройдя некоторое расстояние по берегу реки, снова поднялись на гору. Здесь перед нами открылась панорама, какой мы еще не видали.

Большой широкий луг, с резко срезанными краями, был покрыт курганами, правильной, одинаковой, конусообразной формы. Целый лес курганов. Неужели это древние могилы?

---

¹ Большой русский человек.

— Далеко еще до Барнавата?—спросили мы местного таджика.

— Нет, скоро будем,—ответил предсельсовета.

За курганами тянулась по песчаному откосу едва заметная горная тропка. Итти по ней—как по узкому карнизу. Из-под ног то-и-дело сыпались песок и камни. Для утомленных путников этот последний этап перед Барнаватом тоже был достаточно труден и неприятен.

К шести часам мы добрались до Барнавата. Если бы не низкие, ушедшие в камни клетушки таджиков, можно было бы подумать, что мы находимся в обычной нашей южной деревушке. Пестрел разноцветными головками нежный и хрупкий мак, золотились колосья ржи, гордо поднимал к солнцу свои пышные желтые венчики подсолнух. Под зеленым деревом, у крайней избушки, стоял деревянный, несколько покосившийся стол, и тут же около него деревянное кресло.

— Смотрите, тут настоящая культура,—неволью удивлялись мы.

Спинка широкого кресла носила явные признаки чьих-то попыток разукрасить ее причудливой резьбой и особенно подчеркивала контрасты жуткой азиатчины и почти европейской культуры. Откуда здесь это? Люди грязные, почти нагие, в жалких отрепьях. Наверное никогда, живя в этих варварских условиях, не видали они сколько-нибудь человеческой мебели. И вот извольте, состряпали настоящее кустарной работы кресло!

Надо было подумать об ужине. Начался обычный разговор о продовольствии. Первый вопрос был, конечно, о барашке.

— Гусфант ас, нон ас. Айран нист. Чай ман хурден¹.

Словом, главные наши продукты оказались налицо. Правда, сахара у нас не было, но мы уже давно от него

---

¹ Баран есть, хлеб есть; молока нет, чай приготовим.

отвыкли. Научились пить чай с тутом и урюком. Снова загорелись костры, снова мы были окружены выползшими из своих убогих домишек таджиками.

В ОЖИДАНИИ БАТЬКИ

Надо было решить, что делать дальше. Выясняя с предсельсовета перспективы продвижения вперед по верховьям реки Язгулем, мы узнали, что в пяти или шести километрах горная тропа разветвляется в разные стороны. Одна ведет на кишлак Орошор через трудный перевал Каф-Курбодж, другая к Мазару (могила святого), а от нее к подножью какого-то ледника. Что это за ледник, куда он ведет—никто из местных жителей точно не знал, так как дальше Мазара, куда они ходили молиться, никто не проникал. Старики рассказывали, что это заповедный ледник, что человек, который отважится на него спуститься, погибнет в его бездонных трещинах, что только один святой, похороненный в Мазаре, доходил до того места ледника, откуда вытекает река Язгулем. Однако из отдельных намеков мы поняли, что за этим ледником имеется какой-то перевал, который местное население, вероятно из чувства страха и суеверия, сознательно обходит молчанием.

Но прежде чем решить, куда двигаться дальше, мы должны были подождать здесь Николая Петровича Горбунова.

Мы долго колебались. Неизвестность пугала. Мы чуть не приняли решения разделить на две части: одной вернуться по дороге, пройденной уже Николаем Петровичем Горбуновым, на ледники Танымасс, другой группе идти вперед к верховьям реки Язгулем, в поисках перевала из Язгулема на ледник Федченко.

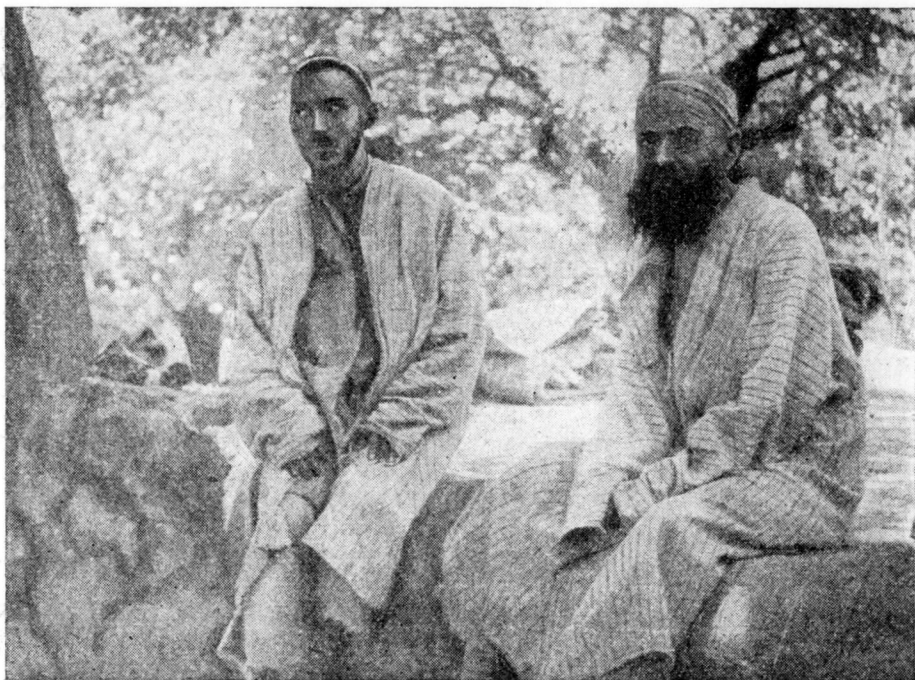
Это решение было принято, главным образом, под влиянием боязни за судьбу Елены Федоровны. Путь был пройден тяжелый, лишений вынесли мы много, снабжены были

из рук вон плохо, а дальше предстояли какие-то совершенно исключительные трудности, которые могли оказаться непосильными. Правда, до сих пор мы шли все вместе. Однако надо быть осторожными. Нельзя, как говорил Дорофеев, без конца испытывать судьбу. Мы и так наделали немало безумных вещей. По Бартангу, казалось, можно пройти спокойно, точно по проторенной дорожке. На эту же дорогу был обречен и я. Нам предстояло вместе с Еленой Федоровной, одним красноармейцем и таджиком через десять-двенадцать дней, попасть к Танымассу, а оттуда в Алтын-Мазар и дальше через Фергану в Москву. Уж очень не хотелось нам покидать товарищей и отказаться от дальнейшего следования вперед. Долго мы спорили, обсуждали и, наконец, покорились. И вероятно молчаливая наша покорность оказалась сильнее всяких аргументов. Наши товарищи решили пойти на некоторый компромисс. Николай Васильевич Крыленко с красноармейцем и одним из местных таджиков идет вперед на разведку, ибо ждать ему два дня товарища Горбунова невозможно, И. Г. Дорофеев пойдет навстречу «батьке» Горбунову, мы—я и товарищ Розмирович с остальными сопровождающими—остаемся в Барнавате и ждем, с одной стороны, результатов разведки Николая Васильевича, а с другой—прихода Горбунова.

Вечером нас тесным кольцом окружили местные жители. Прижавшись друг к другу, они жадно следили за нами, повидимому желая поближе познакомиться. Разговаривать было трудно, объяснялись мы больше мимикой, чем языком, но все же почва для общения нашлась. Это был все тот же знакомый нам дутор. И снова мы, как и в Пой-Мазаре на Ванче, заслушались необычного для нас пения под аккомпанемент дребезжащего дутора. Опять те же несложные наивные слова, смысла которых нам не удалось доискаться. Вероятно наше особое положение и условия довели нас до того, что мы смогли с интересом и удо-

вольствием заниматься подобного рода развлечением. В тот же день собрали мы в путь наших разведчиков.

Знойное утро застало нас среди барнаватских курганов. Товарищей наших уже не было с нами. Было душно, и непривычное бездействие томило нас. Создалась уже какая-то привычная инерция. Хотелось двигаться, хотелось

Типы таджиков из долины реки Язгулем.

итти вперед. Не привыкли мы сидеть вот так, без дела. Книг нет, приборов для научных занятий тоже. Сидим на кошке и глазеем по сторонам. Сидя на одном месте, чувствуешь гораздо большую усталость, чем если бы пришлось двигаться. Решили мы вознаградить себя хотя бы тем, чтобы поесть куриного супа. Баранина надоела до тошноты, а тут оказались старые наши знакомцы—домашние куры. Сговорились. Курицу нам не дали, но престарого, дрянного, сухопарого петуха за два

рубля нам купить удалось. А когда сварили, наступило полное разочарование: получился топор-топором. К тому же в куриный суп нам насыпали гороха. Жевали мы, жевали, грызли, грызли, да так и остались голодными. А тут еще вода питьевая—мутная, с противной вяжущей известкой.

Просто хоть ложись да пой себе заупокойную по заживо погребенному «рабу божьему» Ефиму.

От скуки мы стали сочинять стихи. И вот что у нас получилось:

В Язгулем мы попали,
это вам не хи-хи!
Неизвестно нам тоже,
за какие грехи.

Мы сидим и страдаем
в кишлаке Барнават.

От жары изнываем,
и сам чорт нам не рад.

Петуха мы поймали,
за него два рубля.

Зубы чуть не сжевали, —
прямо смех и беда!

А водичка проточна,
питьевая вода,—
будто кто-то нарочно
всыпал известь туда.

Мы одно лишь желанье
выражаем сейчас:
ну, хотя б «козлодранье»,
а в десерт кислый квас.

Конечно, стихотворение это создалось не сразу. Много было вариантов, которые не подлежат опубликованию, много мы смеялись, сочиняя, и, как говорится, отвели душу.

Затем занялись мы наблюдениями над тем, как спасаются от скуки и разнообразят свое время местные жители.

Еще с утра я обратил внимание на плотного, коренастого, уже немолодого таджика, вооруженного большим луком. Таджик с совершенно исключительным воодушев-

лением стрелял из него мелкими камушками. Этот чернобородый «дядя» в течение четырех часов ходил около кишлака и удивительно метко бил маленьких птичек. Я невольно вспомнил легенды «о диком племени», которое, будто бы, стреляло камнями из лука.

Наконец к вечеру 3 сентября пришел «батька» с Дорофеевым. «Батьку» Горбунова сразу поразили и взволновали окружавшие нас курганы. Он с лопатой, а мы—я и Дорофеев—с ледорубами пошли разрывать один из таких курганов.

Роем час, роем два. Вырыли довольно солидную яму, а результатов никаких. Николай Петрович все подбадривает.

— Давайте еще пороем. Вдруг найдем какие-нибудь признаки древних гробниц. Вы понимаете, какой это интереснейший материал для экспедиции! Нельзя представить, чтоб это были обычные насыпи.

Рыли мы еще и еще. Так мы прорыли до темноты, пока не напоролись на огромный, плотно засевший в землю камень, который никак нельзя было выкорчевать. Тут подошел Дмитрий Иванович Щербаков, добравшийся позже Горбунова до Барнавата, и сразу рассеял все наши надежды. Как специалист-геолог он заметил то, чего не заметили мы.

— Николай Петрович, разве вы не обратили внимания,—говорил Дмитрий Иванович,—что нам по пути попался большой курган, перерезанный пополам горным потоком, совсем близко от Барнавата? Я его внимательно осмотрел. Он состоит из песка и мелких камней. Вероятно, ничего другого нет и в остальных.

Долго еще Дмитрий Иванович излагал свои соображения об истории образования этих курганов. И мы, безрезультатно набив себе мозоли, вернулись к палаткам.

— Ну, завтра в путь,—отдал приказ «батька».—Готовьте вещи и продовольствие.

Ни о каком возвращении по Бартангу не было и речи. Трудности этого пути, описанные Николаем Петровичем, были не меньше тех, которые могли нас ждать впереди. Решено, что мы, не дожидаясь Николая Васильевича, идем все вместе в том же направлении. Другая группа—профессор Щербаков и его помощник, студент Горного института Юдин, идут с носильщиками через перевал Каф-Курбодж на Орошор.

Я забыл еще упомянуть, что на нас произвел большое впечатление рассказ товарища Юдина о том, как его чуть не убило камнем во время спуска с одного из перевалов на пути по Бартангу. Спускаясь по ледяным скатам, Юдин еле-еле держался на ногах. В один из трудных моментов он не мог следить за катившимися с вершины камнями, и вдруг один из них угодил ему в спину. Если бы не большой цейсовский бинокль, Юдину бы не сдобровать. Камень, ударившись о бинокль, отскочил, а Юдин, покачнувшись, продолжал спуск.

Этакие камушки часто нагоняли нас в горах, иногда совсем, совсем близко, если не достаточно энергично отскочить в сторону.

СТРАШНО ТАМ...

Из Барнавата мы отправились большой группой. Кроме нас и Горбунова шли Щербаков и Юдин. К нашим красноармейцам присоединились еще красноармейцы Николая Петровича и значительная группа носильщиков. С Николаем Петровичем шли его большие ботанические коллекции.

Экспедиция наша направилась к перевалу по следам Николая Васильевича.

— Ой, не пройдете вы через ледник. Все равно вернетесь,—пугали нас таджики.—Страшно там. Святой—и то только до верховьев реки Язгулем доходил. Не ходи, урус-адам,—убеждали они «батьку».

К двенадцати часам дня мы пришли к скрещению дорог, и здесь в последний раз Дмитрий Иванович заснял всю экспедицию и затем расстался с нами.

Пройдя около часу по каменистому щебню, мы увидели пирамиду, сложенную Николаем Васильевичем. Записка, которую мы в ней нашли, сообщала, что он был здесь 2-го числа, в час дня, что на пути он собирается ста-

Женщины-таджички с Андербагской долины реки Язгулем за рукоделием.

вить пирамиды, указывающие направление, и желает нам успеха. Эта пирамида была для нас очень важным знаком. Мы теперь были уверены, что взяли правильное направление. Теперь не было больше опасений, что мы разойдемся с Николаем Васильевичем. Путь был обычный. Подниматься приходилось по камням, иногда очень отвесным. Задерживали нас горные потоки. Носильщики, взятые из Барнавата, изо всех сил помогали нам в трудных

местах и при переправах. Вот мы стоим у одного из таких стремительных, ревущих потоков. Один из наиболее сильных таджиков настаивает, чтобы мы воспользовались его плечами и на них перебрались на другую сторону. Я, конечно, отклоняю это предложение. Но красноармеец Филев решает воспользоваться любезностью таджика и благополучно переезжает через поток, сидя у него на спине. Вернувшись, таджик почти насильно подхватил меня, а я на этот раз мало сопротивлялся.

«Батька» переправляется по-особому. Он удобно расположился на берегу, снял верхнюю одежду, наполовину разоблачившись и запретив Елене Федоровне приближаться к месту переправы, перешел вслед за нами. Оставалось переправить товарища Дорофеева и Елену Федоровну. Последняя категорически отказалась переезжать на спине таджика, мы не посмели настаивать. Однако таджики изобрели способ избавить Елену Федоровну от необходимости идти вброд. Они соорудили мост из сухих деревьев, ветками сцепив их края.

После переправы решили сделать привал и позавтракать.

Только что расположились на отдых, как увидели спускающегося с горы старика-таджика с большой белой бородой.

— А говорили, что в этом направлении никто не ходит,—обратился «батька» к носильщикам.—Впрочем, может быть, это какой-нибудь новый святой появился?

— Нет, ты не знаешь,—отвечали наши спутники.—Это идет тот старик, который пошел на ледник с твоим товарищем.

Это, действительно, был тот старик из кишлака Барнават, который два дня тому назад ушел с Николаем Васильевичем на разведку. Он сообщил нам новые данные о пути. Выяснилось, что Николай Васильевич без особого труда достиг ледника, который непосредственно примы-

жал к разыскиваемому нами перевалу. Старику, видимо, солоно пришлось на этом расщепленном многочисленными трещинами леднике, и он отпросился у «начальника», так как устал и не мог идти дальше. Был большой соблазн взять его снова с собой, как живого свидетеля только что проложенного пути, но старик наотрез отказался. Он передал нам записку от Николая Васильевича. Мы узнали, что он один с красноармейцем пошел дальше, что нам следует, спустившись на ледник, держаться правой стороны, что таджика он вынужден был отправить, так как тот оказался совершенно слабосильным. Николай Васильевич предупредил нас, что на повороте, где резко изменяется направление пути, он поставил, кажется, одиннадцатую по счету пирамиду.

Солнце уже садилось, когда мы подошли к знаменитому Мазару (могила святого). Это место представляло собою небольшую ровную площадку, покрытую тенистым густым ивняком, под ветвями которого стояла глинобитная полуразрушенная хижинка. В ней мы нашли на земле старый кунган, аккуратно поставленный на кучу камней. Возле лежала старая круглая деревянная чашка. Мы, оглядываясь по сторонам, искали могилу и, не видя никаких признаков ее, наконец, спросили:

— А где же могила?

— Вот это и есть могила,—отвечали как будто удивленные таджики.

Мы не стали вдаваться в дальнейшие изыскания. Нас заинтересовало другое.

— Товарищи, очень хорошо бы здесь под ивняком расположиться на ночевку.

Видимо, и нашей таджикской компании хотелось во что бы то ни стало остаться здесь. Вероятно, еще не было случая в их жизни, когда бы они проходили мимо этого святого места, не остановившись в знак уважения покоящемуся здесь святому.

«Батька» грозно заворчал на нас.

— Рано, еще пяти часов нет, а вас к ночевке тянет. Нечего канителиться. Найдем место не хуже этого.

Мы спустились к реке и долго шли правым берегом, прыгая с камня на камень. На ночевку мы расположились среди больших камней у самой воды. Вдали виднелась, несмотря на наступившие сумерки, большая ледяная стена, возвышавшаяся над рекою. Это было начало ледника, о котором говорилось выше. Повидимому, предстояло пройти еще несколько километров, чтобы добраться до истоков реки Язгулем. Это и есть именно то место, до которого по рассказам таджиков доходил их горный скиталец-святой.

У нас с собой были всего две походные палатки. Так как было сравнительно тепло, мужчины легли спать без палатки, и поставили только одну для Елены Федоровны. Разостлав спальные мешки, мы улеглись. Я в эту ночь спал плохо. Впервые мне пришлось ночевать без палатки. Было как-то непривычно. Шум реки, открытое, ярко озаренное луной небо мешали заснуть.

На следующий день мы, запасшись дровами, направились дальше на ледник. Топливом приходилось запасаться, несмотря на неудобство, так как запас других видов топлива—керосин, спирт и проч.—истощился, и нам угрожала опасность остаться и без горячей пищи и без возможности обогреться у костра в морозные ночи, подстергавшие нас на ледниках.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЛЕДНИК

А вот и таинственный, окутанный грозными легендами и страхом местных жителей, заповедный ледник.

Ничего необычного мы в нем однако не нашли, кроме, пожалуй, противной жидкой грязи, сползавшей вниз с его первых больших выступов. Ежеминутно боялись мы про-

валиться в такое миленькое болотце, покрывавшее его поверхность. Пошли мы сначала с левой стороны. Шли частью по камням, частью по льду, частью осыпью. В начале ледника миновали последнюю пирамиду Николая Васильевича. Дальше пирамид не было.

Мы поднимались все выше, делая короткие остановки.

Н. П. Горбунов прокладывает дорогу в трещинах Язгулемского ледника.

Наши альтиметры показывали высоту 3450 метров над уровнем моря.

Наконец к вечеру, нигде не встретив тщательно разыскиваемую нами пирамиду Николая Васильевича, мы решили расположиться на камнях левой боковой части ледника. Беспокоило нас, что мы не нашли ни пирамиды Николая Васильевича, ни его самого. Стали подавать сигналы, стрелять из ружей и револьверов, жечь факелы и ракеты, но все было тщетно. Никаких признаков жизни, никакого присутствия человека.

Тогда Николай Петрович придумал другой способ. Он предложил таджикам-носильщикам осмотреть все окрестные места, обещая тому, кто разыщет Николая Васильевича, уплатить определенную сумму денег. Несмотря на обещанную награду, никто из них не решился идти на поиски вечером. Они просили отсрочить это поручение до утра.

Ничего не поделаешь! Приходилось ждать до утра, а утром, разбившись на несколько групп, идти вперед, охватив ледник во всю его ширь.

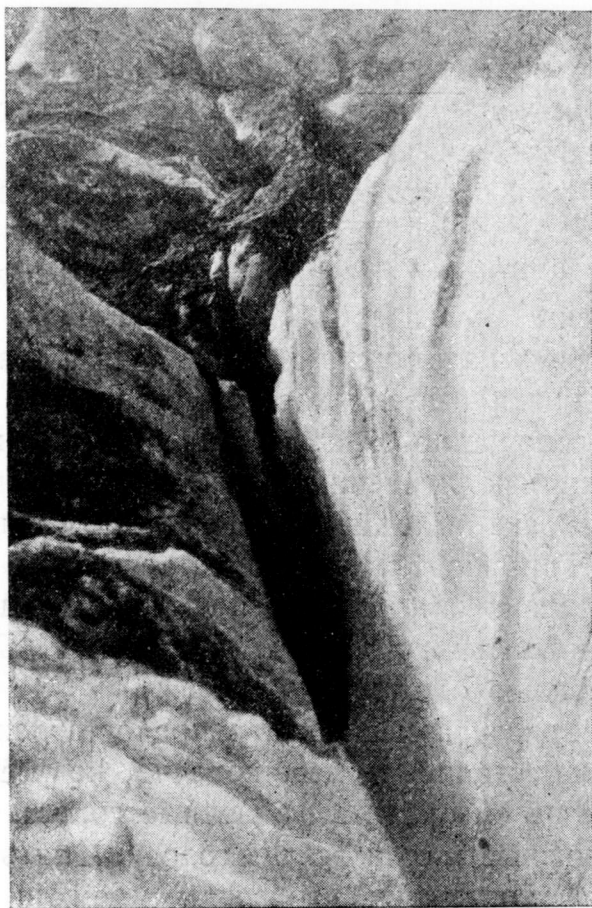
Это была одна из замечательных ночей. Всю ночь слышался грохот обвалов. Мы не могли ориентироваться из-за темноты, и потому не знали, которым из обвалов будем погребены. Был зверский холод. Сначала мы разместились в двух палатках, но очень скоро увидели, что озябшие таджики развели костер и все время поддерживают его, беспощадно сжигая заготовленные нами дрова. Мы вскочили как ужаленные. Остаться совсем без огня в этой обстановке было бы ужасно. Пришлось нам втроем, Дорофееву, Горбунову и мне, выбраться из палатки и уступить ее носильщикам. Сами мы остались под открытым небом. Разница между нами и таджиками была та, что мы имели теплую одежду.

Таджики долго размещались в предоставленной им палатке, но поместились в ней, конечно, не все. Всю ночь в их лагере не смолкали заглушенные голоса. Не спалось и нам. Тревожные мысли лезли в голову. Опять все то же — где Николай Васильевич, что с ним, идем ли мы по правильному пути, не сбились ли, куда придем? Вопросы, настигавшие нас неоднократно в течение всего путешествия.

Утром чуть свет холод и тревога подняли нас. Повели атаку на ледник. Дорофеев и Николай Петрович переправились на правую сторону, согласно указания, которое заключалось в одной из записок Николая Васильевича.

Мы с Еленой Федоровной остановились посредине, окруженные зияющими трещинами ледника, не зная, что нам делать. Наши попытки пойти вслед за Горбуновым и Дорофеевым встретили с их стороны резкий отпор.

Они сердито махали руками и кричали какие-то пре-

Ледяная трещина.

достерегающие слова. Что именно—слышно не было. Нас отделяло довольно большое расстояние.

Поколебавшись некоторое время, мы не послушались окриков и пошли направо, так как двигаться посредине—это значило беспрерывно нырять в огромные трещины и

искать из них выхода. Мы удивились, очутившись на правой стороне, почему нас сюда не пускали Дорофеев с Горбуновым. Перед нами был совсем гладкий, легко проходимый ледник. Мы облегченно вздохнули и быстро пошли вперед, но не пройдя и нескольких шагов, вынуждены были отскочить в сторону. Тут мы поняли их предостережения. Горы, окаймлявшие ледник с одной стороны, беспрерывно кидали вниз сплошные лавины снега и камней. Движение здесь было чрезвычайно рискованным.

Стало немножко жутко. Уйти опять на середину ледника нельзя было. Путь преграждали непроходимые ледяные пропасти. Пришлось пробираться вперед, вздрагивая от грохота лавин, оглядываясь по сторонам, отскакивая в сторону.

Остальных наших спутников не было видно. Мы были совершенно одни.

В одну из таких томительных минут нам вдруг показалось, что мы слышим чей-то крик. Мы остановились как вкопанные. Забыв на минуту об опасности, стали прислушиваться.

— Кто это? Кто-то зовет о помощи,—первая пришла в себя Елена Федоровна,—кричите, отвечайте,—дергала она меня за рукав.—Кричите громче!

— Кто-нибудь упал в трещину! Крики слышатся с середины ледника. Что нам делать, что нам делать?—метались мы.

А крики слышались еще и еще. Так прошло несколько томительных минут. И вдруг из-за одной из льдин показалась фигура красноармейца Нагуманова. Он чем-то размахивал в воздухе и издавал пронзительные крики. Когда мы с ним поравнялись, он рассказал, что кричал для того, чтобы привлечь наше внимание. Его послали обеспокоенные нашим долгим отсутствием Дорофеев и Горбунов.

От души выругавшись за причиненные нам волнения и посмеявшись над собой, мы пошли дальше уже втроем.

Вскоре впереди раздались один за другим два выстрела. А еще через некоторое время мы увидели впереди Николая Петровича, Дорофеева и несколько групп наших носильщиков и красноармейцев. Догнав передних, мы узнали, что это стреляли не они, а стрелял Николай Васильевич, который, по их словам, находится совсем близко от нас, на левом скалистом скате горы, над ледником. Подняв-

И. Г. Дорофеев в трещине Язгулемского ледника.

шись еще немного, мы увидели у большой скалы горную палатку, а рядом с ней Николая Васильевича, который махал нам платком, приглашая идти быстрее.

Мы быстро преодолели последнее препятствие—ледяные баррикады и оказались рядом с Николаем Васильевичем.

Когда Николай Васильевич, красноармеец и сопровождавший их старик-носильщик подошли к Мазару, старик

упал на колени и стал неистово молиться. А затем вдруг заявил, что дальше идти не следует. Он умолял их и рассказывал всякие небылицы и ужасы, которые якобы ожидают на леднике.

— Дальше ходил только святой, и больше никто туда пройти не может,—твердил испуганно старик.

Но Николай Васильевич оставался непреклонным. Старик дошел с ними до ледника, и здесь снова повторилась та же комедия. Когда мольбы не помогли и на этот раз, старик стал просить, чтобы его отпустили и в конце концов категорически заявил, что дальше ни за что не пойдет.

Затем Николай Васильевич рассказал нам, что было им сделано для выяснения дальнейших перспектив. Он исследовал подъем ледника, на котором мы находились, до значительной высоты и установил, что перевалить здесь через хребет невозможно. Ледник оказался недоступным. Николай Васильевич дважды с двух сторон пытался подняться на него, но обе попытки кончились неудачей. Он неизбежно наталкивался на непроходимые льды и принужден был возвращаться назад. На одну из льдин он все же попытался взобраться. И взобрался. Но когда пришлось спускаться, он попал в критическое положение. Стоявший внизу красноармеец Суходинов умолял Николая Васильевича скорее спуститься и больше не повторять своих попыток.

Николай Васильевич сжалился и пошел обратно. Но тут их настигала новая беда. Сверху на него налетел камень и легко ранил ногу. Но все-же Николай Васильевич в тот же день попытался взять «в лоб» скалу, у подножья которой мы сейчас сидели, и, осторожно пробираясь по рискованным местам, взобрался наверх на левую сторону того же ледника, обойдя, таким образом, непроходимую его часть. Оттуда он очень скоро попал на ровное снежное поле, по которому прошел очень большое расстояние,

и закончил свою разведку только тогда, когда убедился, что этот ледник вполне доступен и что по нему, очевидно, можно спуститься на другую сторону хребта. До спуска он не дошел, так как было уже очень поздно и необходимо было вернуться к убежищу.

— Хорошо, что вы пришли наконец. А я уже беспокоился,—закончил Николай Васильевич свой рассказ.— Дрова у меня сегодня кончились, продовольствие кончается, и я опасался, что, если вы сегодня не придете, мы с Суходиновым рискуем здесь замерзнуть.

— Как странно, что этот ледяной подъем перед нами оказался непроходимым. А нас так манила и привлекала кажущаяся простота этого перевала. Казалось так легко, чуть ли не по ступенькам, взобраться и перебраться через него.

— Если б мы не услышали вашего выстрела, Николай Васильевич, мы бы не свернули влево, а пошли бы прямо вверх, так нам казалось ясно, что именно туда нужно идти.

Наша беседа закончилась горячим супом и свежими лепешками, которые мы принесли из Барнавата. Мы решили в тот же день штурмовать и эту крепость.

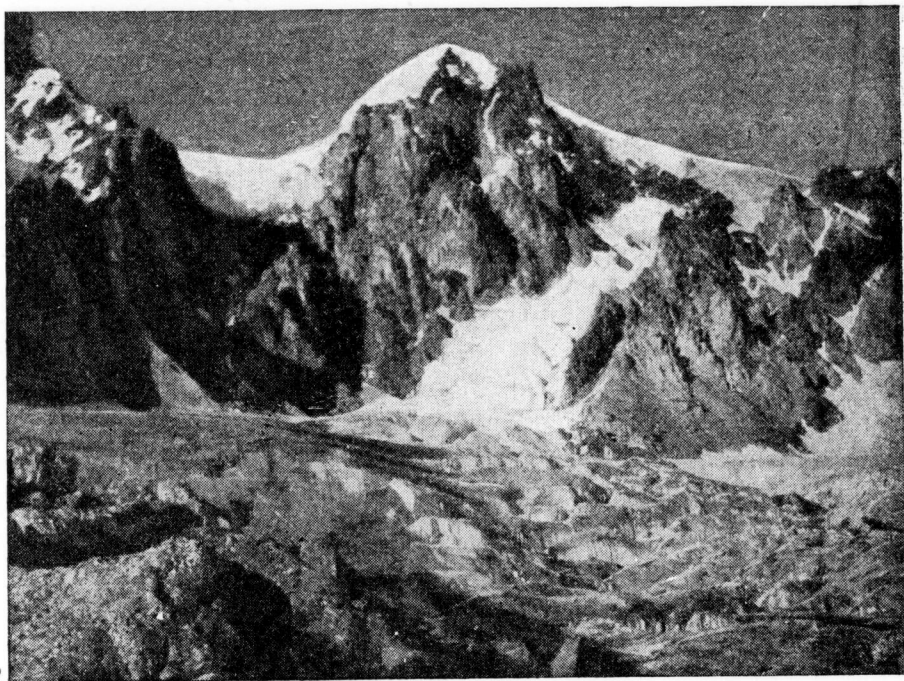
«В ЛОБ НА КАМЕННУЮ СТЕНУ»

Мы потянулись вверх по камням длинной вертикальной цепью. Подъем был очень крут, и мы установили определенные роздыхи через каждые восемь шагов. Отсчитав восемь шагов, мы останавливались перевести дух и снова двигались дальше, отсчитывая шаг за шагом.

Впереди шел Дорофеев, за ним Елена Федоровна, следующим Николай Васильевич, я, Николай Петрович и т. д. С таджиками и красноармейцами эта своеобразная цепочка-гусеница заняла довольно большое пространство. Движение наше было затруднено только срывавшимися

из-под ног камнями, которые представляли для идущих позади большую опасность. Заметив двинувшийся под ногами камень, мы старались изо всех сил задержать его. Если же не удавалось сдержать камня, раздавался сигнал об опасности. Тогда вся цепь настораживалась и лавировала.

Часа через полтора мы были уже на вершине скалистого подъема. Теперь нам предстояло пройти вдоль ска-

Пик Марго в верховьях Язгулемского ледника.

лы к ледникам. На скале были еле заметны выступы, на которых могла с трудом задержаться нога, и мы, цепляясь руками и натягивая веревки, с большим напряжением, перебрались по отвесному горизонтальному карнизу. Пройдя еще несколько шагов по камням, очутились на льду. Это был ледник, ведущий, как мы думали, к перевалу.

Мы сели на камни полюбоваться открывшимся видом и сделать топографическую зарисовку новой области.

Дорофеев вытащил свою неизменную записную книжечку, своего спутника и верного друга, и стал старательно зарисовывать горы и ущелья. Гор здесь открылось так много, что глаза разбегались. Николай Петрович помогал Дорофееву, определяя «бусолью» направление гор. Оба они почувствовали некоторое затруднение в определении направления гор, над которыми приходилось работать. Ни одна из этих гор не была обозначена на имеющейся карте и поэтому не имела названия.

Долго они пререкались, часто не понимая друг друга, и, наконец, Николай Петрович предложил:

— Давайте назовем как-нибудь условно и попроще эти горы, а то у нас уходит непроизводительно много времени на выяснение.

— Елена Федоровна, как зовут ваших дочерей? Сколько их у вас? Давайте для начала назовем горы их именами.

Имена были названы.

— Которая из них позлее?—спросил снова Горбунов.

— По-моему, они обе не отличаются этим качеством,—заметила, несколько недоумевая, Елена Федоровна.

— Ну, ладно, эта первая пусть будет Марина, а та подальше, с этой острой верхушкой—Галина.

Таким образом, Мариной оказалась та самая гора, которая так неумоимо забрасывала нас камнями, когда мы двигались у ее подножья по леднику.

— Марина совсем не такая злая, как эта противная гора,—смеялась Елена Федоровна,—это несправедливо!

Эта злючка-гора так и осталась Мариной.

Через некоторое время нас уже окружала целая группа ребятишек—больших и малых. Тут были горы—Марго и Микаэла, гора Атик, и ряд других.

В обществе этих белых великанов с ребячьими назва-

ниями нам предстояло много развлечений. Забавно было слышать такого, примерно, характера разговоры:

— Николай Петрович, бусольте на Галину и дайте мне цифры.

Или:

— Вы уже бусолили Марго? Сколько градусов Микаэла?

Мы смеялись, всем приятно было упоминание дорогих

В центре пик Микаэлы, справа пик Атик.

имен. Все мы успели соскучиться по близким, а в такой суровой обстановке было особенно радостно вспомнить о них.

ЖДЕМ СМЕРТИ

До вечера мы прошли некоторое расстояние по леднику, и лишь при полной темноте остановились на ночевку. Холод давал себя знать. Стали изыскивать средство

согреться. Кто очень озяб, тому разрешалось сделать один-два глотка из фляги со спиртом, взятым для научных целей и уцелевшим у «батьки» Горбунова. С судорожной быстротой разводился костер, а пока все прыгали на месте, стараясь как нибудь согреться.

— Где же мы сейчас?—попробовал спросить кто-то.

Ответа не последовало. Наша «топографическая надежда» И. Г. Дорофеев молчал.

Забрались в палатки. Всем места не хватило. Таджики частью влезли в палатку, частью разместились у костра. Не спалось. Для бодрости «батька», Дорофеев и я рассказывали веселые анекдоты. Вскоре я заснул, но, очевидно, спал недолго. Я проснулся от какого-то шума. Это Дорофеев звал таджика.

— Биа инжа, Курбан. Бисиар хунук унжа шума? ¹

Курбан, подойдя к палатке и громко стуча зубами от холода, едва процедил какую-то фразу по-таджикски.

— Нам так холодно, что мы ждем смерти,—перевел их слова Дорофеев.

Таджики были одеты в отрепья, и некоторые из них шли в мукках на голую ногу. Костер давно погас. Все вскочили как ужаленные. Первым выбрался из палатки Горбунов.

— Ну-ка, ребята, вытряхивайся скорей, — командовал выскочивший из палатки Николай Петрович.

— Палатку сейчас же отдать таджикам. Мы можем спать в своих мешках на льду.

Вопрос решен, двух мнений быть не может.

Полночь. Двенадцать часов. Дьявольски холодная, морозная ночь. Высота—4 465 метров.

«Батька» и Иван Георгиевич спали, не раздеваясь. А так как я не покидал своей привычки раздеваться на ночь, в каких бы условиях ни находился, то очутился в самом

---

¹ Иди, Курбан. Холодно ли вам?

критическом положении. Мне предоставили пять минут на одевание, наградив при этом парюю тепленьких слов. Дрожа от холода, я кое-как натянул на себя брюки, меховые чулки, теплую фуфайку и вылез из палатки под дружное понукание со стороны товарищей. Ледяной ветер пронизывал до костей. Так прошла еще одна ночь во льдах.

ТУТЕК

Утопая по колена в снегу, шли все дальше, вглубь этих вечных льдов и снегов. Жалким маленьким пигмеем кажется здесь человек. Но тем бодрее чувствовали себя мы, завоевывая каждый клочок этой нетронутой человеком природы. Ледник шел большими снежными уступами. Не успевали мы преодолеть один из этих уступов, как открывался другой, за ним третий, четвертый и т. д.

Это был обычный тип ледника. В одном месте ледник разрывался надвое глубокой пропастью, а над пропастью, в виде арки с хрупкой красивой резьбой стлался мостик. Нам показалось, что другого пути нет и надо переправляться именно здесь. Связались веревками. Предстояло переправляться по одному, чтобы хрупкий мостик не подломился. Надо было прежде других переправить кого-нибудь посильнее и поупористее, кто бы мог держать крепко веревку по ту сторону пропасти. Вызвался идти красноармеец Нагуманов, а за ним еще один из красноармейцев. Мы все, кто как мог, вцепились в веревку, стараясь не выпустить ее из рук. Нагуманов прошел легко и хорошо. Прошел и утвердился на противоположной стороне. За ним пошли альпинисты. Один за другим благополучно и быстро переправлялись.

— Здорово, молодцы,—покрикивал Дорофеев.—Держите веревку покрепче.

Перемудрили только при переправе Елены Федоровны. Державшие веревку так волновались, что, когда Елена

Федоровна сделала первый прыжок на мостик, державший тов. Дорофеев как-то невольно слишком сильно потянул ее, и Елена Федоровна, сбитая с ног, опустилась на одно колено. Момент был жуткий. Не сохрани Елена Федоровна равновесия, она неминуемо бы сорвалась с мостика в пропасть. Но этого не случилось. Елена Федоровна быстро вскочила на ноги и, крикнув что-то негодующее держащим веревку, поднялась на верхнюю часть мостика и перепрыгнула куда следует. За нами потянулись таджики, и мы благополучно миновали это опасное место. Пройдя некоторое расстояние, заметили, что не хватает одного таджика.

— Как нет?—всполошились мы.—Отстал, что ли? Как же вы не заметили этого?—взволновался «батька».

— Наверное отстал,—как-то вяло и безучастно ответили остальные таджики.

Высота давала себя чувствовать. У многих из таджиков и красноармейцев появилась необычайная вялость, сонливость и головная боль. Мы остановились. Прошло томительных десять минут ожидания. Таджика не было. Прошло еще десять минут. Таджика нет. Значит не отстал, а с ним что-то случилось. Немедленно отправили на поиски двух его сотоварищей. А пока стали выяснять, которого из таджиков нет. Выяснилось, что отстал самый слабый. Стали вспоминать, когда и где он отстал. Перебирали, кто и как переправлялся через мостик. Наконец еще через десять минут из-за поворота показалось два таджика, ведущих с большим трудом под руки качающегося из стороны в сторону и еле волочущего ноги пропавшего таджика. Это был первый случай заболевания «тутеком»¹. Больной страдал от сильной головной боли. Его мучила нестерпимая тошнота, на губах и на пальцах появилась резкая синева (синюха). «Тутек»—все симптомы налицо. Таджики очень боятся этой болезни.

---

¹ Так называется здесь горная болезнь.

Пришлось мне осмотреть больного и заняться восстановлением его сил. Дал ему сердечных капель и порошок пирамидону. Через некоторое время больной почувствовал себя лучше, синева стала проходить, дыхание улучшилось.

Носильщика освободили от груза и отправили дальше под присмотром. Опять двинулись вперед длинной цепью.

ОБЕРТКА ШОКОЛАДА МОССЕЛЬПРОМ

Для работы Ивана Георгиевича здесь был колоссальный материал. Надо все забусолить, заснять, записать. А кроме того, надо обследовать несколько ущелий. Дорофеев предложил подняться на одну из гор с левой стороны ледника, чтобы лучше заснять окрестные берега и посмотреть, что делается по ту сторону гор.

Николай Петрович, конечно, охотно принял предложение, а Николай Васильевич, ушедший, по обыкновению, несколько вперед, немедленно помчался обратно, возмущаясь, что это решение принято без него, и посылая по дороге энергичные ругательства.

— Да что они там, с ума спятили, чорт их побери? Уже поздно, неизвестно, куда идем, того и гляди подохнем, а они вздумали подъемы делать!

Николай Васильевич промчался мимо нас к Дорофееву и Горбунову.

Каково же было наше изумление, когда я и Елена Федоровна, обернувшись назад, увидели три знакомые фигуры. Они свернули с дороги и направились к горе по левую сторону снежного поля.

Пройдя еще несколько километров, мы остановились, чтобы подождать наших и организовать чай.

У нас оставалось только несколько небольших поленьев. Таджики прошлой ночью сожгли почти все дрова, и, несмотря на все усилия, чая вскипятить не удалось.

На разостланной кошме и полушубках мы растянулись, готовые сладко заснуть. Вокруг нас разместились красноармейцы и таджики. Среди них заболело еще несколько человек.

Вернулись наши разведчики, чем-то очень озабоченные.

— Ну, что, в чем дело? Что там?—забросали мы их вопросами.

— Да так, ничего,—ответил как-то нехотя товарищ Дорофеев.

— В той стороне горы долина. По всем признакам долина Ванч,—зловеще добавил он.

— Как Ванч?

— Да вот так, Ванч,—и больше ничего.

— Да что вы говорите! Что же делать?

— А сами не знаем, что. Давайте чая.

Теперь черед мрачных ответов дошел до нас.

— Чая нет. Вчера сожжены последние дрова.

— Как последние дрова? Не может быть! Нагуманов, Гизятов, как же это так не доглядели?

Дело приняло серьезный оборот.

— Охо-хо, оо-ох!—стонал больной таджик, зарывая голову в снег и изнывая, повидимому, от сильной головной боли.

Не лучше себя чувствовал и другой.

Я пошел оказывать им помощь.

Тем временем товарищи развязали мешок с холодной полузамерзшей бараниной, вытащили оттуда небольшой кусок баранины с косточкой и жиром и стали его по очереди грызть. Косточка обошла всех троих, и каждый с изумительной тщательностью старался не забыть ни одного местечка на ней. Баранина была единственной нашей пищей. Лепешек не было уже второй день.

Когда я подошел к товарищам, они любезно предложили мне воспользоваться основательно обглоданной косточкой.

Мы с Еленой Федоровной сообщили, что ничего не ели до прихода остальных, что нам очень хочется есть и что мы претендуем на самостоятельный кусок баранины. Нагуманов, исполнявший у нас роль завхоза, с разрешения Николая Петровича отрезал нам три ломтика баранины. Один, потолще, передан был Елене Федоровне, два других получил я.

Очевидно, тревога наших разведчиков была очень велика, так как Николай Петрович немедленно вмешался в это распределение.

— Нагуманов, зачем даешь два куска доктору? Ефим Михайлович, положи один кусок обратно. Нагуманов, это беспорядок. Можно только по одному куску.

— Но ведь ломтики совсем тоненькие, посмотрите, какие тоненькие,—протестовали мы.

К Николаю Петровичу присоединился Дорофеев и Николай Васильевич. Они упорно требовали, чтобы я вернул лишний кусок.

Я был в большом смущении, и как мне ни жаль было расстаться со вторым ломтиком, я сдержался и с грустью отдал второй кусочек баранины.

— Пожалуйста, возьмите и мой,—сказала Елена Федоровна,—мне что-то не хочется больше есть.

У всех остался неприятный осадок от этого инцидента. Все почувствовали, что он неспроста, что близко от нас витает угроза голодной смерти. Мы медленно двигались вперед. Мучила полная неизвестность.

Неужели снова идем на Ванч? Неужели окончательно потеряна ориентировка? Неужели неудача, и нам не удастся вернуться этим путем на ледник Федченко?

Мы представляли себе тревогу товарищей, оставшихся в основном нашем лагере по ту сторону хребта. Все сроки возвращения пропущены. Им предстоит большая работа. Мы их задерживаем, а может быть они даже разыскивают нас, отвлекаясь от собственной работы.

Стало вечереть. Солнце, бросив последние лучи на белоснежную равнину, скрылось за цепью гор. Сильнее давал себя чувствовать горный ветер.

Вдруг в передних наших рядах произошло замешательство. Таджики заметили какие-то странные пятна на снегу. Они утверждали, что это следы человеческих ног. Мы столпились, разглядывая неизвестные отпечатки на снежной поверхности, двумя правильными полосками тянувшиеся куда-то в сторону. Мнения разделились. Часть товарищей, к которой принадлежал и я, поддерживала версию таджиков.

Таджики упорно настаивали, что надо пойти по этим следам.

Мы согласились и пошли за ними. Так прошел еще час.

Но вот новая находка. Издали мы заметили небольшое пятно на снегу. Эта последняя находка не оставляла уже никаких сомнений в том, что здесь были люди, и были именно альпинисты.

Мы нашли обложку от шоколада Моссельпром, а рядом с нею желтую бумажку немецкой рекламы Шустера.

Было ясно, что кто-то из нашей же экспедиции бродил по этим местам. Мы хорошо узнали листочки Шустера, которые Отто Юльевич Шмидт рекомендовал нам как можно чаще оставлять по пути как знаки нашего следования, листочки, которых у нас в базе было очень много. Однако, как и почему попали сюда наши сотоварищи по экспедиции? Давно ли? Может быть они и сейчас находятся где-нибудь неподалеку от нас?

Судя по следам, довольно четко сохранившимся в этом месте, и по слегка побелевшему желтому листку немецкой рекламы, товарищи наши были здесь не больше недели тому назад.

От этого места следы шли уже в двух направлениях: одни в том направлении, в котором шли мы, другие налево.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ МОРОЗ

Мы решили идти по следам прямо, никуда не сворачивая. Вскоре наш aneroid показал высоту 5 200 метров. Отсюда начинался медленный ровный спуск. Но этот спуск упирался в горный выступ, и никакого перевала не было видно.

Может быть, за одной из высившихся перед нами гор и притаилось ущелье со спуском. Но предугадать это было трудно. Было почти темно. Холод дьявольский. У меня, несмотря на довольно быструю ходьбу, начинали мерзнуть пальцы ног, руки, уши, лицо.

Наши красноармейцы не шли, а буквально бежали вниз по едва заметным следам. Их истрепавшиеся сапоги плохо защищали коченевшие ноги.

— Ефим, забирай влево, влево к скале,—слышу я голос Николая Васильевича.—Пора на ночевку.

— Товарищи, на ночевку,—передаю я по цепи идущих впереди красноармейцев и таджиков.

Красноармейцы уходят от следов и, резко меняя направление, забирают влево.

Таджики, не разобрав в чем дело, запротестовали. Им не хотелось отходить от следов. Они опасались, очевидно, что мы собьемся и погибнем. И только когда я им объяснил, что мы не собираемся искать нового пути, а остановимся на ночевку, чтобы завтра идти по этим же следам, они тоже направились к скале.

И вот мы у скалы. Наши красноармейцы, разостлав на снегу большую серую кошму, с трудом стаскивали друг у друга сапоги и отдирали примерзшие к ногам портянки. Бедняги едва не отморозили пальцы ног. Долго и старательно оттирали их снегом.

Кое-как поставили палатки. Лютый мороз сковывал наши движения. Вероятно, было не меньше 20—22°. Забрались в палатки. О еде никто не думал.

Не было в нашем лагере только Дорофеева и Горбунова, которые свернули опять налево к ближайшим горам, чтобы исследовать спуск. Вскоре пришли и они.

— Ну, как, что выяснили?—послышались тревожные голоса из палаток.

— Ничего утешительного. Слева есть очень крутой спуск на Абду-Кагор и далее в Ванч.

— Значит ничего нового, опять тот же Ванч.

— Да, повидимому, Ванч. Больше ничего за темной разглядеть не удалось.

Невольно представили мы себе от ледника Федченко до Ванча путь, уже однажды пройденный, и мысль, что нам снова придется проделывать его, ничего не добившись здесь, не доставляла нам удовольствия.

— Да, невесело, что и говорить!

Долго еще мы, голодные и холодные, переговаривались в таких тонах.

— Ладно, давайте спать. Утро вечера мудренее,—сказал «батька».

Хорошо сказать—спать. А как заснуть в этакий морозище в брезентовой палатке, хотя и в теплом мешке, но прямо на льду, даже без матрацев, которые в таких случаях предохраняют и спасают, но которых с нами теперь не было по целому ряду причин? Пролежать долго не ворочаясь невозможно. Все время такое чувство, что части тела, соприкасающиеся со льдом, хотя и предохраненные теплым слоем одеяла, примерзают.

Ночью сильный ветер рвал наши палатки во все стороны, собираясь не то снести их, не то засыпать снегом.

Ночь была, как никогда, мучительная, холодная и длинная. А хуже всего было мучительное чувство неизвестности.

Значительно позже, уже в Москве, тов. Дорофеев сознался, что он не спал всю эту ночь. Дурные мысли, одна за другой, лезли ему в голову, несмотря на то, что нака-

Вид одного из боковых ледников.

нуне он храбрился. Утром мы увидели, что расположились на краю огромной трещины, едва покрытой снегом. Как просто ночью можно было угодить в трещину!

— Ну, что ж, повезло вчера, повезет и сегодня.

ОТКРЫТИЕ ПЕРЕВАЛА ТАНЫМАСС

Первый таджик, заболевший вчера, чувствовал себя все хуже и хуже. Не прекращалась головная боль, мучила рвота, все больше нарастала слабость. Он падал, зарывал голову в снег и твердил, что больше итти не может. Никакие медицинские средства не помогали. Я испробовал все, что было в походной аптечке, применяя последние средства для поднятия сердечной деятельности и улучшения общего состояния. Пришлось впрыскивать камфору и давать сложные порошки от головной боли.

Когда мы обогнули выступ горы, у которого ночевали, перед нами открылся прекрасный, довольно пологий спуск по ровному, как скатерть, леднику. Мы, повеселев, бодро зашагали вперед. Задерживал нас только больной таджик, которого тащили двое остальных, тоже почти освобожденные от багажа.

Пройдя некоторое время, мы заметили, что вчерашний след сворачивает вправо к подножью одной из больших гор высотой, по исчислениям Дорофеева, 6 800—6 900 метров.

У нас мелькнула мысль, что, может быть, Отто Юльевич с немецкими альпинистами находятся у подножья этой горы. Мы остановились и решили послать к этой горе одного из красноармейцев.

Пока мы поджидали его возвращения, Дорофеев старательно изучал местность, упорно справляясь о чем-то в своем топографическом дневнике. И вдруг он поразил нас неожиданной и ошеломляющей новостью.

Оказалось, что мы стоим уже на леднике Федченко,

в той его части, которая видна направо с главного русла. Это можно было предполагать по горам, которые окружали ледник. Некоторые из этих гор были в свое время засняты Дорофеевым издали еще во время нашего движения от второго высокогорного лагеря к первому перевалу. Теперь было ясно, что мы на верном пути, что отсюда до второго лагеря не больше 25—30 километров, а что самое главное, что мы открыли новый перевал, перевал Танымасс.

Все это было ошеломляюще неожиданно. Мы почувствовали огромное удовлетворение и гордость победы и стали поздравлять друг друга с нашими достижениями.

Вернувшийся красноармеец ничего нового нам не сообщил.

— Неужели осталось только 25—30 километров?—спросил Николай Васильевич.

— Да, не больше,— ответил Дорофеев.

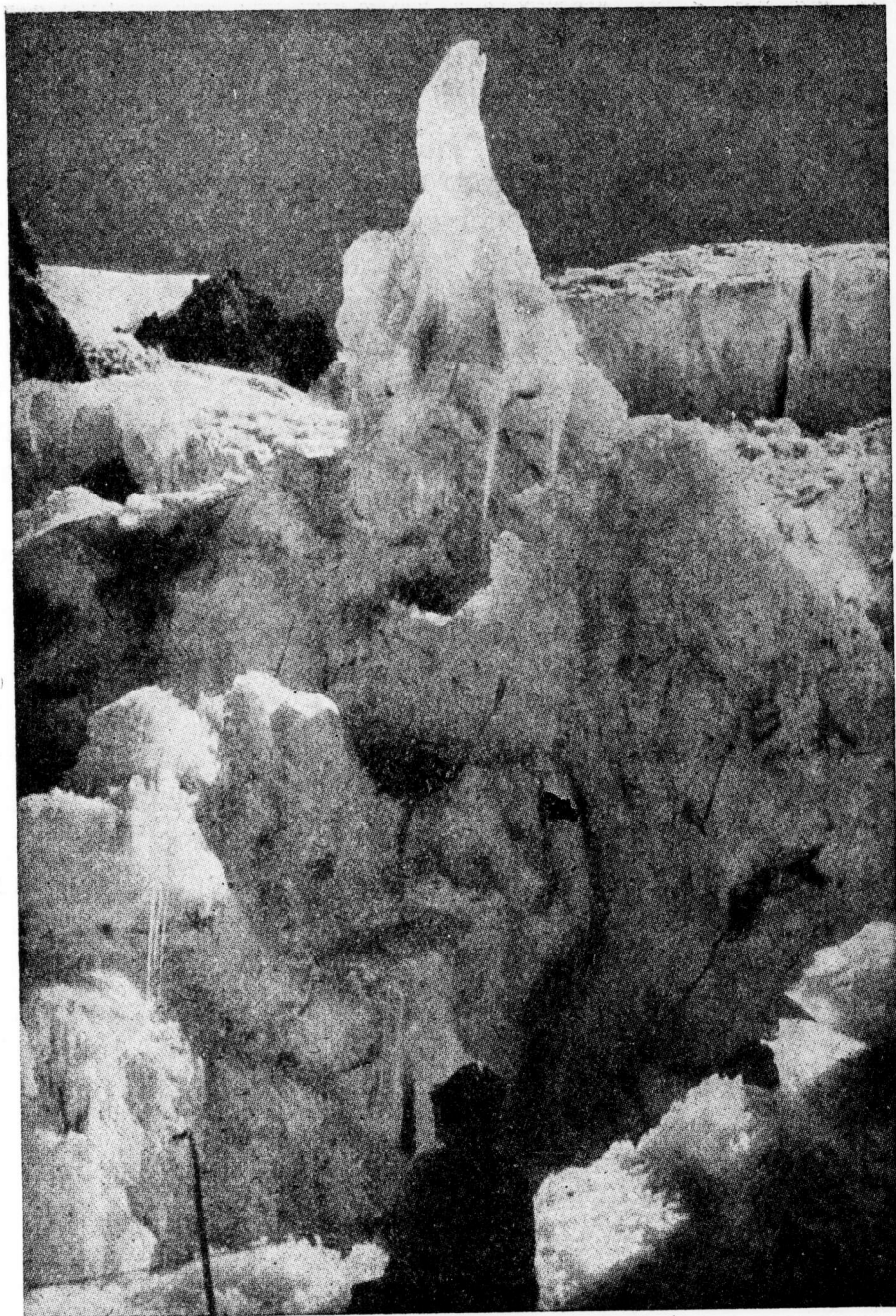
— Тогда я предлагаю совершить подъем на эту гору в 6 800 метров.

Такова человеческая психология! Только час назад мы, казалось, стояли перед непреодолимыми препятствиями, перед угрозой голодной смерти, перед опасностью заплутаться и погибнуть в этих неведомых местах, обремененные больными, чуть ли не умирающими. А тут мы вдруг обо всем забыли и готовы были ринуться в новую опасность.

— Да что ты, Николай Васильевич! Это же безумие! Ведь у нас не осталось ни продовольствия, ни топлива. И два или три человека больных.

— Хорошо безумие! По-моему это просто необходимо. Немцы, наверно, взбирались на эту гору, а мы не пойдем? Нет, это невозможно. Мы должны взять эту вершину. Давайте решать, кто пойдет.

С большим трудом уговорили мы Николая Васильевича отказаться от этой мысли. Пошли ко второму лагерю.

В верховьях Язгулемского ледника на южном склоне пика Марго.

Один из красноармейцев, Суходинов, вызвался предупредить наших товарищей во втором лагере о нашем прибытии и выслать нам продовольствия и дров. Было очевидно, что в этот день нам до второго лагеря не дойти и придется заночевать где-нибудь по дороге. Последняя часть ледника оказалась изрытой узкими глубокими трещинами, движение было до чрезвычайности затруднено, особенно с больными, которых приходилось нести на спине.

ЕДВА УСПЕЛИ

Мы подошли к знакомому нам уже озеру, которое, как читатель помнит, находилось недалеко от второго высокогорного лагеря, и расположились на морене с левой стороны озера. Стоянка эта была как раз на повороте ледника Федченко к Алтын-Мазару.

Разбили палатки. Дров нет. Но здесь это уже не страшно. Было значительно теплее, чем вчера. Есть нечего. Если не придут посланные вперед красноармейцы, предстоит еще одна голодная ночь. Долго ждали мы прихода товарищей из второго лагеря, но они не показывались. Зато утром на стоянку пришли два таджика и принесли нам замечательно вкусные вещи. Здесь были лепешки, банки со сливочным маслом, замечательные французские сливы, сыр, сахар, сгущенное молоко и т. д.

«Ага,—подумали мы, набрасываясь на все эти лакомства,—очевидно, прибыло выписанное нами из Германии продовольствие, и мы сможем полакомиться хоть теперь, под конец путешествия».

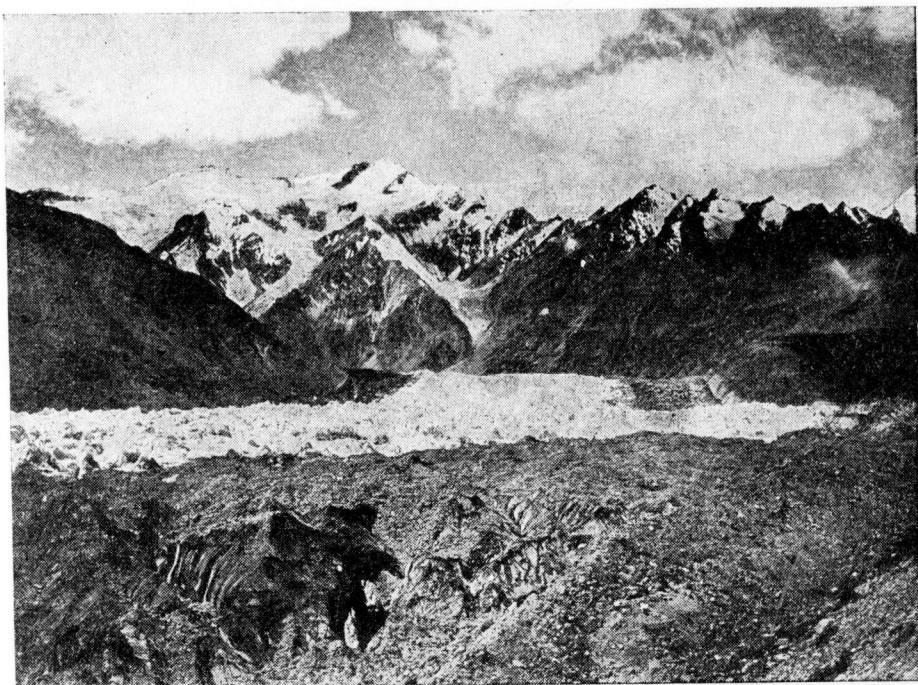
Принесли таджики и записку. Из записки мы узнали, что во втором лагере остался только один товарищ Лусс, что остальные, не дождавшись нас, ушли несколько дней тому назад в третий лагерь, образованный на морене против ледника, ведущего к первому открытому нами перевалу; а оттуда собираются 10 сентября продолжать путь

дальше по леднику Федченко с юга на север по направлению к Алтын-Мазару.

— Вот это ловко, чорт побери!

— Как же это так? Значит, если бы мы опоздали на один день, то остались бы без продовольствия и без дров? Хоть ложись да помирай! Едва-едва успели.

— По чьему же это распоряжению?

Танымасский ледник.

Надо было торопиться в третий лагерь. Дорофеев и Николай Петрович вышли довольно рано. Мы условились, что Николай Петрович сегодня же вернется сюда и пойдет во второй лагерь, а затем и в первый, так как он предполагал направиться через Коджар к озеру Ранг-Куль для производства специальных работ. Мы же должны были, не дожидаясь его, направиться в третий лагерь, а оттуда дальше в Алтын-Мазар.

Вслед за Дорофеевым и Горбуновым пошли и мы, распроставшись с нашими верными помощниками, носильщиками и частью красноармейцев.

Мы не узнавали ледника, по которому однажды уже пришлось идти. Прошло лишь три недели, а ледник стал неузнаваем. Там, где прежде лежал спокойный, гладкий твердый снег, где было сплошное снежное поле, сравнительно редко пересеченное трещинами, вырос настоящий игольчатый ледник. Ледник разъело лучами горячего солнца, глубоко проникшими в его поры. Каждую минуту ноги проваливались в воду. Приходилось прыгать с одной рыхлой снежной кочки на другую. Того и гляди провалишься в предательскую трещину, сверху прикрытую водой и жидким снегом.

Елена Федоровна не избегла этой опасности. Ей дважды пришлось принять эти ледяные ванны. В первый раз она провалилась только одной ногой, во второй раз— до половины туловища и задержалась только благодаря веревке и айспикелю. Это купание было не из приятных. Особенно неприятно было продолжать путь в мокрой одежде. Погода резко испортилась. Небо стало серым, появились черные рваные тучи и стали застилать одну вершину за другой.

Неужели начнется метель? Вот этого только не хватало! Все время путешествия нам везло в смысле погоды. А тут вдруг это новое осложнение. Гул в горах усилился, туман закрыл значительную часть лежащего впереди ледника, и когда мы пришли в третий лагерь, он был покрыт густым слоем снега.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

НАША ТЕЛЕГРАММА

Нас удивила какая-то странная тишина и безлюдие этого лагеря. Мы ждали встречи, рассчитывали найти всех товарищей здесь, но оказалось, что Николай Петрович и Дорофеев находились в обществе одного только немецкого товарища Бирзака, помощника Финстервальдера, а все остальные, вместе с Отто Юльевичем, совершали свой последний подъем на горы.

Николай Петрович сидел в палатке у Бирзака и расспрашивал его о том, что было сделано за это время немецкой группой альпинистов, каковы их дальнейшие планы, все ли здоровы...

Дорофеев заболел. Лежит в палатке. Пошел я его посмотреть.

— Что с тобой стряслось?—спросил я, входя в палатку.

— Трясет, горло болит, голова.

Измерили температуру—37,6.

— Открой рот! Ого! А ведь у тебя, брат, настоящая ангина.

Дал порошок аспирина, полоскание. Укутал его с головой и вышел из палатки.

Товарищи уже готовились к чаепитию. Я с большим удовольствием выпил целую кружку горячего чая и вдруг через несколько минут потерял голос. Как-то неожиданно из горла вылетали только какие-то шипящие звуки вме-

сто слов. Это меня сразу повергло в унынье. Я вспомнил случай с красноармейцем Филевым, который так же внезапно осип, а затем заболевание вылилось у него в злейшую ангину, которая тянулась около месяца.

В этот же вечер из второго лагеря прибыл товарищ Перлин, тот самый, у которого мы чуть не реквизировали в свое время сапоги для таджиков. Перлин успел вернуться из своего продолжительного путешествия по Бар-

Третий ледник на Танымассе.

тангу и в последнее время участвовал в работах немецкой альпинистской группы.

Как впоследствии оказалось, он был хорошим товарищем, незаменимым помощником в нашем общении с немцами, благодаря прекрасному знанию немецкого языка. А что самое главное,—оказался на высоте своего положения в качестве завхоза, которым мы его немедленно же назначили,

Вечером у палатки Николая Васильевича собрались все члены экспедиции и делились своими впечатлениями. Николай Петрович решил завтра идти вниз, а сегодня подводил итоги экспедиционной работе и составлял вместе с нами большую отчетную телеграмму в «Известия» и в Академию наук. В окончательной редакции мы увидели ее только в Москве. Она гласила следующее:

Москва, «Известия».—Поставленная нами задача выполнена. Группа Горбунова—Щербакова прошла пешком весь Танымасс-Бартанг, перевалила в Язгулем и поднялась до его истоков, произведя маршрутную съемку, ботанические и геологические исследования.

Группа: Крыленко, Дорофеев, Розмирович, Россельс, открыв два новых перевала с Танымасса в долину Ванча, спустилась по одному из них, перевалила в Язгулем и соединилась с группой Горбунова. Соединившиеся группы поднялись по Язгулемскому леднику и открыли новый перевал, высотой в 5 200 метров, выходящий на ледник Федченко. Таким образом оказалось, что ледник Федченко соединяется переметным снежным полем с 20-километровым Язгулемским ледником, названным экспедицией ввиду самоотверженной рекогносцировочной работы Николая Васильевича Крыленко, во время которой он чуть не погиб от горного обвала, его именем.

Дорофеевым и Горбуновым произведена полуинструментальная съемка ледника Крыленко и верхней половины ледника Федченко, который оказался одним из грандиознейших ледников в мире. Дорофеевым произведена подробная съемка ледника, спускающегося в Ванч,—ледника Академии наук, вновь открытого большого ледника, впадающего в ледник Федченко, названного именем геолога Наливкина, известного исследователя Памира.

Во время перехода группы Горбунова через перевал Кумачдара от каменной лавины едва не погиб студент Горного института Юдин, отделавшийся благодаря счастливой случайности легким ушибом.

В настоящее время группа советских альпинистов, соединившаяся в высокогорном северном лагере на леднике Федченко с германской группой, спускается по леднику в Алтын-Мазар. Горбунов, сойдя по Танымасским ледникам, направляется для производства биологических работ на озеро Ранг-Куль. Профессор Щербаков из верховьев Язгулема прошел маршрутной и геологической съемкой через Орошерский перевал и соединился с основной группой для следования Тахтакорумским перевалом в Алтын-Мазар.

Германским ученым Финстервальдером произведена огромная тщательная работа по фотограмметрической съемке всей неисследованной области. Германскими альпинистами совершен ряд превосходных спортивных восхождений на ряд гор до 6 600 метров высотой и в настоящее время подготавливается восхождение на пик Ленина. Германским зоологом Рейнигом произведена большая энтомологическая работа по поручению известного советской общественности профессора Оскара Фогта, на южном Памире открыт целый ряд новых форм.

Таким образом, в результате всесторонних работ экспедиции тайна так называемой неисследованной области полностью раскрыта. Все рассказы о неизвестной народности, обитающей в верховьях Язгулема, Ванча и Танымасса, оказались вздором. Таинственные перевалы Кишаль-Аяк и Танымасс пройдены советской группой с участием женщины, товарища Розмирович. Следует отметить блестящую работу кинооператоров Межрабпомфильма товарищей Шнейдерова и Толчана, принимавших участие во всех трудностях высокогорного похода, что даст возможность ознакомить широкие слои населения с интереснейшей областью Советского Союза. Все члены экспедиции здоровы и шлют свой привет.

Памярская экспедиция

Долго мы еще рассказывали друг другу о наших мытарствах за время странствования по неисследованным местам.

От Отто Юльевича мы узнали, что дня через два после нашего ухода из второго лагеря вернулись пропавшие немецкие разведчики—Винн и Борхерс. Голодные, больные и измученные, они едва доплелись до лагеря. Им навстречу была снаряжена специальная спасательная экспедиция.

Оказалось, что им удалось перевалить через перевал Кашаль-Аяк I, расположенный западнее от перевала Кашаль-Аяк II, который был открыт нами. А оттуда они, как и мы, попали в долину реки Ванч, тщетно пытались переправиться через реку и вернулись назад.

Теперь для нас стало понятно, что следы на берегу реки Ванч действительно принадлежали нашим немецким товарищам и каким образом они там очутились.

При попытках переправиться через реку Борхерс едва не утонул и был сильно избит камнями. Вся правая часть тела была повреждена, на ней насчитывалось больше десяти ран.

— Вот уже прошло три недели,—сообщил нам рассказчик,—как он лежит во втором лагере. Он не мог даже вместе с остальными перекочевать во-время в третий, и только сегодня или завтра переведут его сюда.

Таким образом, мы оказались счастливее наших немецких товарищей и не только избежали каких бы то ни было повреждений, но и достигли поставленной нам цели.

От него же мы узнали происхождение и вторых следов, найденных уже на перевале Танымасс. Это были следы Отто Юльевича и еще одного товарища, которые ходили нас разыскивать, дошли до опасной части ледника, по которой мы не могли подняться прямо вверх, чтобы попасть к перевалу Танымасс, а пошли обходным путем.

Отто Юльевич не нашел этого пути и, убедившись в невозможности спуска, повернул обратно.

Было уже довольно поздно, когда мы разошлись по палаткам. На другой день утром мы проводили нашего «батюку», пожелав ему успеха в новом деле, на озере Ранг-Куль, получили от него ряд директив и наставлений и условились встретиться уже в Москве.

ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТДЫХ И НАШИ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Сегодня наш день начался сравнительно поздно. Только к восьми часам мы выбрались к «чайному камню», превращенному в стол для всей нашей компании. Нам предстояло разрешить вопрос о дальнейших работах и обсудить все детали и условия осуществления полученных нами директив.

Так как все намеченное по плану для этой области Танымасс было выполнено, нам предстояло двинуться в

последний путь по леднику Федченко, с юга на север, к Алтын-Мазару, чтобы исследовать еще и эту часть гигантского ледника. Если нам удастся последний переход, тогда весь генеральный план, казавшийся вначале фантастичным, будет осуществлен.

Двинуться в тот же день мы не могли. Нам мешало два обстоятельства: отсутствие вещей, находившихся все еще во втором лагере и не доставленных в третий, и для всех нас нехватало носильщиков благодаря довольно большому количеству скопившихся здесь людей и багажа.

— Ну, что же, товарищи, выход один,—сказал Отто Юльевич.—Надо разбиться на две группы. Одна пойдет раньше, а другая подождет таджиков из первого и второго лагерей.

Предложение это мы приняли. К тому же Дорофеев был все еще нездоров, мы все изрядно устали и нуждались в одном-двух днях спокойного отдыха.

Сегодня было 10-е число, и нам предстояло тронуться числа 12 или 13 сентября.

— Вы что же думаете, Отто Юльевич? Я вам уступлю советский рекорд высоты?

Этот вопрос принадлежал все тому же неутомимому Николаю Васильевичу.

— Какой ваш максимум?

— Пять тысяч девятьсот пятьдесят метров,—спокойно сказал Отто Юльевич.

— Вы поднялись на пять тысяч девятьсот пятьдесят метров?—отчеканивая каждую цифру, повторил Николай Васильевич.—И вы думаете, что я сегодня же не достигну этой высоты? Дорофеич, ну-ка, глянь на эту гору, ну-ка, высунь свою голову из палатки, не бойся. Сколько метров здесь приблизительно будет?

Больной Дорофеев исполнил приказание.

— Думаю, Николай Васильевич, что шесть тысяч мет-

ров есть. А пожалуй, даже больше—шесть тысяч сто—двести.

Этого было достаточно. Николай Васильевич, не говоря ни слова, даже не успев допить своей кружки чая, побежал к палаткам немцев.

Оттуда он вернулся сияющий, условившись с Финстервальдером и Бирзаком проделать вместе подъем на эту гору.

— Николай Васильевич, вы проверять меня к немцам ходили, что ли?—спросил несколько обиженно Дорофеев, высовывая из палатки свою рыжую бороду.

Но Николай Васильевич был так поглощен стремлением поскорей влезть на эту гору, что даже не обратил внимания на вопрос Дорофеева.

— Нет, не я буду, если не возьму этой высоты в шесть тысяч метров. Ни за что без этого в Москву не вернусь. Елена Федоровна с новым рекордом, по сравнению с прошлогодним, доктор—с рекордом, а я что же? Так и останусь, удовлетворившись прошлогодней высотой Эльбруса! Нет, товарищи, дудки! Эти шесть тысяч метров будут мои.

Очень мне хотелось лезть вместе с Николаем Васильевичем, но тот отказался наотрез.

— Куда тебе? Сипишь, хрипишь, без голоса, а туда же суешься. Нет, уж ты посиди в лагере денек. Тебе рекордов не надо. Подождешь до будущего года. И так на тысячу метров больше прошлогоднего имеешь, куда тебе еще? Тебе за Дорофеевым ухаживать нужно, на то ты и доктор.

— Так-то так, а все же подняться хочется.

Отто Юльевич, видя мое огорченное лицо, поспешил напомнить о предстоящем трудном переходе и предложил поиграть в шахматы.

День был серый, скучный. Было холодно. Шел снег. Десятое сентября чувствовалось. Стояла настоящая зима.

Время от времени на наши хрупкие сооружения налетал, свистя и злясь, непрошенный гость—горный ветер из соседних ущелий, грозя смести и разорвать наши беспомощные маленькие брезентовые палатки.

Добавили несколько новых колышков и, укрепив их камнями, натянули потуже веревки, ослабевающие под напором ветра. Забились, как мыши в норку, в спальный мешок.

Книг нет, читать нечего. Одно развлечение—тетрадка и карандаш. Скучно в этих краях без движения. Скорее бы в путь. Мы часто выглядывали из палаток: не идут ли носильщики из второго лагеря? Наконец, на морене показались три человеческие фигуры. Но это не были носильщики с вещами. Это шел Борхерс со своими носильщиками. Шел, прихрамывая, без неизменного рюкзака, значит, чувствует себя еще плохо. А вещей наших все не несут. Надеялись мы, что, может быть, с вещами Борхерса принесут и наши. Но, увы, их не оказалось. По словам пришедших, во втором лагере не было больше носильщиков.

Товарищ Горбунов обещал прислать носильщиков из первого лагеря. Только тогда наши вещи доставят на место.

— Да, дело с носильщиками обстоит у нас неважно,— пожаловался и Борхерс.

— Хорошо, если Николай Петрович найдет их в первом лагере, а то нам придется идти вниз к Алтын-Мазару без вещей.

А нам так хотелось получить вещи! Хотелось переодеться, снять с себя изношенное платье и белье. Мы давно уже страдали от отсутствия самого необходимого. Особенно трудно, конечно, приходилось Елене Федоровне.

Борхерс очень изменился. Похудел, оброс бородой, щеки ввалились. Кругом забинтован. Видимо, здорово его потрепало во время переправы.

Расположился Борхерс у себя в палатке и прислал ко мне таджика с просьбой перевязать его.

Я обрадовался работе. Взял перевязочный материал. Пошел. Когда я вошел в палатку, Борхерс, уже разоблачившись, в полулежачем положении, с нетерпением, как мне показалось, подждал меня. Бедняга, должно быть, чувствовал себя неважно после перехода из второго лагеря.

«Как он завтра пойдет дальше?» подумал я про себя.

Стал его осматривать. Правая нога была, сильно израна. Как я выяснил, его довольно долго трепало течением, и он, то-и-дело попадая на острые камни, изрезал правую часть тела. Когда волна прибила его к берегу, с него ручьями текла кровь. Одежда, пропитанная кровью, прилипла к телу, и ему пришлось вместе с товарищем отдирать ее. Сейчас некоторые из ран уже поджили, покрылись корочками и рубцами. Только три, довольно глубокие раны на правом бедре и на кисти еще гноились и мучили его.

Я тщательно, насколько позволяли местные условия, промыл раны, перевязал и предложил ему сегодня не двигаться больше. Я выразил некоторое сомнение в возможности завтра тронуться на Алтын-Мазар. Не лучше бы было подождать еще денек и пойти вместе с нами. Ему, повидимому, не хотелось отставать от своих, и он обещал, что если отстанет от них, то будет ждать нас и вторую часть пути пройдет с нами. На этом мы и расстались. Он долго пожимал мою руку, выражая глубокую признательность за оказанную помощь и совет.

Когда я вышел из палатки, было уже темно. Товарищи собирались ужинать. Так прошел и этот день, прошла и холодная снежная ночь. А когда наступило раннее утро, начался шум, суета и сборы.

Первая группа, во главе с Отто Юльевичем Шмидтом, ушла. Мы остались одни. Товарищ Дорофеев третий день

лежит в палатке с ангиной. Только нос да рыжую бороду время от времени высовывал он из своей большой желтой шубы. Сегодня ему значительно лучше. Завтра, вероятно, будет совсем хорошо.

Елена Федоровна сидит у себя в палатке и, открыв одно из полотниц что-то зашивает.

Лев Абрамович Перлин совсем «зашился» с продовольствием. То банки какой-то не хватает, то чай куда-то положил, никак найти не может. Одним словом, из кризиса не вылезает. А мы то-и-дело терзаем его требованиями подкормить нас получше.

Примус не хочет гореть. Только поставили на него немецкую банку из-под чернослива с бараньей похлебкой, а он и потух.

— Товарищ Перлин,—кричит красноармеец Гизятов,— вы бы уж лучше наш чайник с водой, что ли, поставили погреть. А то примус, хоть и немец, а своих разлюбил. Не хочет похлебку баранью в немецкой посуде варить.

Таджики гуторят о чем-то в отведенной им палатке. Один из них с утра до ночи на маленькой деревянной дудке наигрывает свои песни. И хоть бы тон переменял, а то все одну свистит и свистит, протяжную и заунывную, в тон завываниям ветра. Еще больше тоску нагоняет.

— Елена Федоровна, а, Елена Федоровна! Вы говорили, что у вас маленькие карты, каким-то чудом уцелели. Вы меня в японского дурака хотели научить играть,—откликнулся Дорофеев.

— Да нескольких карт не хватает,—ответила Елена Федоровна,—ничего не выйдет.

— Ну, так давайте в русского, подкидного. Все равно. Обойдемся и без нехватящих карт.

— Ну, что ж, давайте, я согласна.

Стали звать меня.

— Доктор, а доктор, слышишь, что ли? Лезь в палатку в дурака играть.

— Сейчас,—сказал я, подходя к палатке,—в дураки, так в дураки. Ведь на самом деле больше ничего не остается.

Пошла игра в подкидного.

— Подождите, давайте, регистрацию заведем,—предложил Иван Георгиевич,—так азарту больше будет.

— Как регистрацию?—удивленно спросил я.

— А так, просто. И, достав кусочек белого картона от коробки кнаке-брот, начал:—Вот видите, три черты провожу... В эти столбики я буду вписывать палки-колы за каждого заработанного дурака. И вот посмотрим, кто из нас больше наберет. Вот увидите, какой азарт получится.

Мы начали играть, Дорофеев не ошибся. Скоро нас охватил настоящий азарт.

— Ага, вписать ему новую палку. Вписать ей новый кол, чтобы не гордилась.

— А что, Ефим Михайлович, перегнали?

— Ничего, Елена Федоровна, я не теряю надежды, что вы с Иван Георгиевичем догоните.

А Иван Георгиевич сидит, самодовольно разглаживая свою рыжую бороду.

— Ну, нет, товарищ, мне до вас далеко.

— Не петушись, сейчас сядешь. Ну-ка, ну-ка, Елена Федоровна, подбросьте ему еще.

— Ничего, ничего,—отвечал Иван Георгиевич, раскладывая по мастям набросанные ему карты.

— Запишите ему, Елена Федоровна, одну палочку, не вредно,—язвил я.

— Не беспокойся, я сам запишу. Ты только не волнуйся, не порти себе зря нервов,—уже злился Иван Георгиевич.— Нам, брат, еще переход делать, а ты выдохнешься. Промолчал бы, у самого пять столбиков, у Елены Федоровны четыре, а у меня только второй.

— Догонишь,—злился я.

— А ты смотри в карты. Чего зеваешь? Ходи,—стасовав карты, сказал Иван Георгиевич.

Каждый старался друг друга уколоть, уязвить лишним дураком. Мы так увлеклись, что товарищ Перлин едва-едва вытащил нас обедать. А после обеда снова в карты. Как запойные бродяги. Мы пришли в себя только тогда, когда уже смерклось. Дураков все набрали достаточно, но игра продолжалась. Примерно, часам к пяти вернулся с гор Николай Васильевич с Финстервальдером.

СОВЕТСКИЙ РЕКОРД

Пришел «дядя Коля» холодный, голодный и, увидя спокойно играющую в карты компанию, обозлился.

— Что же это у вас ничего не приготовлено? Даже чаю не могли приготовить! Люди дело делают, чуть головы не свернули, а они засели в несчастного подкидного.

— Николай Васильевич, ты чего злишься? Ну, засели, так засели,—ответила невозмутимо Елена Федоровна.— Тебе хочется чаю, так и говори! Чего же злиться?

— Нет, я сам сварю!—Он быстро притащил в палатку примус и стал варить какао по своему способу. В чем заключался этот способ, мы так и не узнали, но Николай Васильевич много раз в течение дороги варил это какао и очень им гордился.

— Что, Николай Васильевич, до вершины добрались?—спросил Дорофеев.

— Не совсем, пятьдесят метров осталось. Погода помешала. Да что вам рассказывать! Бросьте карты. Ефим, убери ноги, примус сбросишь,—продолжал ворчать Николай Васильевич. Мы приготовились слушать.

— Ну, что долго рассказывать—шесть тысяч сто пятьдесят метров взяли,—наконец сказал Николай Васильевич.

— Все-таки взяли? Значит, победа,—советский рекорд?

— Ну, рекорд, не рекорд, а взяли. Мой aneroid и Финстервальдера одну и ту же цифру показали. А вот до

вершины все-таки не добрались. Пятьдесят метров осталось. Чорт бы ее взял, погода мешала. С Финстервальдером при спуске чуть не произошло несчастье. По пути нам встретился крутой ледяной скат. Мы долго обсуждали, как спускаться. Финстервальдер сделал шаг вперед, сорвался и покатился вниз. Пролетел, примерно, метров сто. Ну, думаю, пропал Финстервальдер. Однако отделался он счастливо: слетел прямо в снег. Картина была

Фотограмметрическая съемка на высоте 5 600 метров.

жуткая. Но, когда я увидел Финстервальдера внизу, я ему позавидовал. Он уже внизу, а мне придется ступеньки рубить для спуска. Я уже почти решил сесть и съехать на полушубке вниз. Едва я приготовился, Финстервальдер, заметив, закричал и замахал на меня руками. Пришлось рубить ступеньки. А потом все шло гладко. Бирзак остался в горах на один день для съемки, а мы с Финстервальдером вернулись. А вы тут дурака валяете,—стал опять ворчать Николай Васильевич.

— Бросьте карты, какао готово, не то не получите. Кончился еще один день.

НАВОДНЕНИЕ

— Вставать пора, вставать пора, вставать пора!—слышалось за палатками знакомое, звонкое и неугомонное. Это, значит, Николай Васильевич встал, и ему скучно. Николай Васильевич всегда раньше всех ложится и раньше всех встает.

Посмотрел на часы—семь часов. В палатку тянет морозным воздухом. Не хочется выбираться из теплого мешка. Нос высунешь, и тот мерзнет. Хорошо ему, «дяде Коле». Он редко рискует раздеться, а бухнет, в чем есть, в мешок и, будь здоров, спит. А я не могу. В самый сильный мороз до белья раздеваюсь. Эх, спать все равно не придется, а полежать в теплом мешке—все же полежу. И, накрывшись мешком с головой, продолжал лежать. Хорошо, тепло, не дует. Через несколько минут слышу около палатки разговор. Примус разжигают.

— Гм... Кто же этот смельчак, выбравшийся из палатки? А, Лев Абрамович. Ему по должности полагается. А нам-то зачем? Все равно торопиться сегодня некуда. Вещей нет, носильщиков тоже. Рядом со мной, видимо, тоже притворяется, что не слышит, Дорофеев. Лежит, чорт, и хоть бы шелохнулся.

Вдруг, как вихрь, широко распахнув полотнища палатки, всовывается красное с мороза лицо Николая Васильевича. Мгновенно моя правая ступня захвачена в крепкие, как клещи, руки.

— Доктор, вставай, а то из мешка вытяну. Живо! Иван Георгиевич, ну!—хватает он его другой рукой за ногу.

— Подожди, Николай Васильевич, подожди минутку,—жалобно прошу я.—Сейчас.

Стараюсь подтянуть повыше ногу и освободиться от крепких клещей.

Дорофеев сладко зевает, потягивается и бурчит:

— Сейчас встану, сейчас.

То же происходит и в палатке Елены Федоровны. Может быть оттянул бы минуток десять. Но теперь становится как-то неловко. Надо подниматься.

— Батеньки, скандал! Под мешком Дорофеева вода. Каким образом?—недоумеваю я.

— Да ты не разговаривай, а смотри, как хлюпает здорово,—горячится Дорофеев.

— Да, это номер.

Волей-неволей пришлось вылезть из мешка и, к удовольствию и удивлению Николая Васильевича, выскочить скорей из палатки.

Мы вытащили все свое «барахло», чтобы установить причину наводнения. Оказалось, что в том месте, где лежал в течение двух дней Дорофеев, растаял лед и через маленькое отверстие брезентового пола просочилось мало-по-малу изрядное количество воды, подмочив и шубу его и полушубок.

Палатку пришлось как можно скорее переставить на другое место.

БАТЬКА ОБЕСПОКОЕН ПИЧУЖКОЙ

Снова ждем мы носильщиков, снова убиваем время кто чем может. Иван Георгиевич, сидя на камне, отдает распоряжения красноармейцам. Перлин у продовольствия. Елена Федоровна занята чем-то в палатке, а я сижу на камне со своей маленькой записной книжкой и балуюсь, записывая туда мелкие впечатления и факты. И не только записываю, но и зарисовываю. Сейчас объектом зарисовки служит Иван Георгиевич. Он невольно обращает на себя внимание своим своеобразным видом и просится на бумагу.

На голове у него зеленая шляпа, напоминающая шляпы

шведских рыбаков. Она ему очень идет, оттеняя отросшую рыжую бороду. Похож он сейчас не то на голландца, не то на шведа.

Приветливее стало греть солнце, порой даже становилось жарко.

Пришли и долгожданные таджики с вещами.

Николай Петрович тщательно сам отобрал необходимые, на его взгляд, для нас вещи. Мне он прислал какую-то маленькую птичку, которую нашел во втором лагере в моей палатке. Николай Петрович решил, что это какая-то редкостная пичужка, представляющая ценность для Академии наук, и, должно быть, «настолько большую ценность, что Ефим Михайлович даже не отпрепарировал ее, а так и оставил нетронутой», значилось язвительно в записочке.. Это было так характерно для Николая Петровича, характерно для той постоянной заботливости о научной работе, которую он проявлял во всех случаях нашего путешествия.

Мы были довольны его отбором. У каждого оказалось достаточное количество необходимых вещей. Неразрешенным остался только вопрос о носильщиках.

Мы решили не откладывать дальнейшего следования нашей группы и идти немедленно к Алтын-Мазару.

Едва мы отошли по леднику несколько десятков метров от нашей стоянки и перешли на левую боковую его марену, как мы встретили двух таджиков. Они мирно отдыхали, расположившись на морене.

Что за оказия, откуда они взялись? За плечами у них обычные корзины, в которых доставлялось продовольствие,—четыреугольные, довольно высокие, плетеные из белого камыша. Подойдя к ним, мы выяснили, что это таджики, посланные Николаем Петровичем из первого лагеря, что несут они нам свежие лепешки, баранину и деньги. Очутились они здесь очень просто. Накануне, поздно вечером, они прошли мимо нашего лагеря, не

заметив в темноте наших крохотных палаток. Ночь они провели на морене, и вот теперь сидели и размышляли, что им делать дальше. Это было замечательно удачно и сразу решило наши затруднения.

Очередная записочка Николая Петровича, кроме сведений о продовольствии, об оплате носильщиков, о деньгах и т. д., на этот раз содержала еще печальную для меня весть: «Передайте Ефиму Михайловичу,—писал «батяка»,—что товарищ Шнейдеров, спускаясь «исключительно удачно» по леднику из второго лагеря в первый, поскользнулся, упал и, отделавшись легкими ушибами, съехал на мандолине (моя бедная мандолина!), превратив последнюю всмятку». Я ясно представлял себе последний печальный аккорд моей мандолины. Жаль, очень жаль, что не удалось мне записать еще несколько напевов местных жителей.

ЛЕДНИК ФЕДЧЕНКО

Путь по леднику оказался совсем не таким страшным, как мы предполагали. Трещин, правда, было много, попадались они почти на каждом шагу, но это стало для нас привычным явлением. С левой стороны стлалась длинной грязной дорожкой все та же морена, покрытая малыми и большими камнями.

Проходя мимо ледника, который вел к открытому нами перевалу и которые мы называли по имени товарища Розмирович, мы остановились, чтобы еще раз полюбоваться красотой величественных ледяных гигантов.

— Давайте, мы снимем вас с Николаем Васильевичем,—предложил Елене Федоровне Дорофеев.

Щелкнул аппарат, мы идем дальше.

Вступили на снег. Хрустит, скрипит, ежится под ногами мерзлый снег. Легко и быстро идем вперед. За три дня ноги отдохнули и как-то сами собой уносят нас все скорей

и скорей вперед. Скоро и незаметно в непрерывном движении прошел день. Солнце, садясь, бросало свои лучи на ледяные скалы и этими, как бы мимоходом брошенными, черными тенями дополняло и подчеркивало неоткрытую еще тайну вечных громад.

Расположились мы на ночевку на камнях морены. Спать не хотелось, и мы втроем опять сражались в подкидного, с азартом оспаривая свои преимущества. Досидели до

Тип ступенчатого ледника на Танымассе.

двенадцати часов. В этот день мы прошли 18 километров

На следующий день мы продолжали путь так же, как и в первый, без особых затруднений. Контуры окружающих гор постепенно изменяли свои очертания. Большая часть из них, освободившись от льда и снега, были уже серого цвета. А к концу дня мы увидели, как заканчивалось ущелье, по которому мы шли, и издали показалась река. В бинокль нам представилось, что там не одна река, а две вытекают из различных ущелий и сливаются друг с дру-

гом. Однако, очертания их были едва заметны, и мы решили не заниматься гаданиями на этот счет.

— Ну, товарищи, наступает начало конца этого величайшего в мире ледника.

Несколько дальше склоны гор начали покрываться травой, мелким сухим кустарником, переходящим подчас даже в небольшие лески,—особенно с правой стороны ледника.

Если наши анероиды в третьем лагере показывали

Вид бокового ледника с ледника Нотгемейншафт.

4 100 метров, то здесь было всего уже 2 900 метров над уровнем моря. Воздух резко изменился, так же как изменилась и температура. Ледник, по которому мы шли, утратил свою белизну, посерел, стали попадаться на нем камни, песок. Словом, все вокруг нас предвещало скорый конец. На этот раз наша ночевка была устроена в совершенно иной обстановке. Мы шли очень долго, давно было темно, а останавливаться не хотелось. Наконец запротестовали уставшие носильщики.

Красноармейцы нашли подходящее место с правой сто-

роны, на мягком сером песке, у подножья нависших скал. Далеко на них виднелись очертания деревьев. Это место было особенно удобно нашему охотнику—Николаю Васильевичу. Он строил планы, как завтра утром, пока мы будем спать, а затем укладываться, пойдет в горы на охоту. Было тепло, настолько тепло, что лишними казались палатки. Таджики, обрадовавшись возможности развести хороший костер, взобрались на гору и усердно собирали большие стволы сухих деревьев, которые потом с шумом и грохотом сбрасывали вниз. Скоро загорелись большие костры, весело затрещали дрова. Я во все время пути продолжал работать с медицинской аппаратурой, кататермометром Хила и др. и, сидя перед кипящим чайником с водой, испытывал попеременно влажный и сухой кататермометр.

ПРОЩАЙТЕ, ЛЬДЫ

Мы сели за ужин.

— А ведь, вот, думали, что сегодня спустимся с ледника,—сказал я.

— Ну, что же, где наше не пропадало.

— Не сегодня, так завтра,—ответил Николай Васильевич, подожди, еще скучать будешь по леднику. Все-таки здесь лучше, чем там,—показал он в сторону спуска.— А я завтра, пока вы дрыхнуть будете, заберусь на скалу. Там настоящий лес, и не может не быть зверя.

Место, где мы находились, расположено недалеко от реки Билян-Киик. Пока мы вели разговоры о характере местности, таджики разыскали в одной из скал настоящую пещеру и развели там большой костер.

Много мы разводили за время путешествия на своем пути больших и малых костров, но такого еще не приходилось разводить. Картина была поистине чарующая. Огненные языки костра поднимались вверх, лизали черные скалы. Сухое дерево трещало, разбрасывая во все

стороны яркие искры. Порой пламя огненными столбами вырывалось из пещеры, зажигая сухой кустарник и траву и образуя широкий огненный ковер. И все это—в темную ночь, среди черных скал, на фоне умирающего гигантского ледника Федченко! Молодцы таджики!

Перлин решил заснять эту картину. Он предложил нам выбраться из палаток и снял нас в этой феерической обстановке.

— Боюсь, что передержка получилась, и темновато,—твердил озабоченно Перлин.

Ночь все же была холодная. Утром, когда я встал и взглянул на свои ботинки, беззаботно оставленные у входа в палатку, то оказалось, что они обледелели и внутри и снаружи и превратились в камешки. Пришлось греть их у костра, а затем колотить, что есть силы, деревянным молотком по задникам, чтобы кое-как размять. Николая Васильевича давно не было. Он еще с восходом солнца взобрался на скалы и где-то там шнырял за кийками. К концу наших сборов он вернулся очень раздосадованный. Надежды оказались напрасными, он ничего не нашел.

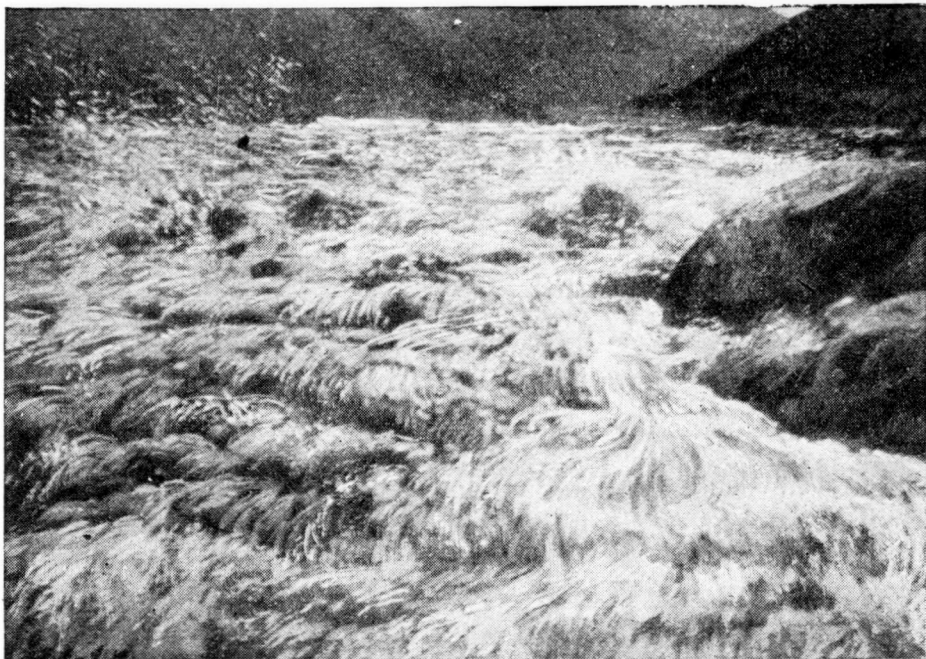
Мы начали спускаться с глыб морены. Это был спуск с ледника Федченко, длинный, обрывистый, сплошь засыпанный песком и камнями. Спускались мы довольно долго и бранились, что нет конца. Ледник, казалось, не хотел расстаться с нами, наворачивая на нашем пути все новые и новые глыбы. Наконец, к двенадцати часам мы стояли внизу, в долине, на берегу реки. Обернувшись назад, взглянули на покинутый ледник, и чувство настоящей грусти расставания, настоящего сожаления с большой силою охватило всех нас.

У ног наших ревел горный поток. Жаль расставаться! Когда-то еще попадем мы снова на такой ледник.

Прощайте льды!..

Мы выполнили наше последнее задание. Изученный и пройденный нами величайший в мире ледник Федченко оказался длиной более 75 километров. До последнего времени первым по длине ледником в мире считался Каракорумский ледник. Теперь он должен уступить свое место леднику Федченко.

Этот ледник, по выражению геолога, профессора Дми-

Река Блян-Киик.

трия Ивановича Щербакова, живой свидетель суровой ледниковой эпохи.

Спустившись с ледника Федченко в долины известных уже рек Билян-Киика и Муук-Су, мы тем самым перешли границу «белого пятна». Далее мы благополучно добрались до Алтын-Мазара, и, спустя два дня, кратчайшим путем, снова верхами, через перевалы Терс-Агар и Тенгис-Бай в город Фергану, а оттуда через Ташкент в Москву.

Теперь мы с гордостью можем сказать:

— Нет больше «белого пятна», нет больше «дикого племени» на Памире!

Точно учесть сейчас работу экспедиции в полном ее объеме, конечно, не представляется возможным. Можно лишь указать на те главнейшие результаты работ различных частей экспедиции, которые были своевременно опубликованы в печати начальником экспедиции Николаем Петровичем Горбуновым.

Экспедиция тщательно изучила и обследовала «белое пятно» Памира—область, имеющую площадь свыше 2500 кв. километров, до нас никем не исследованную. Все это пространство было заснято специальной фотограмметрической съемкой подробного масштаба. Были открыты тридцать новых крупных ледников, общим протяжением свыше 500 километров, и среди них ледник Федченко. Экспедиция открыла около пятидесяти горных вершин, высотой от 5000 до 7000 метров над уровнем моря, бывших до сих пор неизвестными. Были открыты пять перевалов, и среди них Танымасский и Кашаль-Аяк, окутанные до последнего времени легендами. Все это дало возможность создать точную карту западной части Памира, установить новые пути с севера на юг от Алтын-Мазара на Бартанг, Ванч и Язгулем, и с востока на запад от Танымасса к Язгулему и Ванчу. Таким образом, перед Таджикистаном открылась возможность воспользоваться этими новыми, до сих пор неизвестными путями, чтобы связаться с экономикой и культурой Запада. Далее, составлена специальная геологическая карта районов главных работ экспедиции. Найдены месторождения селитры. В одном месте обнаружены какие-то неизвестные соединения, в которых предполагается присутствие урана и, возможно, радия. До 240 килограммов образцов этих соединений отправлено для изучения в лаборатории Академии наук.

Установлен ряд новых астрономических пунктов, три-

ангуляционных вышек, которые закрепляют точное положение горных перевалов, долин и хребтов на географических картах.

Советскими и германскими альпинистами совершено около тридцати восхождений на вершины, имевшие высоту между 5000 и 6000 метров, семь восхождений на вершины выше 6000 метров и одно на пик Ленина высотой в 7124 метра. Произведены обширные метеорологические наблюдения над солнечной радиацией, причем установлено, что последняя достигает около озера Кара-Куль мирового максимума. Ряд интересных наблюдений проведено над самим озером, которое подверглось систематическому изучению. Среди них особенно интересным является открытие свыше шестнадцати древних, ясно выраженных, горизонтов озера.

Радиоотряд Памирской экспедиции произвел большое количество опытов, которые дают возможность сконструировать новый тип высокогорной легкой радиостанции, с которой при помощи портативной аппаратуры возможно установить связь на коротких волнах на любое расстояние. Доказательством последнего, как правильно указывал профессор Щербаков, было регулярное сообщение по радио с Москвой и Ленинградом.

Памирской экспедицией собраны обширнейшие зоологические, энтомологические, ботанические, минералогические коллекции.

Экспедицией было вывезено несколько тысяч страниц записей легенд и сказок, записанных специальным прибором. Кино-группой была создана фильма, в которой заснята значительная часть работ Памирской экспедиции.

В районе озера Ранг-Куль была обследована легендарная пещера, тщательно скрывавшаяся киргизами. В глубине пещеры была найдена записка, свидетельствующая о том, что в 1898 году эту пещеру посетила экспедиция Головина, о работах которой в литературе, к сожалению, не

имеется никаких следов. В пещере были обнаружены части человеческого скелета не очень давнего происхождения.

Вблизи Мургаба экспедицией определено место падения большого древнего метеорита. На месте его падения обнаружена воронка, диаметром около 80 метров и глубиной свыше 10 метров.

Все легенды, существовавшие до сих пор на Памире о так называемом диком племени, заманивавшем и пожирившем местных жителей, были разоблачены и рассеяны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Часть первая. Из Европы в Азию	
О вашем согласии сообщите	3
Как и зачем советское правительство решило снарядить экспедицию на Памир	4
Немцы приехали в Москву	9
Степь киргизская	13
Так вот он какой, Ташкент!	16
Ташкентские беспризорники	19
Кок-чай и все прочее восточное	21
Тюрьма	24
Часть вторая. По Памиру	
Паранджа, Могилы и шакалы	29
Мы заблудились	32
«Не плюну — лошадь сдохнет»	33
Киношники в засаде	35
Ходжа-Кель-Ата	37
Сорвались, разбились	38
Больной киргиз	41
Пик Ленина	44
Пограничники и контрабандисты	46
Тамаша	48
Как помочь?	50
Алебастровые горы	51
Цыган	54
Легенда о святом Кизыле	55
Долина смерти — Маркансу	56
Черное озеро	59
Двести-триста мышей	62
Джанны-Бек-Сагинбаев	63
Самодельная дудка и «Марш Буденного»	68
На 5 300 метров	70
Один в степи	73
Сюрпризы на Кара-Куле	75
Азартная охота	76
Архары	78
Мираж	80
Денежный ящик профессора Рикмерса	81
Тригонометрический знак	82
Взрыв скалы	85
Тренировка продолжается	87
Соколов тонет	91

Часть третья. Белое пятно

«Не узнаешь меня»	94
Танымасский ледник	98
«Плюй-пудинг» и голландский сыр	105
Разведка	106
Предприимчивые хозяйственники	108
Как наши?	111
Импровизированный концерт	113
Бесплатные актеры межрабпомфильм	114
Переход 25 километров по льду	115
Открытие перевала Кашаль-Аяк	120
Ищем спуск	122
Трах-ш-ш-ш-ш-ш	123
Что впереди?	125
Нет продуктов	130
Огонь, огонь!	131
Жуткие часы	133
Следы тигра	140
Пой-Мазар	143
Песни и пляски таджиков	150
Украли	154
Перевал Оки-Ба	158
Калян Урус Адам	159
В ожидании батьки	162
Страшно там	167
Таинственный ледник	171
«В лоб на каменную стену»	178
Ждем смерти	181
Тутек	183
Обертка шоколада Моссельпром	185
Дьявольский мороз	189
Открытие перевала Танымасс	192
Едва успели	195

Часть четвертая. Последнее задание

Наша телеграмма	198
Вынужденный отдых и наши развлечения	202
Советский рекорд	209
Наводнение	211
Батька обеспокоен пичужкой	212
Ледник Федченко	214
Прощайте, льды	217